

Брат Солнце

34 ✨ 2016–2017

В номере:

- Вильгельм Спирито OFMConv.
Открыться взгляду Христа
- Париакото.
Двое – как один брат
- Загадка Вифлеемской звезды

Издательство Францисканцев
представляет:

«ЗОЛОТАЯ ЛЕГЕНДА»

Первый русский перевод с латыни

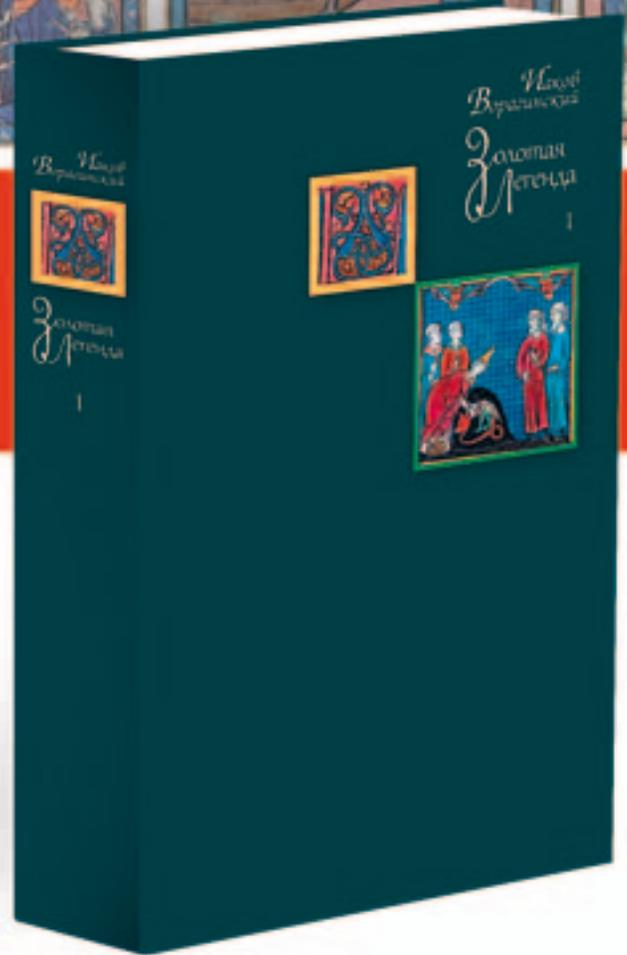
В середине XIII века доминиканский богослов Иаков Ворагинский (Якопо да Варацце) создал книгу «Легенда о святых», собрав в ней сказания о мучениках, подвижниках веры и великих христианских праздниках. Его сочинение стало одной из самых популярных книг Средневековья и получило название «Золотая легенда» (Legenda Aurea).

Полный русский перевод фундаментального труда Иакова Ворагинского с латинского языка осуществлен впервые преподавателями кафедры древних языков Исторического факультета МГУ И.В. Кувшинской и И.И. Аникьевым.

**Первое издание этого перевода выходит в двух томах.
Выход второго тома ожидается в первой половине 2017 года.**

Заказать первый том «Золотой легенды» можно на сайте магазина K-store:

store.icatholic.ru

K STORE

Брат Солнце
34 ✨ 2016–2017

Читайте в номере:

СОБЫТИЕ

Конференция старших настоятелей Центральной и Восточной Европы: в общности францисканского призвания **2**

ПУТЬ ВЕРЫ

Вильгельм Спирито OFMConv.
Открыться взгляду Христа **5**

ЗА СВЯТЫМ ФРАНЦИСКОМ

Париакото. Двое – как один брат **10**

СЕМЬЯ

Любовь в браке
Фрагмент Апостольского обращения Папы Франциска о любви в семье «Amoris Laetitia» **19**

СВЯТЫЕ

Мать Тереза:
«Бедные всегда рядом с вами» **26**

С БОГОМ НАЕДИНЕ

Андрей Буко OFMConv.
Удивительно современная история пророка Ионы **34**

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Всемирный День Молодежи: «Благословенны милосердные...» **42**

Юлия Ермакович
В городе милосердия **45**

ФРАНЦИСКАНСКИЙ ОРДЕН МИРЯН

Врач, христианин, терциарий **48**

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В. Пашкевич
Загадка Вифлеемской звезды **52**

ГРАНИ КУЛЬТУРЫ

Анна Гольдина
Медный Змий **56**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

О святом Сильвестре
(отрывок из «Золотой легенды» Иакова Ворагинского) **61**

«Брат Солнце»

Централизованная Религиозная Организация Католический Орден Францисканцев в России
123100 Москва, Шмитовский проезд, 2, стр. 2
Тел./факс: (495) 605 44 93; e-mail: bratsolnce@francis.ru

Над номером работали:

о. Николай Дубинин OFMConv. (главный редактор),
Мария Таривердиева (выпускающий редактор),
Игорь Баранов, Иван Сердюков

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение авторов статей не всегда совпадает с мнением редакции.

©Централизованная Религиозная Организация Католический Орден Францисканцев в России

При перепечатке ссылка обязательна.
Издается с разрешения церковных властей.
Журнал зарегистрирован в Комитете по печати РФ.
Свидетельство ПИ № ФС77–29159 от 17.08.2007 г.

Конференция старших настоятелей Центральной и Восточной Европы:

в общности францисканского призвания

С 17 по 21 октября 2016 года в московском монастыре Св. Франциска прошла ежегодная встреча Конференции старших настоятелей Центральной и Восточной Европы Ордена Францисканцев Братьев Меньших Конвентуальных.

Конференция – это структура внутри Ордена, которая помогает в общем планировании работы, объединяя в себе территории служения францисканцев, схожие по культуре и проблематике. При этом каж-

дая структурная единица Ордена сохраняет свою независимость. Ранее московский монастырь принимал встречу у себя в 2001 году – тогда она была приурочена к инаугурации Генеральной Кусто-

дии св. Франциска. А четыре года назад встреча проходила в монастыре Св. Антония Чудотворца в Санкт-Петербурге.

«Конференция – это, прежде всего, орган нашего внутреннего сотрудничества, он существует для обмена опытом, и большинство инициатив носит скорее внутренний характер. То есть, это – необходимый орган взаимопомощи, – говорит член Конференции, кустод Российской Генеральной Кустодии св. Франциска о. Николай Дубинин. – Можно сказать, что есть три «кита» нашей Конференции. Первый – это три большие польские провинции Ордена. Благодаря деятельности и ходатайству св. Максимилиана Кольбе на сегодняшний день почти четверть братьев в нашем Ордена составляют поляки. В Польше – большое количество монастырей и братьев. Поэтому есть большие возможности для подготовки братьев, формации, каких-то духовных инициатив. Потом есть Центральная Европа, где братья присутствуют в небольшом количестве. Здесь своя проблематика, каждая страна – отдельный мир, но это страны, где наше присутствие давнее, традиционное. И, наконец, «восточное крыло» – бывший Советский Союз – от Литвы до Узбекистана. Здесь это скорее миссионерская работа, и в таких условиях братьям действительно нужна помощь. Потому что, помимо миссии, есть ещё общее переживание нашей харизмы. Поэтому, с одной стороны, наши братья из больших провинций стараются прислушиваться к нашим потребностям, а с другой, получают какое-то свежее миссионерское дыхание».

Всего в состав Конференции входит пятнадцать братьев, двенадцать из них собрались в эти дни в Москве: они приехали из Польши, Чехии, Болгарии, Венгрии, Казахстана и Узбекистана. Также в состав Конференции входят братья из Беларуси, Украины, Словакии и Литвы. Территориально это самая большая Конференция в Ордена.

* * *

Мы попросили братьев, участвовавших во встрече, поделиться опытом служения.

Самая молодая миссия францисканцев находится в Казахстане – их присутствию в этой стране всего десять лет. Об их жизни рассказал о. Миха Маевич, который служит в Казахстане последние четыре года.

Единственная община в Астане, состоящая из трех братьев, окормляет небольшой приход на окраине города. По воскресеньям в нём собирается двадцать-тридцать человек. Отец Миха отмечает: «Часто к нам приходят православные или другие христиане, вовсе не определившиеся с конфессией. Мы стараемся поддерживать хорошие отношения со всеми».

На органные концерты в храм часто приходят мусульмане, а в музыкальной школе при приходе мусульман и вовсе больше, чем католиков. Каждое лето при приходе устраивается детский лагерь на семьдесят человек. Большинство детей, посещающих его, из неверующих семей. Так же, как и посетители детской комнаты при приходе – в ней оставляют детей с утра и до четырех часов дня.

Помимо работы в приходе, братья окормляют монастырь кларисс в Павлодаре. На вопрос, в чём на данный момент больше всего нуждается их миссия, отец Миха отвечает, что в настоящем монастыре – у них всё ещё нет своего дома.

* * *

Миссия францисканцев в Узбекистане была открыта в 1991 году. О ней рассказал о. Пётр Кава, который служит там уже девятнадцать лет.

К моменту приезда о. Петра в этой стране несли служение всего два брата. «Были остро необходимы братья, потому что мы окормляли приходы сразу в двух городах – Самарканде и Ташкенте», – вспоминает священник.

На данный момент в Узбекистане три францисканских монастыря и семь братьев. «Трудно найти братьев, которые хотели бы работать в таких специфических, а точнее сказать, уникальных условиях, – замечает о. Пётр. – Служение здесь отличается от других миссий, например, в Африке и Южной Америке. В первую очередь тем, что здесь очень маленькие приходы».

На 30 миллионов жителей Узбекистана приходится примерно пятьсот католиков. Пять приходов расположены приблизительно в трехстах километрах друг от друга. На вопрос, есть ли прирост верующих, о. Пётр говорит, что в 1997–1998 годах в ташкентском приходе было тридцать-сорок человек, а сейчас по воскресеньям приходят до двухсот верующих. «Разница ошутимая. Но уже несколько

лет количество католиков не увеличивается. Многие приходят, готовятся к Крещению, а потом, спустя какое-то время, уезжают. В основном, по экономическим соображениям».

Узбекистан – многонациональная страна. В Ташкенте есть корейская и англоязычная общины, в которую входят в основном дипломаты и бизнесмены. Русскоязычную общину составляют местные жители, но «местные» здесь – это русские, поляки, украинцы и др. Обращенных из практикующих мусульман нет, но есть обращенные из тех, кто считается мусульманином исключительно в силу узбекского происхождения, но никогда не ходил в мечеть. В смешанных христианско-мусульманских семьях родители обычно дают детям свободу самим выбирать свою религиозную принадлежность, и некоторые из них выбирают Католическую Церковь. Отец Пётр замечает, что так происходит потому, что католические приходы расположены в больших городах, где мусульмане очень умеренные.

Помимо окормления приходов, на протяжении десяти лет братья содержали благотворительные столовые при приходах в Фергане и Самарканде, а также дом для подростков из неблагополучных семей. «Но потом местные власти приложили все усилия для того, чтобы закрыть столовые и приют», – говорит священник. Сейчас подобной деятельностью в Узбекистане могут заниматься только организации, зарегистрированные как благотворительные. Церковь зарегистрирована как религиозная организация и не может заниматься благотворительностью. «Время от времени мы помогаем по запросу детским домам, домам для инвалидов, но это уже в индивидуальном порядке», – поясняет о. Пётр.

* * *

Братья-францисканцы на Балканах, хоть и находятся далеко от Средней Азии, но сталкиваются отчасти с теми же проблемами. О миссии францисканцев в Болгарии рассказал о. Ярослав Барткевич, который служит там одиннадцать лет.

Католическая Церковь в Болгарии малочисленна, католики составляют всего около 1% населения. Поэтому основные трудности там, как отмечает о. Ярослав, так же, как в Узбекистане и Казахстане, связаны с малочисленностью общин. Это касается как приходов, так и монастырей.

В настоящее время в Болгарии трудятся две общины францисканцев (всего пять братьев), одна на севере и одна – на юге страны. На юге монастырь не привязан к приходу, но в его часовне проводятся богослужения и встречи для верующих. Тем не менее, братья оказывают посильную помощь в приходе, расположенном в трёх километрах от монастыря. На севере Болгарии, в Плевене, братьям вверены приходской храм и санктуарий Матери Божией Фатимской. В тридцати километрах от Плевена есть населенная католиками деревня, куда францисканцы ездят регулярно.

Говоря о других вызовах, сопровождающих миссию в Болгарии, о. Ярослав замечает, что эту страну, как и многие другие, не обошли стороной секуляризация и религиозное равнодушие.

Что касается вызовов, стоящих конкретно перед братской общиной, священник говорит: «На Балканах мы живём маленькими общинами, довольно далеко друг от друга, поэтому у братьев ограниченные контакты, нет регулярного общения друг с другом. Мы рады братскому общению, когда отправляемся на встречи в Польшу или другие страны, но там, в Болгарии, наш ближайший сосед – это Турция. До остальных – ещё дальше».

На этом фоне позитивной оказалась новость о том, что в следующем году Конференцию примет у себя именно Болгария. Ранее Конференция уже собиралась в этой стране десять лет назад.

В сравнении с миссионерскими регионами интересно было узнать, с какими вызовами сталкиваются братья в традиционно католических странах и как видят задачи своего служения. Провинциал Гданьской провинции св. Максимилиана Кольбе о. Ян Мачеёвский, избранный новым председателем Конференции, говорит:

«Процент католиков очень высок, но, как говорил Папа Иоанн Павел II, Европа нуждается в новой евангелизации. Необходим новый, свежий взгляд, чтобы заново прочитать Евангелие и жить им. Мы видим, как разрушаются ценности в Европе. И наши братья из Азии и Африки сейчас говорят, что стараются не учиться у Европы. Главный вызов, стоящий перед Европой – заново открыть Бога. И мы, присутствующая там Церковь, стараемся делиться тем, что имеем».

Подготовила Анастасия Орлова

Вильгельм Спирито OFMConv.

Открыться взгляду Христа

5

Духовная жизнь, именно потому, что она является жизнью, представляет собой динамический процесс. Однако мы склонны представлять ее статичной, хотим ее структурировать, «придумать» раз и навсегда. Но это не действует. Потому что в жизни все рождается и развивается в соответствии с тем, как меняется личность.

В одной из книг о Марко Рупника, известного католического богослова и иконописца, есть такой эпизод. Автор рассказывает, что как-то утром он бе-

седовал в кабинете со студентом, а в кабинете располагался мольберт, на котором был только что написанный о. Марко лик Христа. «Мы сидели по разные стороны мольберта, – пишет автор книги, – и я спросил юношу: «Как ты думаешь, на кого смотрит Христос?». «На меня», – ответил студент. Я попросил его встать и подойти ко мне, а потом спросил:

– Представь себе, что ты сейчас один, и в голове у тебя – дурные мысли. Что делает Христос?

– Смотрит на меня.

– А теперь представь себе, что ты – с друзьями, сейчас субботний вечер, и ты пьян. Что делает Христос?

– На меня смотрит.

– Теперь вообрази, что ты – с девушкой, она тебе очень нравится, мысли у тебя путаются, в голове всякие фантазии... И что же делает Христос?

– Он все так же по-доброму на меня смотрит.

– А теперь ты – на литургии, читаешь первое чтение... А Христос?

– Смотрит на меня с огромным состраданием».

Вот если ты в любых обстоятельствах будешь на себе ощущать сострадательный милосердный взгляд Христа, значит, ты стал по-настоящему духовным человеком. Ты вновь обретишь настоящую цельность и духовное умиротворение.

Когда ты начнешь ощущать это милосердие, ощущать, как оно обволакивает тебя бальзамом благоговения, все начнет в твоей жизни меняться. Человек меняется благодаря любви, которая наполняет его сердце. А грешит – из-за недостатка любви.

Этот рассказ отражает суть динамики духовной жизни.

Если мы думаем, что должны завоевать духовную жизнь, завоевать Бога, убедить Его, что мы хорошие, то будем переживать процесс падения. Это тот же процесс падения, когда Адам ощущал себя обнаженным и хотел укрыться. После утраты близости с Богом Адам стремится к одному – укрыться, чтобы казаться кем-то другим. В чем смысл этого желания прикриты (фиговым листком, павлиньими перьями или монашеской одеждой – суть одна)? Мы себе больше не нравимся. А Господь продолжает вопрошать: «Где ты, Адам?» – «Я спрятался, потому что испугался».

Из-за страха я хочу приукрасить себя, переодеться, чтобы Бог принял меня за другого. Достаточно нарядиться соответствующим образом, чтобы ощутить себя тем, в кого нарядился. Но это лишь фиговые листки. Особенность падшего человека в том, что он пытается показать себя хорошим. Я боюсь быть обнаженным перед Богом, боюсь, что Он меня больше не любит. В этом драма Адама. Змей оказался очень хитрым: ему удалось вдохнуть в сердца Адама и Евы подозрение о том, что Богу неуютно их счастье.

«Вкусите и будете, как боги», – говорит змей. А они уже были, как боги, ведь они были сотворены по образу Божию. У них уже все было. Они все принимали как дар от кого-то, а в этой сцене со змеем возникает стремление принимать все как свою собственную ответственность, словно они сами себе это дают. «Моя пре-

лесть!» – то есть в каждом из нас живет маленький Голлум из «Властелина колец»... В итоге Адам интеллигентуется уже сам собой, а не своими отношениями с Богом.

Эту трагедию никакие «фиговые листки» прикриты не могут. Соблюдая уставы и правила, мы чувствуем себя «хорошими» и заслуживающими, чтобы Бог нас «похвалил». По сути, мы пытаемся показать, что мы хорошие. Но это не действует. В глубине нас всегда звучит тихий голос: «Ты не в порядке». И все наши силы уходят на то, чтобы доказать: «Нет, я хорош, я в порядке». Вместо того, чтобы сказать: «Господи, я не в порядке, помилуй меня...».

Мы пытаемся стать хорошими и красивыми ДО того, как обратиться к Нему, чтобы Он признал нас. Это мышление Моисея, а также фарисеев. В итоге зачастую получается: «Спасибо, Господи, что я не такой, как все...»

Говоря о наших харизмах и при этом принижая харизмы других, мы именно так себя и ведем. Мы стремимся к праведности по закону, а это – самоутверждение, и это неправильно. Многие труды оказываются бесполезными, потому что мы прилагаем усилия в неправильном направлении.

Самая главная ошибка – оторвать взгляд от Его взгляда на нас. В какой-то момент Адам и Ева перестают смотреть на Господа, уже не видят Лица, а смотрят лишь на плод. Есть такой известный аргентинский комикс, где девушка говорит подружке: «Я слышала, что весь этот бардак начался с яблока. Представляешь, что было бы, если бы это был арбуз».

Забывая об обращенном на него Взгляде, человек начинает смотреть на что-то другое. Мы можем смотреть на добродетель, идеал, харизму – но это явления, а не Личность, не Лик.

Мы становимся тем, что созерцаем. Если я смотрю на Лик, то обретаю лик, если смотрю на золото, то сам обращаюсь в золото, как царь Мидас.

Открыть Его взгляд очень опасно. Образ, написанный по просьбе сестры Фаустины, тоже очень опасный. Если вы позволите смотреть на себя, то рано или поздно от этого взгляда вам станет невыносимо. Отцы ранней Церкви говорили, что если хочешь познать, каковы твои отношения со Христом, то нужно сосредоточиться в молитве на шестой и девятой заповедях. Если ваши мысли, сердце, фантазия – очень грязные, позвольте Ему посмотреть на вас. И вы увидите, что такой вид покаяния – самый невыносимый.

Обычно человек сначала хочет исповедаться: «Если я нечист, то не могу стоять перед Господом». Однако все наоборот: возможность дать Ему на себя посмотреть дарует примирение и покаяние. За каждой греховной фантазией, идеей, греховным поступком стоит желание близости, облеченное в ложные одежды. Но само желание – настоящее. В них я не нахожу воды, но моя жажда – настоящая.

Пытаться утолить жажду, стоя перед Ним, это начало пути к истине. И тогда я открою, что Его сострадающий взгляд не меняется. Это то, о чем говорил студент в истории, описанной о Марко Рупником. Заново пробудить жажду, которая скрывается за моими недостатками, и без страха Адамова открыть себя Его взгляду.

И тогда человек начинает смотреть на все события своей жизни не из придуманного укрытия, где он прячется от Бога, а через призму Воскресения – так, как на него смотрит Бог.

Каков же я? Я пребываю в том моменте, когда Христос сошел в ад и искупил меня, или же до это-

го момента? Если я знаю, что воскрес со Христом, то не испытываю страха. Я уже не пытаюсь самостоятельно привести себя в порядок и стать праведным. Мария Магдалина стала святой после встречи с воскресшим Христом, а не потому, что привела себя в порядок. Если мы живем так, словно Христос нас не искупил, мы живем согласно менталитету «утраченного рая». Все усилия нужно направить на то, чтобы промыть глаза водой Крещения и заново открыть Его взгляд. Когда этого нет, мы – как слепорожденный, который еще не исцелился. Как фарисей, который думает, что все знает, но не исцелен.

Обрести духовный взгляд – это значит соединить свой взгляд со взглядом Христа и смотреть на все Его глазами.

При изучении нерукотворного образа Гваделупской Божией Матери было сделано удивительное открытие. На сетчатке Ее глаза на этом образе запечат-

лен момент, когда св. Хуан Диего распахивает плащ и оттуда падают цветы, а на плаще является образ Марии; запечатлены и все люди, которые стояли рядом. Глаза образа имеют такую же глубину взгляда, как у человеческого глаза. Получается, что люди как бы сфотографированы в глазах Богородицы. И так же мы «сфотографированы» в глазах Христа. Зеркало моей души, сердца, жизни – это именно Его глаза. Искусство духовности – в том, чтобы разглядеть черты своего лица в глазах Христа.

Когда человек осознает, что на него по-особому смотрят, все меняется. Когда встречаешь друга, то видишь, что его глаза сияют радостью. Ты понимаешь, что тебя увидели, что друг рад тебе! Маленький ребенок, видя лицо улыбающейся ему матери, начинает весь светиться. Если я рад встрече с кем-то, разве у меня будет скорбное выражение лица? Когда лицо другого проливает на меня свет, я и сам буду светом. Ницше говорил, что у современных христиан порой такое выражение лица, будто Воскресения и не было.

Пришествие Христа и Святого Духа направлено на то, чтобы вернуть Адама за стол Троицы. Нас ждут: *«Придите ко Мне... и многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном»*. Наше главное призвание – участвовать в жизни Святой Троицы, это значит – участвовать во взаимоотношениях. Мы – личности, которые должны стоять перед Личностями. Мы живем, чтобы вкушать это общение, эту сопричастность, наслаждаться ими.

«Ветхий Адам» – индивидуалист, «новый Адам» – личность, чей взор обращен к Лику. Новая жизнь – это жизнь общения. Все, что ведет к общению между личностями, является отражением Троицы, поэтому мы испытываем глубинную тоску по встрече с Богом и по встрече с другим человеком.

Итак, духовная жизнь либо становится истинными отношениями со Христом, либо наша страля не попадает в цель. И проблема именно в личностных отношениях. Отношения – это не просто позволить, чтобы на тебя смотрели, и смотреть самому, – это значит и говорить, и доверяться другому, видеть в другом его личность, признавать его приоритет.

Хорошо иллюстрирует эту мысль опыт апостола Петра, когда он пытался ходить по воде. У Петра горячая голова, он преисполнен энтузиазма – как неопит или послушник, желающий стать монахом. Петр обманывается, решив, что ходить по воде легко. А когда начинается ветер и поднимаются высокие волны, Петр понимает, что ходить по воде весь-

ма непросто. Он думает: «Была бы хорошая погода, я бы смог. А сейчас погода плохая». Но даже в хорошую погоду нельзя ходить по воде. Хождение по воде не зависит от погоды. Нужно, чтобы Христос позвал нас: «Иди!»

Икона монашеской, христианской жизни – это эпизод, когда Петр начинает погружаться в воду, а Христос протягивает ему руку: «Маловажный, зачем ты усомнился?..». Мы хотим напрямую идти ко Христу по воде. Но итогом будет то, что мы отправимся к компании рыб, которые обитают на глубине. Поэтому нам необходимо постоянно повторять: «Господи, спаси меня, помоги мне, помилуй меня!» Это не просто формула, это суть нашей жизни. Наша жизнь – процесс, в ходе которого нас нужно вытягивать из глубины. Мы проваливаемся в могилу, в глубины вод...

Динамика Пасхи – нисхождение Христа во ад и восхождение – отражает характер нашей жизни. Нас постоянно приходится искупать. И Христос это совершает: с нежностью, состраданием и добротой. Для нашего тщеславия тот факт, что нас нужно постоянно искупать, – проблема. Ведь мы хотим идти сами!

От отцов-пустынников до наших дней традиция заключается в том, чтобы постоянно с нежностью признавать нашу слабость и постоянно доверять себя Ему.

Так поступала Учитель Церкви св. Тереза из Лизье: образно говоря, она делала усилие, чтобы поднять ногу на одну ступень, и позволяла все время Христу поднимать себя. Христос нисходит в ад, он выносит на своих плечах потерянную овцу. Овца – мастер теряться, и мы все – такие. Когда пастух находит овцу, та позволяет нести себя, не брыкается. Мы же, наоборот: «Я буду нести себя сам, чтобы Господь меня похвалил!» Но лучше вдохновляться примером овцы.

Еще один источник для вдохновения: представить себе детство Девы Марии и Христа. Увидеть, как они, будучи младенцами, сами ничего не делают, все за них делают родители. В эпизоде бегства в Египет ангел велит Иосифу: «Возьми младенца и Матерь Его и беги в Египет...» Это очень важно – позволить «носить» себя. А мы претендуем на то, чтобы быть взрослыми. Постоянный вопль о спасении и способность позволять себя «носить» – в этом и есть динамика новой жизни.

Новая жизнь в нас словно заблокирована. Мы все еще переносим муки рождения (апостол Павел говорит о том, что все творение мучается муками рождения).

Чем больше присутствие Святого Духа и Духа Сына во мне, тем больше я начинаю поступать, как Сын, принимая свое сыновство. Наши мысли и чувства – не сыновьего характера, они присущи «ветхому Адаму». Когда мы это признаем, то начинаем молить, чтобы Дух пронизал все наши мысли и чувства. Он не будет «вламываться» в дверь, только я могу ее открыть.

Допустим, я хочу убить своего обидчика и спрятать труп! Что нужно делать? «Господи, я понимаю, что эта мысль не сыновья, не братская, помоги мне!» То есть, вместо того, чтобы пытаться задушить эту мысль, я открываю ее Святому Духу, рассказываю все и взываю: «Господи, помоги!». То же самое – и с дурными чувствами.

Я не сам, не своими силами должен избавляться от них. Если я испытываю сильный гнев на человека, то нужно взывать: «Господи, помилуй меня, посмотри, что творится в моем сердце!» Я не удивляюсь этим чувствам, не пытаюсь их контролировать! Контролировать – неправильно. Я не прячу такие вещи, а, наоборот, открываю и показываю их: «Господи, вот это... и это....». Иначе я буду, как индюк, который пошел к ветеринару лечить геморрой, но ему было стыдно, и он сказал, что болит горло. Мы примерно так же поступаем, когда, скрывая главное, идем молиться к Святым Дарам о чем-то второстепенном... А нужно прежде всего честно сказать: «Господи, вот такие мысли и чувства меня охватили. Помоги мне!» И если мы будем так поступать, наши отношения с Господом станут настоящими и наполнят всю нашу жизнь.

Можно сказать, что нужно позволить Его взгляду проникнуть во все мои открытые раны, не стремясь вылечиться самостоятельно. Необходимо открываться в молитве, в моменты близости с Господом, но делать это мягко и нежно, без возмущения и гордыни. Когда мы слишком часто повторяем: «Я, я...», то поддаемся индивидуализму Адама.

В итальянском языке слова «я» и «Бог» отличаются всего одной буквой: «io – Dio». Но эта буква все меняет! Жизнь в вере заключается в том, чтобы всегда отдавать первенство Ему, а не себе. И это относится ко всем моим чувствам, мыслям, настроениям: смотреть на все это вместе с Ним, а не со своей точки зрения.

Владимир Соловьев говорил, что мы можем быть подобны углю или алмазу. Они состоят из одного химического элемента, но у них разные физические свойства. Уголь поглощает свет и остается черным. Алмаз позволяет свету сиять, пропуская его через себя, и сам становится сияющим.

Когда мы хотим все взять под контроль, мы подобны углю. Когда же позволяем Господу проникать в себя, то сами начинаем сиять. Вот она, динамика духовной жизни: «уголь» превращается в «алмаз»! Трансформацию начинает вода Крещения. Но «уголь» и «алмаз» все равно борются в нас друг с другом.

Мы использовали разные образы, чтобы понять аспекты духовной жизни, но прежде всего – это жизнь в межличностном общении. Чем больше я ощущаю себя любимым чадом, тем быстрее увижу, что у меня есть братья и сестры. Однако этот процесс может занять сотни лет...

Решает и выбирает именно Он. Пастух несет на себе овцу, а не овца – пастуха. Наша задача – восстановить истинный взгляд на действительность и на самих себя. Как рыбы в аквариуме смотрят на мир через толщу воды, так и нам нужно смотреть на все как бы через воду Крещения. Иначе мирской менталитет незаметно займет все пространство нашего сознания. Мы стремимся действовать самостоятельно именно тогда, когда поддаемся мирским авторитетам.

Пока наше духовное видение не будет «перформатировано» Священным Писанием, литургией, трудами Отцов Церкви, мы не проникнем в суть вещей. Речь идет о том, чтобы вернуть себе видение: увидеть этот огонь Духа в каждой личности, в самой действительности! Мы окружены красотой, и поэтому нужна хорошая литургическая музыка, важно читать хорошую поэзию, видеть высокие образцы церковного искусства... Человек становится тем, что он созерцает.

Однако недостаточно впитывать свет только снаружи, ведь мир – падший. Этот внешний свет необходимо сочетать со светом Воскресения, Преображения, а он сокрыт. Представьте себе человека, который знаком с реальностью только по новостям. Но мы-то знаем, что Небесный Иерусалим приближается к нам, что река живой воды от Престола Агнца течет к нам... И всякий раз, участвуя в литургии, мы возносимся в Небесный Иерусалим и сидим за столом со Святой Троицей...

Правда о реальности проистекает из Парусии, а не из падшего мира. «Я пришел, чтобы иметь жизнь и имели с избытком», – говорит Христос. А мы нередко просто «выживаем», словно узники в концлагере. Этот взгляд Христа – для нас, место за столом – для нас, нужно только все это принять...

(Фрагмент доклада «В огне неопалимой купины: основы духовности посвященной жизни» на Всероссийской юбилейной встрече монашествующих в Москве) ☺

ПАРИАКОТО

Двое – как один брат

«Святой Франциск говорил в своих посланиях, каким должен быть меньший брат-францисканец. Когда я вспоминаю Збигнева и Михала, то они для меня – как один святой францисканец», – говорит о. Ярослав Высочаньский, который работал в Париакото вместе с мучениками – блаженными о. Збигневом Стшалковским и о. Михалом Томашеком.

Каково это – знать, что у вас есть близкие друзья на небесах?

После решения Папы Франциска о беатификации Михала и Збигнева я понял, что теперь нужно посмотреть на их смерть в другой перспективе. Задуматься, какую тайну через это мученичество хочет нам открыть Господь Бог... С одной стороны, ум требует разложить по полочкам все события, а, с другой стороны, сердце должно принять и согласиться с тем, что случилось. Ведь миссия рождается в сердце. Речь идет о сохранении памяти. Для меня это попытка стать орудием той истины, которая гласит, что кровь мучеников – это семя. Это взгляд в перспективе тайны Бога. Я сейчас стараюсь припомнить различные факты из жизни Михала и Збигнева, чтобы понять, что их вдохновляло.

Вы могли бы рассказать о них поподробнее?

Я начну, пожалуй, со Збигнева как со старшего – в момент смерти ему было 33 года... Это был человек исключительно рациональный. Я бы сказал, что ум у него был точный, философский. Чтобы решить какую-то проблему, он сперва тщательно изучал все факты, размышлял, какими средствами мы располагаем, затем думал, с кем мы могли бы сотрудничать. Позже приступал к реализации, проверяя при этом, насколько эффективным оказалось решение. Это был наш метод работы с людьми – и пастырской, и в других областях общественной жизни: «увидеть, оценить и действовать». Кроме того, он был человеком очень любознательным. В его комнате всегда лежали книги о минералах, публикации по географии. Для него было очень важно понять реальность, в которой мы жили и работали. Ему также необыкновенно повезло первые полгода работать с человеком, который хорошо знал жизнь в Перу. Это был священник Пабло Финк, родом из Тироля, доктор богословия Григорианского университе-

та. Долгие годы он жил в Перу, поэтому мог досконально объяснить Збигневу ситуацию в Церкви, государстве, особенности пастырства – особенно в сельской местности, а также среди горцев. Отец Финк руководил интернатом для мальчиков. Збигнев, служивший ранее в семинарии, успешно работал с молодежью – он был очень хорошо подготовлен к такой работе. Я думаю, что среди молодых людей он чувствовал себя как рыба в воде.

Михалу был 31 год, когда он погиб. Он был этакой «малочкой» – очень чутким и отзывчивым человеком. Я не хочу, конечно, сказать, что Збигневу не хватало чуткости, он тоже был отзывчивым, но Михал особенно заботливо относился к молодежи и детям. Он ходил по Париакото из дома в дом и рассказывал родителям, как важно, чтобы дети пришли в воскресенье в храм, на совместную молитву, на катехизацию... При этом он был очень терпелив. Он уговаривал, объяснял, почему это необходимо. Позднее ему удалось собрать группу детей. Этих детей становилось все больше. В храме он устроил для них особое место – расставил скамейки и положил маты, чтобы все дети поместились. Михал пел вместе с ними, объяснял, как участвовать в Евхаристии и катехизации. По воскресеньям, после полудня, он проводил в обществе детей по три-четыре часа. Он не жалел своего времени, «растрачивая» его на молодежь. Почти каждый день после вечерней святой Мессы он встречался с молодыми людьми. Сейчас я рассказываю о том, что происходило 24 года назад. В Париакото не было электричества, каких-либо развлечений. Единственное, что могло тогда привлечь людей, это Евхаристия.

У нас был генератор тока и небольшой телевизор, поэтому по вечерам мы могли еще и показывать для всех жителей Париакото хорошие фильмы. Можно сказать, что в то время наша миссия стала самым интересным местом для всего городка... Сейчас времена изменились – есть свет, электричество, дискотеки. А в то время нам проще было найти путь к сердцам молодых людей. Верным товарищем детей и молодежи был именно Михал.

Когда я смотрю на Збигнева и Михала, они оба составляют для меня образ идеального брата-францисканца. Мы знаем из сочинений святого Франциска, что быть идеальным меньшим братом способна только вся община в целом – множество братьев, каждый из которых своими дарами и талантами служит общине. Так что можно сказать, что Збигнев и Михал – это один святой францисканец. Первому из них был присущ дар рационального мышления и действия, а второму – дар спонтанного выражения любви. Они друг друга дополняли...

А как у них складывались отношения с людьми? Я слышала, что горцы в Андах очень замкнуты, однако братьям как-то удавалось с ними общаться...

Это правда. В испанском языке даже есть такая поговорка: «Ты смотришь на лицо и не понимаешь, что говоришь сердцу». Однако я думаю, что очень большую роль в общении с людьми сыграла наша бедность. Бедность – это великолепное орудие евангелизации. Не потому, что мы стараемся быть бедными, а только потому, что Христос унижил Самого Себя и пребывал среди нас. Если мы бедны, то есть унижаем себя, то в нас есть сила Христа, необходимая для построения общины. На практике, когда я испытываю нехватку чего-либо, я должен постучать и попросить. Когда я о чем-либо прошу другого человека, устанавливается прежде всего зрительный контакт, а затем словесный. Именно таким образом возникает связь

между людьми. На основе личного контакта с другим человеком создается община.

В Париакото мы приехали не как богатые миссионеры. Мы были далеки от образа миссионера с полным мешком долларов. Мы прибыли как бедняки, и в этой бедности мы были очень близки к людям. Позднее это проявлялось уже в конкретных отношениях. Когда нам нужно было сделать что-то на территории миссии, мы просто трудились рядом с людьми. Самые обычные, простые действия объединяют людей. Не только проповедь, провозглашенная с амвона. Конечно, проповедь тоже нужна, но мы тогда еще не слишком хорошо знали язык... Самое важное для нас – попросту быть среди людей. Збигнев с Михалом – это прекрасный пример того, что святой Франциск выразил в 16-й главе Устава, не утвержденного буллой. По словам святого Франциска, братья среди неверующих, во-первых, должны жить с ними в мире и по-христиански, а лишь потом, когда распознают, что такова воля Господня, могут начать проповедовать Слово Божие. То есть у нас, францисканцев, на первом месте должна быть жизнь и только потом – проповедь. Поэтому во многих уголках мира францисканцы просто присутствуют, молятся, живут среди людей. Иногда у меньших братьев даже нет храмов, чтобы проповедовать, но люди их очень любят и уважают. Сила францисканства основана на том, чтобы разделять жизнь людей – такую, как она есть. Это не наша сила, но сила, исходящая от Христа, Который пребывает среди нас. Этот аспект пребывания среди людей мы переживали очень глубоко. Мы ведь приехали из бедной Польши. Сперва нам помогали сестры, которые приглашали нас к столу у себя. Позднее, ког-

да мы уже начали работать, люди приносили нам различные дары, которыми хотели с нами поделиться.

Возникали дружеские отношения между братьями и местными жителями?

Да. У Збигнева, несомненно, были среди них друзья. Михал в этом отношении был даже более открыт. Знаю, что он был духовным наставником многих молодых людей, которые могли рассказать ему о разных проблемах, о своей трудной жизненной ситуации. Сегодня именно они хранят память о братьях-мучениках.

Вместе с о. Михалом и о. Збигневом беатифицирован священник Алессандро Дорди. Он работал в ста километрах от Париакото, но это была та же самая епархия. Братья его знали, общались с ним?

Да, конечно. Алессандро Дорди намного дольше жил в Перу и имел богатый опыт. Он хорошо знал Париакото, даже периодически приезжал туда, поскольку участвовал в курсах для катехизаторов, которые мы там организовали. Перед нашим прибытием в Перу он сотрудничал с сестрами, которые готовили эти курсы. Поэтому он был для нас своего рода наставником – на собственном примере показывал, как жить среди людей, к которым нас послали.

Как долго он работал в Перу?

Несомненно, дольше, чем мы. Мне кажется, что он приехал еще в 70-е годы. Отец Алессандро хотел быть миссионером в Африке. Однако Господь послал его в Перу. Он прежде нас побывал в Париакото, но затем епископ Луис Бамбарен предложил ему работу в Санте. Отец Алессандро очень хорошо знал особенности жизни и пастырской работы среди местного населения. Мы часто навещали его, встречались с ним также на разного рода епархиальных встречах. Как мы знаем из рассказов свидетелей, когда о. Алессандро узнал о гибели о. Михала и о. Збигнева, он сказал: «Следующим буду я». Он это предчувствовал...

Мы говорили о дружеских отношениях с местным населением, но, зная об обстоятельствах гибели о. Михала и о. Збигнева, нельзя не спросить: у них были враги? Кого-то их деятельность не устраивала?

Я думаю, что у Збигнева наверняка были враги... Он очень настойчиво и открыто проповедовал истину. Даже если речь шла, например, о строительных сметах. Он действовал очень конкретно и радикально. Бывали случаи, когда он обнаруживал разные злоупотребления, совершенные по человеческой слабости, и открыто об этом говорил. Поэтому я думаю, что люди, которым он прямо указал на недочеты, могли быть недовольны. Но, несмотря на это, вокруг нас ничто не свидетельствовало о наличии врагов или недоброжелателей.

Сейчас мы узнаем новые факты, о которых прежде не говорилось. Например, появилась информация о том, что в молодежной группе кто-то шпионил или даже доносил на миссионеров...

Епископ публично называет имя этого человека... Мы знали, что в нашем окружении могут быть доносчики. Указать на это могут слова Збигнева, произнесенные незадолго до смерти. Наша кухарка сообщила, что в селе находятся террористы. Отец Збигнев ответил: «Нам нечего скрывать. Если за нами придут, мы будем свидетельствовать об истине».

Мы действительно не опасались, потому что наша жизнь была совершенно прозрачна. Нам ничего не нужно было скрывать. Юноша, о котором упоминает епископ, происходил из семьи, которая была каким-то образом связана с террористической организацией «Сендеро Луминосо» («Светлый Путь»). В молодежной среде его воспринимали как чрезмерно любопытного. Иногда он появлялся неожиданно. Некоторые даже шутили на эту тему, говоря ему: «О, смотрите, откуда ты тут взялся?» Но мы просто жили, работали. Не было времени задумываться, кто и зачем на нас доносит.

Что касается обстановки в Париакото, то многие источники информации сообщают, что еще раньше вам угрожали...

До моего отъезда в июне 1991 года официально мы не получали никаких письменных угроз. Однако я убежден, что каждый из нас по-своему переживал драму возможной опасности и готовности к смерти. Сегодня, спустя годы, я часто вспоминаю одно обстоятельство, которое меня всегда удивляло. В Париакото у нас не было электричества, мы жили бедно. А бедный человек обращает больше внимания на то, что его окружает. Например, мы должны были следить, сколько керосина осталось в лампадке, чтобы она не погасла. Однако утром часто оказывалось, что в лампадке, которая находилась в часовне, керосина стало меньше. Это значило, что кто-то из нас ночью моллился. Поэтому думаю, что каждый из нас находил время, чтобы погрузиться в Господа, искал в Нем убежища, чтобы пережить все происходившие с нами события. Конечно, в душе каждого из нас было много вопросов. Созерцание для меня – это очень важный элемент нашей работы, присутствующий в любой нашей деятельности. Мы вели курсы для катехизаторов, осуществляли много социальных программ. Мы исполняли пастырские обязанности, работали среди больных, занимались катехизацией, выезжали на праздники в отдаленные деревни (часто на лошади, иногда дорога отнимала десять или двенадцать

часов)... Мы возвращались очень усталыми, но находили время на молитву, на созерцание. Мы были просто общиной, которая молится. Это очень важный аспект, поскольку именно из созерцания рождается миссия.

Мы получали предостережения, но они не были обращены к нам непосредственно. Однако прямым предостережением могла быть последняя Пасха в местности Качипампа. Когда туда приехали о. Михал и сестра Берта, им угрожали... Не было открыто заявлено, что эти угрозы исходят от «Светлого Пути», но кто-то сказал, что в местах ночлега подложены бомбы. Поэтому они переждали эту ночь на кукурузном поле... Шла Страстная неделя, и как-то сильно эта история на нас не подействовала.

Но вы боялись?

Да, порой боялись.

Когда вы приехали в Перу, шел уже, наверное, девятый год с тех пор, как террористы «Светлого Пути» развязали гражданскую войну. Как выглядела ваша работа в таких условиях? В письме один из мучеников рассказывал, что это напоминало гороховый суп – под поверхностью все время что-то бурлило. Какие настроения были среди жителей?

Приехав в Перу, мы знали о существовании «Светлого Пути», но официально об этом никто не говорил. Это была

табуированная тема. В то время в Перу действовали две террористические группировки: «Светлый Путь» и Революционное движение имени Тупака Амару (MRTA). Считалось, что MRTA по сравнению со «Светлым Путем» менее враждебна Церкви – вероятно, так оно и было. В 1991 году начали больше говорить о «Светлом Пути», потому что в определенный момент террористы начали требовать денег. Например, они приходили в какую-либо школу и ставили перед дирекцией ультиматум: «Если вы не дадите нам определенную сумму, мы подложим бомбу и взорвем школу». Случаи террора становились все более частыми, и на эти темы начали говорить открыто. Например, нам объясняли, каким образом реагировать в случае террористических действий. Мы также обсуждали, как узнать, обратил ли на нас уже внимание «Светлый Путь». Во время епархиальных встреч организовывали специальные занятия, которые вели эксперты, работавшие на территориях, где непосредственно действовали террористы. В теории мы знали многое, но все, чему мы научились, мне не удалось применить на практике до самого отъезда.

Но ведь в то время организация «Светлый путь» уже совершила несколько убийств духовных лиц и монашествующих...

Да, первой жертвой террора «Светлого Пути» стала сестра Мария Августина Ривас Лопес, которая погибла в сентябре 1990 года. Прекрасная женщина, которая служила людям. Она готовила в клубе матерей и помогала самым бедным. Возникла даже неправительственная организация, названная ее именем. Затем погибла сестра Ирена Мак-Кормак, австралийка, которая также работала среди горцев. Ее убили в мае 1991 года.

Информация об их смерти, конечно, распространялась, но она не имела такой силы, как известие о смерти мучеников из епархии Чимботе.

А чем это объяснялось?

«Светлый Путь» жестко контролировал СМИ. Журналисты боялись. Как известно, террористы взорвали много радиостанций и один телевизионный канал. В то время быть репортером и плохо говорить о «Светлом Пути» значило рисковать жизнью. Поэтому известие о гибели сестры Ирены так сильно не прозвучало. Это событие, однако, привело к тому, что стали больше говорить об опасности. Нас учили, какие меры предосторожности следует предпринимать. Затем погибли о. Михал и о. Збигнев, позднее о. Алессандро Дорди, в других епархиях также погибли духовные лица... Как некоторые утверждали, террористы из «Светлого Пути», убивая священников, хотели показать, что их организация уже очень близка к тому, чтобы захватить власть в Перу. Нападения на Церковь должны были стать доказательством, что у террористов уже достаточно сил, чтобы управлять страной.

В вашей работе случались непосредственные встречи с жертвами террористов?

Да. Первая непосредственная встреча со смертью произошла в момент, когда нас навещал о. Здзислав Гоголя, тогдашний провинциальный министр. После его визита мы с о. Михалом поехали в Лиму, чтобы проводить о. Здзислава и проститься с ним в аэропорту. Тогда о. Збигнев остался один в Париакото. Недалеко от города, в окрестностях Милагро, террористы убили двоих инженеров. На место их смерти вместе с властями Париакото на нашем автомобиле поехал о. Збигнев. Он взял из дома простыни, чтобы достойно отвезти тела в больницу в Касме. Я хорошо помню наше возвращение из Лимы и рассказ о. Збигнева об этом событии. Я помню, как он переживал, рассказывая о перевозке тел инженеров в город. Тогда мы впервые осознали, что ситуация становится опасной, и написали письмо нашим руководителям, но нам ни разу не пришло в голову, что мы должны отказаться от миссии. Мы просто хотели быть вместе с людьми. Следует сказать, что ситуация тогда была очень сложная: эпидемия холеры, засуха. Кроме пастырской деятельности мы реализовывали много общественных проектов, чтобы помочь нашим прихожанам. Мы были молоды, полны сил, нами двигало чувство сострадания... Семьдесят деревень, находившихся на территории нашей миссии, мы облетели мгновенно. Нам было очень важно знать, что происходит в деревне, с кем из местных жителей мы можем сотрудничать. Знакомая с ними, мы хотели, чтобы и нас, в свою очередь, узнали лучше...

Как прихожане реагируют на радостную весть о беатификации хорошо знакомых им священников?

Конечно, это для них великая радость, поскольку много лет им приходилось жить с чувством вины. Теперь, благодаря решению Папы Франциска, они осознают, что случившееся – это повторение истории спасения. Всегда будут те, кто, служа бедным и проповедуя радостную весть, рискуют своей жизнью. Отцы Михал и Збигнев отдали свою жизнь за бедных, за веру, за Христа, и теперь настал момент славы и радости. Теперь мы можем к ним обращаться, они стали тем мостом, который соединяет нас с тайной Господа Бога, любящего всех нас.

А есть люди, которым это событие невыгодно?

Думаю, что для «Светлого Пути» это прекрасный повод, чтобы покаяться... Збигнев и Михал могли бы что-то «устроить» на небесах, чтобы с ними встретиться. Я сам хотел бы встретиться с участниками событий той ночи, чтобы суметь простить. Потому что нет греха, который не мог бы быть прощен, а Збигнев и Михал являются посланцами мира. Я думаю, что это примирение стало бы самым прекрасным плодом их беатификации.

НА ПУТЯХ МУЧЕНИКОВ

О приходе в Париакото, где служили о. Михал и о. Збигнев, рассказывает миссионер о. Рафал Дрыняньский, который провел в этом городке первые несколько лет своей миссионерской работы.

Париакото – это название теперь неразрывно связано с францисканскими мучениками... Как их жизнь и мученичество влияет на местное население, на приход, на общественное сознание?

Эти события дали импульс для дальнейшего развития Церкви. В этом также заслуга сестер-монахинь, которые сделали там очень много с 1970 года. Сестры подготовили основу для пастырства и почву для евангелизации, а позже появились францисканцы. Следует отметить, что францисканцы очень хорошо вписались в эту среду. Не будем забывать, что в то время в высокогорных селениях (приход Париакото обслуживает семьдесят три деревни) не было ни одного священника. Если священник и приезжал, то это случалось раз в год на приходской праз-

дник, но постоянного священника не было. По этой причине многие люди ушли в секты. Интересно, что когда францисканцы прибыли в Париакото и люди увидели, что среди них есть священник, который начал их посещать, они сразу вспомнили, что являются католиками, и вернулись в Церковь. Это было потрясающе. Братья сумели также установить контакт с очень замкнутыми горцами. Их близость с людьми была действительно исключительной. Люди это ценили. Они помнят не столько содержание проповедей, сколько то, что францисканцы бывали у них дома, беседовали, помогали. Это было просто присутствие, но оно оказало большое влияние.

В то же время некоторые катехизаторы и активные прихожане до сих пор живут только прошлым. Они не обращают внимания на то, что пришли другие времена. Город Париакото разросся и изменился. Сами прихожане и местное население тоже стали другими. Иногда сотрудничество с ними может оказаться сложным, потому что нового миссионера всегда сравнивают с братьями-мучениками.

Вы упоминали, что горцы более замкнуты...

Да. Вначале они бывают недоверчивыми и только присматриваются к человеку. Иногда мы над этим смеемся, но у них действительно до сих пор сохранился довольно своеобразный взгляд на белых людей... Одному из наших братьев даже пришлось спасаться бегством, потому что они приняли его за Пиштако, то есть за злого духа из их верований, который всегда ассоциируется с белым, высоким человеком – гринго. Этот дух приходит, чтобы что-то украсть, кого-то убить, похитить чью-то душу... Однажды о. Викентий, возвращаясь с гор, проходил через деревню, а люди начали кричать: «Пиштако, Пиштако!». Многие поджидали его с оружием в руках.

Поначалу горцы не доверяют никому. Они должны прежде посмотреть, послушать, понаблюдать. Они не сразу откроют белому человеку дверь и не сразу захотят с ним разговаривать. Мне было легче, потому что сначала я ездил в горные деревушки с о. Станиславом Ольбрыхтом. Он в этой местности уже «свой», все его очень хорошо знают, поскольку он проработал там уже много лет. Когда я впервые поехал в горы, он сопровождал меня и вводил в деревню. О. Станислав предупреждал людей, что в следующий раз я приеду один, и говорил: «Прошу не принимать его за Пиштако» (смеется). Все смеялись и сразу как-то по-другому начинали ко мне относиться. Однако поначалу тоже не очень хотели со мной разговаривать, смотрели недоверчиво. Так продолжалось первые два года, а позднее обо мне стали говорить: «Это наш падре». Теперь, куда бы я ни поехал, везде люди меня узнают и приглашают совершить Мессу. Не только верные из нашего прихода, но также и из других мест.

Откуда берется это недоверие? В обществе сохранился страх после долгих лет борьбы с террористами из «Светлого Пути»?

Борьбы не было, хотя Париакото расположен на территории, где происходили все эти сражения... Но трудно называть это сражениями. В горах, выше Париакото, члены «Светлого Пути» устраивали свои полигоны и проводили учения. Следовательно, они контролировали эту территорию. Люди не сопротивлялись, так как это грозило смертью. С тех пор прошло много лет, но прошлое до сих пор влияет на менталитет жителей. Некоторые люди, особенно пожилые, по-прежнему боятся. Они постоянно живут в страхе, и это заметно. Среди них царит недоверие, хотя большинство знает, кто есть кто – ведь в маленьких деревушках все друг друга знают.

Как в Париакото выглядела пастырская работа?

Работа в Париакото – это сложная тема, потому что территория прихода, как я уже говорил, охватывает семьдесят три деревни, которые мы опекаем. Трудно говорить о какой-то систематической пастырской работе и катехизации. Мы стараемся, как можем. Когда я там работал, нас было только двое, поэтому иногда попросту не удавалось охватить всей территории. В самом Париакото, то есть в приходском центре, пастырские встречи обычно проводились по субботам и воскресеньям. Подобным образом мы делали и в районе Яутан. Мы также очень рассчитывали на помощь мирян, на учителей из обычных школ. В течение некоторого времени я готовил верующих учителей к первому Причастию: беседовал с ними, предлагал материалы, необходимые для преподавания религии в рамках обязательной школьной программы. Хотя на религию было выделено два часа в неделю, учителя чаще всего не вели катехизацию, ссылаясь на свое незнание и отсутствие материалов. Эти часы использовались, например, для преподавания математики. В тему урока, разумеется, записывали религию, но в реальности было не так. Мы старались постепенно изменить эту ситуацию. Раз в месяц я совершал в школе Мессу. Дети учились петь, а катехизация осуществлялась во время проповеди. За это время я старался передать им основные истины веры.

Получается, что люди не всегда могли участвовать в воскресной Мессе?

Да, это правда. Эти люди попросту освобождены от обязанности участвовать в воскресной Мессе, поскольку у них нет такой возможности. Священник не в состоянии каждую неделю к ним приезжать. Некоторые дере-

вушки он навещает только раз в полгода, другие – раз в месяц. Это зависит от расположения деревни. В более крупных населенных пунктах – Кочабамба, Яутан, Качипампа – Месса совершается каждое воскресенье, в некоторых – каждое второе воскресенье... В Париакото, конечно, есть Месса каждое воскресенье, поскольку это центр прихода.

Насколько серьезную опасность представляют секты?

Опасность есть. Может быть, не слишком серьезная, иногда ее безосновательно преувеличивают. Секты – это своего рода «фирмы», которые действуют на основе десятины. Обычно они быстро появляются и столь же быстро исчезают. Многое зависит от личности того, кто созывает людей, и от количества совершенных им «чудес». Удивительный факт – когда они приезжали в Париакото и объявляли, что совершат исцеления, то исцеления действительно происходили, но исцелялся всегда тот человек, который приезжал вместе с ними... Не житель из окрестных деревень или этого города, но всегда кто-то из них.

За время нашей работы в Париакото исчезло большинство сект, ведь люди уходят в секты иногда просто потому, что нет священника, нет формации в приходе...

В благочестии жителей Перу можно по-прежнему найти элементы традиционных верований?

Да, это видно хотя бы на примере праздников, которые они организуют в честь святых. Там присутствуют также элементы, заимствованные из языческих верований и древних культов. Немного испанской традиции, немного традиции Анд... В случае так называемого обряда К'оа – жертвы для Пача Мамы (Матери Земли). Сначала совершается освящение дома, а затем по традиции сжигают различные вещи, принося их в жертву Матери Земли. Принесенная жертва содержит символические элементы – сахарные таблички с изображениями растений и животных, семена растений, сушеные морские звезды, листья коки, раковины, сладости или изюм. Такой «состав» сжигают на раскаленных древесных углях либо на костре. При этом произносятся особые молитвы, часто связанные с христианской верой.

Помните ли вы какой-нибудь необычный случай, произошедший во время работы в Париакото?

Однажды после Мессы, около 22 часов, я возвращался из небольшой деревни. Там в последнее время была засуха, а я уже знал по опыту: когда жители молились о дожде, они часто звали меня молиться вместе с ними.

В ПОИСКАХ ТАЛАНТОВ И ЗНАНИЙ

Господь Бог обычно так устраивал, что как только я приезжал в эту деревню, начинался дождь. Так случилось и в тот раз – начался долгожданный дождь. Для них это было прекрасное событие, для меня, к несчастью, нет, так как мне нужно было еще вернуться к себе. Затопило самую короткую глинистую дорогу, было очень трудно по ней проехать. Так часто бывает с горными дорогами в Андах. Иногда даже не видно, находишься ли ты на дороге или уже нет. Тогда нужно ехать очень медленно и внимательно следить за местностью, чтобы не ошибиться. Для водителя это очень трудно. Иногда лучше ехать в объезд, получается дольше, зато безопасней. Ведь бывает и так, что из-за ливней обрушивается часть подмытого склона и полностью блокирует дорогу. Именно в такой ситуации мне пришлось возвращаться домой, нужно было проехать триста километров, что заняло почти одиннадцать часов.

Благодаря Богу по дороге я много раз встречал людей, которые мне помогали. Они были очень гостеприимны. Местные жители, если уж приглашают на обед, то стараются принять гостя как можно лучше. Иногда предлагают столько еды, что трудно все съесть: целая тарелка картофеля, а к нему – местный деликатес – печеная морская свинка.

Жизнь миссионера дарит множество моментов, когда можешь ощутить на себе заботу Божественного Провидения.

«Уже несколько лет в нашей миссии действует приходская школа. Цель этого проекта – повышение уровня знаний учеников, которые по разным причинам отстают в общественной начальной школе», – говорит о. Яцек Лисовский OFMConv., служащий в Париакото.

Пробелы в образовании чаще всего вызваны небрежностью родителей, которые вместо учебы заставляют детей работать в поле, пасти скот или нянчить младших братьев и сестер. У некоторых детей развиваются хронические болезни, поэтому они по несколько недель отсутствуют в школе. Некоторым просто неинтересно учиться, а некоторые испытывают проблемы с обучением из-за различных психологических и эмоциональных проблем или задержки в развитии. Они не в состоянии хорошо учиться без помощи квалифицированных педагогов, которые посвящали бы им свое время.

Система образования в Перу построена так, что у некоторых учеников могут возникнуть большие пробелы в образовании. Многих детей, несмотря на очевидные трудности с учебой, автоматически переводят из класса в класс – в результате через четыре-пять лет обучения в начальной школе оказывается, что ученик не умеет ни писать, ни читать. Его унижают и высмеивают сверстники. Тогда единственным «спасением» оказывается наша вспомогательная приходская школа.

В этом году у нас учится 65 учеников в 1–6 классах. В прошлые годы мы обучали детей только с первого по третий класс, но учителя из местной школы попросили нас включить в проект также старших учеников, поскольку сами не могли им помочь.

Занятия в нашей школе проходят во второй половине дня. Одновременно в двух классах идут занятия по математике и так называемой коммуникации – это школьный предмет, который соответствует урокам родного языка и литературы. Дети охотно участвуют в занятиях. Нас очень радует, что, в отличие от прошлых лет, в этом году только немногие дети ушли из нашей школы. Наши учителя говорят, что сейчас основная задача – мотивировать детей так, чтобы они не просто довольствовались выучиванием уроков и хорошими оценками, но постоянно развивались и стремились к более высоким целям.

Помимо образовательных занятий в нашей школе дети получают также религиозное воспитание. Многие из них участвуют в воскресной катехизации, часть уже приняла первое Святое Причастие. В октябре дети ежеднев-

но читают молитву Розария, отвечая таким образом на призыв Папы Франциска.

Все больше детей приходит к нам из окрестностей Париакото – сел Каллима, Чаука, Пакейок, которые расположены на расстоянии примерно часа ходьбы от Париакото. Некоторым не хватило бы ни времени, ни сил сбегать домой на обед, а потом вернуться в школу. Чтобы дети не убежали с уроков и не оставались голодными, мы организуем им обед в Париакото. Это большая помощь для их родителей, которые обычно очень бедны и не всегда в состоянии обеспечить детям достаточное питание.

В июле прошлого года в приходскую школу приехало двое волонтеров из Польши: Мартина и Радек, которые учили детей английскому языку. Молодые люди также дали детям прекрасное свидетельство своей веры. Для наших учеников это был новый опыт, с их точки зрения весьма необычный...

От имени общины в Париакото, а также от имени детей и их родителей я хотел бы поблагодарить всех благодетелей из Польши, которые материально поддерживают этот проект. Да благословит вас Господь и пусть Он благосклонно примет ваши пожертвования!

А вот что рассказывают учительницы приходской школы...

Норма Родригес: «Я никогда не думала, что помещения приходской школы будут построены из такого хорошего материала и окажутся такими удобными. Когда мы начинали, в школе было только два класса, дом был

покрыт тростником и находился в плачевном состоянии. Мы постоянно мокли под дождем. Несмотря на это, видя интерес детей, мы работали с энтузиазмом, и теперь мы достигли хороших результатов и получили добрые плоды... Лично я очень счастлива, что могу поддерживать проект приходской школы, который можно назвать и социальным, и пастырским. То, что я даю детям, в сравнении с той любовью и доверием, которые я получаю взамен от них, это на самом деле немного. Все это стало возможным благодаря Богу, благодаря францисканцам и благодаря нашим благодетелям, дающим нам шанс оказывать помощь там, где дети действительно в ней нуждаются».

Адельфа Хиральдо: «Учить детей во вспомогательной приходской школе в Париакото – это важнейшая миссия, которую Бог мне доверил. Это воспитание тех Его детей, которые знают меньше всех. Иногда учить детей с большими пробелами в образовании бывает трудно, но это возможно. Каждый день, медленно и упорно воспитывая в них чувство собственного достоинства, мы помогаем детям достичь желанной цели: научиться правильно писать и читать. Когда дети чему-нибудь успешно обучаются, я чувствую себя очень счастливой, и у меня прибавляются силы, чтобы и дальше им помогать. Учить детей в этой школе – это самое прекрасное событие в моей учительской жизни. Эти дети чисты и невинны, можно взрастить в них послушание, любовь к Богу, а также уважение и любовь к знаниям».

Беседовала Агнешка Козловская
Источник: meczennicy.franciszkanie.pl

ЛЮБОВЬ В БРАКЕ

Фрагмент Апостольского обращения Папы Франциска о любви в семье «*Amoris Lætitia*»

Терпение

89. ...Благодать таинства брака, прежде всего, предназначена «совершенствовать любовь между супругами»¹. И в этом случае не теряет ценности мысль, что «если имею всю веру, так что [могу] и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор 13, 2–3). Однако слово «любовь» – одно из самых используемых, и зачастую его искажают².

Наша повседневная любовь

90. В так называемом «гимне любви», написанном святым Павлом, мы встречаем некоторые характеристики истинной любви:

«Любовь долготерпит,
милосердствует,
любовь не завидует,
любовь не превозносится,
не гордится,
не бесчинствует,
не ищет своего,
не раздражается,
не мыслит зла,
не радуется неправде,
а сорадуется истине;
все покрывает,
всему верит,
всего надеется,
все переносит» (1 Кор 13, 4–7).

Вот что переживается и сохраняется в жизни, разделяемой супругами во все дни друг с другом и с детьми. В попытке применения этого текста к конкретному существованию любой семьи очень важно остановиться на уточнении смысла его словосочетаний.

91. В первом словосочетании используется понятие *macrothymei*. Переводится оно не просто как «все переносит», так как эта мысль звучит в конце 7-го стиха. Смысл передан в греческом переводе Ветхого Завета, где сказано, что Бог «долготерпелив» (Исх 34, 6; Числ 14, 18). Долготерпение проявляется, когда человек не позволяет побуждениям управлять собой и избегает агрессии. Таково качество Бога Завета, призывающего подражать Ему и в условиях семейной жизни. Тексты, где Павел использует этот термин, следует читать на фоне Книги Премудрости (см. Прем 11, 23; 12, 2.15–18): в ней прославляется умеренность Бога в наказании и одновременно подчеркивается Его могущество в милосердном деянии. Долготерпение Бога – воплощение милосердия к грешнику и проявление подлинного могущества.

92. Быть терпеливым не значит – допускать постоянное дурное обращение с собой, переносить физическую агрессию или позволять обращаться с собой как с вещью. Проблема возникает, когда мы считаем отношения идиллическими, а людей совершенными, либо когда ставим в центр собственные желания и ожидаем исключительно исполнения нашей воли. Тогда все нервирует нас, заставляет реагировать агрессивно. Если мы не будем развивать терпение, то всегда найдем оправдание для гневного ответа и, в конце концов, превратимся в людей, не умеющих вести совместную жизнь, в антисоциальных, неспособных владеть импульсивными побуждениями, и семья превратится в поле битвы. Вот почему Слово Божие увещевает нас: «Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злое речие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф 4, 31). Терпение укрепляется при признании того, что другой человек также обладает правом жить на этой земле вместе со мной – такой, каков он есть. Неважно, раздражает ли он меня, меняет ли мои планы, докучает ли мне своим образом жизни или своими идеями, если он совсем не такой, как я ожидал. Любовь всегда содержит в себе чувство глубокого сострадания, позволяющего принять другого как частицу этого мира, даже когда он ведет себя совсем иначе, чем мне хотелось бы.

¹ Катехизис Католической Церкви, 1641.

² См. Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 2: AAS 98 (2006), 218.

Милосердное отношение

93. Далее следует слово *chresteuetai*, уникальное для всей Библии, производное от *chrestos* (добрый человек, проявляющий благодать в деяниях). Однако в силу своего местоположения оно совершенно параллельно предыдущему глаголу и дополняет его. Тем самым Павел хочет прояснить, что «терпение», упомянутое на первом месте – не совершенно пассивная позиция, наоборот, терпение сопровождается деятельностью, динамичной и изобретательной реакцией по отношению к другим. Указано, что любовь творит добро другим и поддерживает их. Поэтому в переводе мы видим «милосердствует».

94. В совокупности текста очевидно, что Павел намеренно настаивает на том факте, что любовь – не просто чувство, что ее нужно понимать в значении, присущем глаголу «любить» в еврейском языке, то есть: «творить добро». Как говорил святой Игнатий Лойола, «любовь нужно больше вкладывать в дела, нежели в слова»¹. Тем самым глагол «любить» может проявить всю свою плодотворность и позволяет нам испытать радость дара, благородство и величие щедрой самоотдачи, без меры, без требования воздаяния, совершаемой лишь из радости отдавать и служить.

Исцеление зависти

95. Далее – как противоположность любви – отвергается позиция, выраженная термином *zelos* («ревность» или «зависть»). Это означает, что в любви нет места для чувства недовольства из-за блага другого (см. Деян 7, 9; 17, 5). Зависть – огорчение из-за чужого блага, показывающее, что нас не интересует счастье других из-за того, что мы концентрируемся исключительно на личном благосостоянии. И если любовь позволяет нам отказаться от себя самих, то зависть заставляет фокусироваться на самом себе. Истинная любовь ценит успехи других, не воспринимает их как угрозу себе, свободна от горького привкуса зависти. Она принимает тот факт, что у каждого свои, отличные от других дары и разные пути в жизни. Поэтому она позволяет открыть собственную дорогу к счастью, позволяя другим найти свою.

96. В общем, речь идет об исполнении требований двух заключительных заповедей Закона Божия: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх 20, 17). Любовь ведет нас к искреннему мнению о каждом че-

ловеческом существе и признанию его права на счастье. Я люблю этого человека, вижу его взглядом Бога Отца, дарующего нам все «для наслаждения» (1 Тим 6, 17), следовательно, я принимаю в глубине, что он может наслаждаться удачным моментом. В любом случае, именно сам корень любви побуждает меня отказаться от несправедливости, порождаемой тем, что у одних всего много, а у других нет ничего, вдохновляет меня поступать так, чтобы отвергнутые обществом испытали немного радости. Однако это не зависть, а жажда равенства.

Не превозноситься и не гордиться

97. Затем следует выражение *perpereuetai*, подразумевающее тщеславие, беспокойное стремление показать себя высшими, чтобы произвести впечатление через сухое и довольно агрессивное отношение. Любящий не только старается не говорить слишком много о себе, но, концентрируясь на других, умеет занять свое место, не претендуя на то, чтобы быть в центре. Следующее слово – *physioutai* – очень соответствует этому, так как показывает, что любовь не спесива. Термин буквально указывает на то, что любящий не «возвеличивается» перед другими, но имеет и более тонкое значение. Подразумевается не только одержимая демонстрация личных качеств, но и утрата чувства реальности. Здесь более великими перед остальными себя выставляют считающие себя более «духовными» либо «мудрыми». Павел в других случаях использует этот глагол, например, предупреждая: «Знание надмевает, а любовь назидает» (1 Кор 8, 1). Стоит сказать, что некоторые считают себя великими потому, что знают больше других, изо всех сил требуют чего-то от других и стремятся контролировать их, хотя на самом деле великими делает нас любовь – понимающая, заботящаяся, поддерживающая слабого. В другом стихе это слово использовано для критики тех, кого «распирает гордыня» (ср. 1 Кор 4, 18), но на самом деле такие люди голословны, а не наделены истинной «силой» Святого Духа (см. 1 Кор 4, 19).

98. Важно, чтобы христиане не превозносились в своем отношении к родственникам, мало наставленным в вере, слабым или же неуверенным в своих убеждениях. Порой случается обратное: тот, кто в семье считает себя более зрелым, оказывается высокомерным и невыносимым. Но любви присуще смиренное отношение, так как чтобы понять, простить близких и служить другим от всего сердца, обязательно нужно исцелить в себе гордость и развить смирение. Иисус напоминал ученикам, что в мире власти каждый

¹ Духовные упражнения, Созерцание ради обретения любви, 230.

стремится доминировать над другими, вот почему Он говорит: «Но между вами да не будет так» (Мф 20, 26). Логика христианской любви не в том, чтобы считать себя выше прочих и нуждаться в том, чтобы остальные ощущали твою власть; эта логика такова: «кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф 20, 27). В семейной жизни не может править логика власти одних над другими либо состязание в том, чтобы показать, кто умнее и сильнее, поскольку такая логика ослабляет любовь. Для семьи важен и такой совет: «Все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Петр 5, 5).

Доброжелательность

99. Любить – значит стать приветливыми, вот в чем суть понятия *aschemonei*. Оно указывает на то, что любовь не действует грубо, не проявляет себя неуважительно, не жестока в обращении к другому. Ее проявления, слова, жесты доброжелательны, а не жестки и суровы. Ей ненавистно заставлять других страдать. Доброжелательность – «школа чуткости и бескорыстия», заставляющая человека «развивать свое сознание и чувства, учиться слушать, говорить, а когда нужно – промолчать»¹. Доброжелательность – не стиль поведения, который христианин может предпочесть либо отвергнуть: это одно из неотъемлемых требований любви, поэтому «каждое человеческое существо обязано быть обходительным с теми, кто его окружает»². Ежедневное «погружение в жизнь другого, даже если этот другой – частица нашей жизни, требует деликатности ненавязчивого поведения, обновляющего доверие и уважение. [...] И чем теснее и глубже любовь, тем более необходимы уважение к свободе и способность ждать, пока другой отворит врата своего сердца»³.

100. Для готовности к подлинной встрече с другим человеком необходимо смотреть на него доброжелательно. Это невозможно при давлении пессимизма, выделяющего чужие недостатки и ошибки, развившегося, возможно, как компенсация собственных комплексов. Доброжелательный взгляд позволяет нам не подчеркивать недостатки другого, благодаря чему мы способны относиться к нему с терпением и объединяться в совместных планах, несмотря на нашу несхожесть. Доброжелательность рождает узы, развивает связи, налаживает новые сети для объединения, создает крепкую социальную ткань. Таков механизм само-

защиты общества, ведь без ощущения сопричастности нельзя поддерживать самоотдачу другим людям: любовью человек в итоге ищет только собственную выгоду, следовательно, сосуществование оказывается невозможным. Антисоциальный человек уверен, что другие люди существуют для того, чтобы удовлетворять его потребности, и, поступая так, остальные лишь выполняют свой долг. Следовательно, не остается места для доброжелательной любви и ее самовыражения. Любящий умеет сказать слова ободрения, утешающие, дающие силы, успокаивающие, поощряющие. Посмотрим, с какими словами Иисус обращался к людям, например: «Дерзай, чадо!» (Мф 9, 2). «Велика вера твоя!» (Мф 15, 28). «Встань!» (Мк 5, 41). «Иди с миром» (Лк 7, 50). «Не бойтесь» (Мф 14, 27). Эти слова не унижают, не огорчают, не раздражают, не обесценивают. В семье нужно научиться доброжелательному языку Иисуса.

Бескорыстное самоотречение

101. Мы много говорили: чтобы любить других, необходимо прежде возлюбить себя самого. Тем не менее «гимн любви» утверждает, что любовь «не заботится о себе», или «не ищет своего». Это выражение

¹ Octavio Paz, *La llama doble*, Barcelona 1993, 35.

² Фома Аквинский, *Summa Theologiae II-II*, q. 114, a. 2, ad 1.

³ Катехетическая беседа (13 мая 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 14 мая 2015 г., с. 8.

используется еще в одном тексте: «Не о себе [только] каждый заботься, но каждый и о других» (Фил 2, 4). Учитывая столь ясное утверждение Писания, не следует считать приоритетной любовь к себе как, якобы, более возвышенную, чем самоотдача другим людям. Определенный приоритет любви к себе можно понять лишь как психологическое состояние, так как человеку, неспособному любить себя самого, трудно полюбить и других: «Кто зол для себя, для кого будет добр? [...] Нет хуже человека, который недоброжелателен к самому себе» (Сир 15, 5–6).

102. Однако сам Фома Аквинский объяснил, что «любви более присуще намерение любить, нежели намерение быть любимой»¹ и что, на самом деле, «матери, как любящие более всех, стремятся более любить, нежели чтобы их любили»². Поэтому любовь может устремляться за пределы справедливости и бескорыстно выходить из берегов, «не ожидая ничего» (Лк 6, 35), пока не станет той любовью, больше которой нет, то есть любви, «полагающей душу свою» за других (Ин 15, 13). По-прежнему ли возможно такое бескорыстие, позволяющее отдавать безвозмездно и отдавать до конца? Безусловно, возможно, так как именно этого требует от нас Евангелие: «Даром получили, даром давайте» (Мф 10, 8).

Без внутреннего ожесточения

103. Если первая строфа гимна призывала нас к терпению, избегающему грубой реакции на чужие слабости и ошибки, то теперь появляется другое слово – *paroxynetai* – относящееся к внутренней реакции возмущения, вызванной чем-то внешним. Речь идет о внутреннем ожесточении, о неявном раздражении, заставляющем нас защищаться от других, словно от назойливых врагов, от которых нужно скрыться. Культивирование такой скрытой агрессии ни к чему хорошему не приводит. Из-за него мы лишь заболеваем и в итоге изолируемся. Здоровое возмущение побуждает нас реагировать в условиях серьезной несправедливости, но если оно стремится пронизать собой наше отношение к другим людям, то причиняет лишь вред.

104. Евангелие призывает, в первую очередь, замечать бревно в собственном глазу (см. Мф 7, 5); будучи христианами, мы не можем игнорировать неизменное требование Слова Божия не возвращать гнев: «Не будь побежден злом» (Рим 12, 21). «Делая добро, да не унываем» (Гал 6, 9). Одно дело – чувствовать си-

лу врывающейся агрессивности, совсем другое – подчиниться ей, позволить стать постоянным состоянием: «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф 4, 26). Поэтому ни в коем случае нельзя завершать день, не установив в семье мир. «И как я должен установить мир? Опуститься на колени? Нет! Всего лишь незначительный жест, нечто совсем малое, и семейная гармония возвращается. Достаточно просто ласки, без слов. Никогда не завершать день в семье, не установив мир!»³. Внутренней реакцией на неудобство, доставленное другими, должно быть, в первую очередь, благословение в сердце, желание блага другому, молитва Богу о его освобождении и исцелении: «Благословляйте, зная, что вы к тому призваны Богом, чтобы наследовать благословение» (1 Петр 3, 9). Коль скоро мы должны бороться со злом, то будем исполнять это, но всегда говоря «нет» внутренней жестокости.

Прощение

105. Позволяя дурному чувству проникнуть вглубь нас, мы находим место для обиды, свивающей гнездо в сердце. Фраза *logizetai to kakon* означает «считается со злом», «носит память о нем», то есть склонный помнить обиду. Противовес – прощение, основанное на позитивном отношении, стремящемся понять чужую слабость и старающуюся найти извинение для другого человека, по словам Иисуса: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23, 34). Напротив, часто очевидна тенденция найти еще больше провинностей, вообразить еще больше злодеяний, предположить всевозможные дурные намерения; так усиливается и укореняется обида. Поэтому любая ошибка или падение одного из супругов может повредить узы любви и семейную стабильность. Проблема в том, что порой всему приписывается одинаковая тяжесть, при угрозе оказаться жестоким к какому бы то ни было заблуждению другого человека. Справедливое отстаивание своих прав трансформируется в устойчивую, неутолимую жажду отмщения, а не в здравую защиту собственного достоинства.

106. Если нас обидели или разочаровали, то прощение возможно и желательно, но никто не говорит, что это легко. Правда, что «семейное единение может быть сохранено и усовершенствовано только в духе жертвенности, ибо оно требует благородной готовности всех и каждого к пониманию, терпимости, прощению и примирению. Пусть каждая семья помнит о том, что эгоизм, разногласия, напряженная обстанов-

¹ Сумма теологии II-II, q. 27, a. 1, ad 2.

² Ibid., a. 1.

³ Катехетическая беседа (13 мая 2015 г.): L'Osservatore Romano, 14 мая 2015 г., с. 8.

ка и конфликты жестоко угрожают, а иногда и наносят смертельную рану этому единению. Отсюда – разнообразные и множественные формы разделений в семейной жизни»¹.

107. Сегодня мы знаем: чтобы суметь простить, нам нужно пройти через освобождающий опыт понимания и простить себя самих. Неоднократно наши ошибки или критический взгляд на любимых людей заставляли нас терять любовь к самим себе. В итоге мы начинаем отгораживать себя от других, избегать привязанности, наполняться страхом в межличностных отношениях. Значит, способность обвинять других трансформируется в ложное облегчение. Нужно молиться, не отрицая свою историю, принимать себя, уметь сосуществовать со своими слабостями и даже прощать себя, чтобы научиться так же относиться к другим людям.

108. Но это предполагает опыт обретения Божьего прощения, безвозмездного, а не заслуженного оправдания. Нас окружает любовь, предшествующая любому нашему делу, всегда предлагающая новую возможность, поддерживающая и ободряющая. Если мы примем, что любовь Божия безусловна, что любовь Отца не нужно покупать, что за нее не нужно платить, то сможем любить, несмотря ни на что, прощать других, даже когда те несправедливы к нам. Иначе наша семейная жизнь перестанет быть пространством понимания, сопровождения и поддержки, став местом постоянной напряженности и наказания друг друга.

Радоваться с другими

109. Выражение *chairei epi te adikia* указывает на нечто отрицательное, тайком сохраняемое в сердце человека. Это ядовитое отношение того, кто радуется, наблюдая за несправедливостью в отношении кого-либо другого. Фраза дополняется следующей, описывающей положительное восприятие: *synchairei te aletheia*: сорадуется истине. То есть радуется чужому благу – признанию его достоинства, оценке его способностей и добрых поступков. А это невозможно для того, кому все время приходится сравнивать себя и состязаться, даже со своим супругом, вплоть до скрытой радости, вызванной его поражениями.

110. Когда любящий человек может сделать доброе другому или когда видит, что у другого все хорошо, он переживает это с радостью и тем самым прославляет Бога, ведь «доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор 9, 7), наш Господь особенно ценит радующегося чужому счастью. Если мы не развиваем способность

наслаждаться благом другого и концентрируемся, в первую очередь, на наших потребностях, то приговариваем себя к безрадостной жизни, ведь, как сказал Иисус, «блаженнее давать, нежели принимать!» (Деян 20, 35). Семья всегда должна быть местом, где любой совершивший что-либо доброе в жизни, знает, что все прочие будут радоваться вместе с ним.

Все прощает

111. Список завершается четырьмя выражениями, говорящими о едином целом: «все». Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Тем самым решительно подчеркивается контркультурный динамизм любви, способной встретить лицом к лицу все, что может ей угрожать.

112. В первую очередь утверждается: «все покрывает» (*panta stegei*). Это отлично от «не считаться со злом», так как этот термин относится к использованию языка; он может означать «хранить молчание» о плохом, что может быть в человеке. Он заставляет ограничивать суждение, сдерживать склонность бросить в другого жестокое и беспощадное обвинение. «Не судите, и не будете судимы» (Лк 6, 37). Поскольку это противоречит нашему обычному использованию языка, Слово Божие просит нас: «Не злословьте друг друга, братия» (Иак 4, 11). Останавливаться для нанесения ущерба образу другого человека – это способ укрепить свой собственный образ, выплеснуть обиду и зависть, не считаясь с тем, какой вред это приносит. Часто забывают, что диффамация может оказаться значительным грехом, серьезным оскорблением Бога, если глубоко уязвляется доброе имя других и им наносится ущерб, с трудом поддающийся восстановлению. Поэтому Слово Божие так сурово к языку, называя его «прикрасой неправды», «оскверняющим все тело и воспаляющим круг жизни» (Иак 3, 6), «неудержимым злом; исполненным смертоносного яда» (Иак 3, 8). Любовь заботится об образе других своей деликатностью, позволяющей сохранять даже доброе имя врагов. Защищая Божественный закон, никогда нельзя забывать это требование любви.

113. Любящие и взаимно преданные супруги хорошо говорят друг о друге, стараются показать хорошую сторону супруга, независимо от его слабостей и ошибок. Во всяком случае, они сохраняют молчание, чтобы не повредить его образ. Однако это не просто внешний поступок, а позиция, обусловленная внутренним отношением. И это не проявление неискренности закрывающего глаза на проблемы и слабые черты другого, а, скорее, широта взгляда того, кто учитывает контекст слабостей и ошибок другого; он помнит, что недостатки – лишь часть, а не полно-

¹ Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 21: AAS 74 (1982), 106.

та существа другого. Неприятный факт в отношениях – не целостность отношений. Следовательно, можно просто принять, что все мы – сложная комбинация светлых и темных сторон. Другой – не всего лишь тот, кто докучает мне, а намного больше. По той же логике я не претендую на то, чтобы его любовь была совершенной, иначе я не смогу ценить его. Он любит меня – такой, какой он есть и так, как он может, со всеми своими слабостями, но несовершенство его любви не означает, что его любовь ложная или не настоящая. Она реальная, но ограниченная, земная. Поэтому, когда я претендую слишком на многое, он каким-то образом дает мне это понять, так как не сможет и не захочет играть роль Божественного существа либо служить всем моим потребностям. Любовь уживается с несовершенством, извиняет его, умеет хранить молчание о слабостях любимого человека.

Доверяет

114. *Panta pisteuei*: «всему верит». В данном контексте не стоит понимать эту «веру» в богословском значении, а, скорее, как «доверие». Речь не только о том, чтобы не подозревать другого человека в обмане или введении в заблуждение. Такое основополагающее доверие видит скрытый темной свет, зажженный Богом, уголек, все еще тлеющий под пеплом.

115. Такое доверие делает возможными свободные отношения. Нет потребности контролировать другого, скрупулезно следить за его шагами во избежание его бегства от наших объятий. Любовь доверяет, оставляет свободу, отказывается от полного контроля, от обладания, от доминирования. Свобода, открывающая пространство для самостоятельности, открытости миру и новому опыту, позволяет отношениям обогащаться, а не превращаться в бесперспективную эндогамию. Тем самым супруги, будучи вместе, могут с радостью делиться полученным и усвоенным вне семейного круга. Одновременно оказываются возможными искренность и прозрачность, так как, когда кто-то знает, что другие полагаются на него и ценят его глубинную благость, он проявляет себя таким, каков он есть, без утаивания. А тот, кто знает, что его всегда подозревают, осуждают без сострадания, не любят безоговорочно, предпочтет хранить в секрете свои тайны, прятать свои падения и слабости, показывать себя не тем, кто он есть на самом деле. Напротив, семья, где царит крепкое и любящее доверие, где несмотря ни на что всегда возвращается доверие, проявляет подлинную идентичность своих членов и учит спонтанно отказываться от обмана, нечестности и лживости.

Надеется

116. *Panta elpizei*: не унывает из-за будущего. В связи с предыдущим словом подразумевает надежду того, кто знает, что другой человек может измениться, всегда надеется на возможность созревания, на удивительный расцвет красоты другого, на то, что однажды прорастут его самые скрытые способности. Это не значит, что все в этой жизни переменится. Необходимо принимать, что определенные события произойдут иначе, чем нам хотелось бы, но, возможно, Бог напишет прямо на неровных строках личности и извлечет какое-то благо из зла, которое человеку не удается преодолеть на этой земле.

117. Здесь надежда выступает в своем полном значении, так как предполагает уверенность в жизни после смерти. Личность со всеми своими слабостями призвана к полноте Небес. Там ее полностью преобразит воскресение Христово, а ее слабости, темные стороны и патологические проявления утратят существование. Там подлинное бытие личности просияет со всей силой добра и красоты. Благодаря этому среди земных невзгод мы сможем созерцать эту личность сверхъестественным взглядом, в свете надежды, ожидая, когда в Царстве Небесном личность однажды обретет свою пока невидимую завершенность.

Все переносит

118. *Panta hypomenei* – значит переносить все превратности в положительном ключе. Это значит – сохранять устойчивость во враждебной обстановке, что подразумевает не только терпимость к некоторым раздражающим вещам, но и что-то большее: динамичное и постоянное противостояние, способное ответить на любой вызов. Это означает любовь несмотря ни на что, даже когда все вокруг побуждает к совершенно иному. Она проявляет некоторый упорный героизм, силу против любого негативного течения, выбор в пользу блага, которое ничто не может уничтожить. Об этом мне напоминают слова Мартина Лютера Кинга, подчеркивавшего выбор в пользу братской любви даже среди худших преследований и поруганий: «Человек, который больше всего тебя ненавидит, все равно имеет в себе нечто доброе; и нация, которая больше всего ненавидит, имеет в себе нечто доброе; и раса, которая больше всего ненавидит, имеет в себе нечто доброе. И когда ты начинаешь смотреть в лицо каждому человеческому существу и видеть в глубине его то, что религия называет «образом Божиим», начинай любить его, несмотря ни на что. Неважно, что он делает,

ты смотри в нем на образ Божий. Существует элемент благодати, от которого ты никогда не сможешь освободиться [...] Иной способ любить твоего врага – следующий: когда представляется возможность сокрушить неприятеля, именно в эту минуту ты должен решить не делать этого [...] Когда ты поднимаешься на уровень любви, ее величественной красоты и мощи, единственное, что ты стремишься сокрушить – вредоносные системы. Людей, увлеченных такой системой, люби, но старайся сокрушить систему [...] Ненависть ради ненависти лишь усиливает существование ненависти и зла во вселенной. Когда я ударяю тебя, а ты – меня, когда я отвечаю на твой удар, а ты отвечаешь на мой удар и так далее, очевидно, что так продолжается до бесконечности. Просто никогда не прекращается. На одной из сторон у кого-то должно быть немного здравого смысла, такова сильная личность. Сильная личность – личность, способная разбить цепь ненависти, цепь зла [...] У кого-то должно быть доста-

точно веры и нравственности, чтобы разорвать эту цепь и включить в саму структуру вселенной сильный и могущественный элемент любви»¹.

119. В семейной жизни нужно возвращать эту силу любви, позволяющую бороться с угрожающей ей злом. Любовь препятствует главенству обиды, пренебрежению людьми, желанию ранить и заставлять за что-то заплатить. Христианский идеал, особенно в семье, это любовь несмотря ни на что. Например, порой я восхищаюсь отношением людей, которым пришлось расстаться с супругом, чтобы защититься от физического насилия, но, тем не менее, в силу супружеского милосердия преодолевающих собственные чувства и оказавшихся способными поступать ради блага супруга во время его болезни, страдания или в трудную минуту, пусть даже с помощью других.

И это – любовь несмотря ни на что. ☺

¹ Проповедь в баптистской церкви на Декстер-авеню, Монтгомери, штат Алабама, 17 ноября 1957 г.

Мать Тереза:

«Бедные всегда рядом с вами»

Австрийский священник-миссионер Лео Масбург в течение десяти лет сопровождал св. Мать Терезу в ее путешествиях по миру. Он побывал с ней в Африке, Ватикане, Польше, России, Армении и других странах. Лео Масбург написал об этих путешествиях книгу, русский перевод которой вышел в издательстве «Триада» под названием «Мать Тереза: 50 удивительных историй».

Предлагаем вашему вниманию отрывки из книги.

Советское Рождество

На Советский Союз обрушилось море бедствий. Очередной удар пришелся на вторую неделю декабря 1988 года: в Армении содрогнулась земля. Мощные подземные толчки разваливали многоэтажные здания, словно это были картонные домики. Больше всего пострадали Спитак и Ленинакан (ныне Гюмри). Землетрясение унесло более тридцать тысяч жизней. Среди погибших было много детей.

Сестринская обитель в Москве еще не была только обустроена, однако Мать Тереза откликнулась на просьбу представительницы Армянского комитета защиты мира направить в Ереван четырех сестер и священника. Задачей этой группы было принести в детскую больницу «смирную любовь и служение» («humble love and service»), в скорбный для целой страны час поддержать раненых детей и их близких.

Недавно построенная больница была рассчитана на сто двадцать детей. Но теперь в ней находились более шестисот пациентов, по большей части – пострадавших от землетрясения.

Мы вылетели из Москвы с величайшей поспешностью – можно сказать, сломя голову, – не подготовившись и не собравшись. Мать Тереза никогда не была сторонницей долгих сборов. Рождество – день, когда Младенец Иисус пришел на Землю, – было в ее глазах самым подходящим моментом, чтобы отправить в помощь Армении четырех сестер и священника. Вылет из Москвы в Ереван был назначен на вторую половину дня 25 декабря. Ни наша растерянность по поводу такой спешки, ни бушевавшая

в столице метель не могли нарушить этот план. В всяком случае, в аэропорт Шереметьево мы прибыли вовремя.

Оказалось, что не только Москва, но и Ереван утонул в снегу. Нам пришлось несколько часов дожидаться отложенного рейса. Поскольку Мать Тереза все еще оставалась почетным гостем Комитета мира, мы все считались VIP-персонами и могли проводить скучные часы ожидания в депутатском зале, предназначенном для представителей партийной и хозяйственной номенклатуры, артистов и прочих неординарных личностей. Мрачная тишина зала была вдруг нарушена живыми, взволнованными речами смуглых индийских сестер в ярких бело-голубых сари.

Индийские сари, а за окном – московская метель. Ледяной ветер, холод, а Мать Тереза, как всегда, в кожаных сандалиях без носков. Можно ли придумать более яркий контраст, чем этот – между чиновничьим уютом зала и евангельской бедностью? Депутатский зал преобразился так, как никто бы не мог ожидать от этих бетонных стен, помпезно-безвкусной мебели и пыльных ковров во весь пол.

Часы вынужденного ожидания Мать Тереза всегда заполняла проповедью, молитвой, разговором и веселыми шутками с сестрами. Так и в тот день Рождества она радостно приветствовала томившихся ожиданием гостей VIP-зала. И каждую робкую ответную улыбку она вознаграждала медальоном

из своей сумки – из своей переносной сокровищницы. И она, и сестры использовали любую искру интереса, любой вопросительный взгляд как желанную возможность обратиться к незнакомцу с улыбкой или приветливым словом. Вскоре все присутствующие в зале либо сразу повесили себе на шею – на цепочке или на шнурке – чудотворный медальон, либо спрятали его в сумку. Тех, кто немного говорил по-английски, Мать Тереза научила сопутствовавшей медальону молитве: «Мария, Матерь Иисуса, будь и мне Матерью!» («Mary, Mother of Jesus, be a Mother to me»).

Как велики были изумление и радость людей, получивших этот маленький знак любви! Еще больше всеобщее изумление возросло, когда сестры сдвинули стулья и тихо, чтобы не мешать другим ожидающим в VIP-зале, прочли дневные молитвы и спели псалмы. В просторном салоне воцарилось молчание, словно в католическом соборе в час молебна в Святую ночь. Я боялся, как бы стоявшая у дверей охрана не положила конец «религиозной пропаганде» в депутатском зале столичного аэропорта. Но этого не произошло. Едва отзвучало последнее Ангельское приветствие, из сумок и коробок были извлечены московский черный хлеб, плавленые сыр-

ки и – не удивляйся, читатель, – маленькие шоколадные яйца. Да, пасхальные яйца на Рождество!

Всех, кто находился в салоне, пригласили разделить рождественскую трапезу из хлеба и шоколадных яиц. Но лишь самые отважные решились принять из рук одной из сестер пластиковые стаканчики с желтой газировкой.

После приятного угощения остатки еды были аккуратно собраны, пластиковые стаканчики ополоснуты, и наступил час заслуженного отдыха. Мать Тереза уселась в «барочное» кресло под картиной огромных размеров, развернула газету и принялась расшифровывать кириллицу, знакомую ей по годам учебы в сербской школе в Скопье. За этим занятием она задремала, развернутая газета накрыла ее почти полностью. Эта картина так и стоит перед моими глазами: Рождество 1988 года, Мать Тереза в Москве, в сердце Советского Союза, мирно спит на «барочном» троне под монументальным портретом Ильича, целиком укрытая газетой «Правда».

* * *

На летное поле все падали и падали тяжелые белые хлопья... Лишь к вечеру появилась надежда, что самолет сможет вылететь из Москвы. Сначала отправили другие рейсы, наша машина поднялась в воздух уже в темноте. Мы до последнего момента не были уверены, что сумеем приземлиться в аэропорту Еревана, куда шло множество рейсов с гуманитарной помощью. Самолеты санитарной, военно-медицинской и военно-транспортной авиации, доставлявшие жизненно необходимые припасы и поисковые группы для спасения остававшихся под завалами жертв землетрясения, конечно же, имели преимущество перед обычным гражданским рейсом. И все же «быстрая новенна», столь любимая Матерью Терезой, сделала свое дело: мы приземлились в снежную бурю. При посадке нас изрядно трясло, самолет дрожал и стонал так, что стало страшно. Я даже попытался утешить себя мыслью, что смерть в обществе Матери Терезы не столь уж плоха. Однако успокоительных препаратов не потребовалось: как и многие другие люди, переживавшие трудные ситуации вместе с Матерью Терезой, я вдруг ощутил иное, гораздо более сильное чувство. Панику как рукой сняло. Как это описать? Казалось, что Тот, Кто столь явно направлял и оберегал Мать Терезу, ведет и оберегает всех ее спутников.

Впрочем, и в Ереване кризисная ситуация не ставила себя ждать: мы приземлились перед полуночью. Едва успели выйти из здания аэропорта, как у нас за спиной погасли огни и закрылись все двери. Нас никто не ждал. Видимо, решили, что в этот день

самолет не прилетит. В общем, за нами не приехали. И вот мы стоим в ночь после Рождества на ветру, посреди метели, в жутком холоде и темноте, на пустынном шоссе. Аэропорт вынесен далеко за пределы города. До столицы Армении так просто не добраться. Для такого случая Мать Тереза сочла «быструю новенну» недостаточной. Был извлечен розарий. Не успели мы прочесть и десяток «Радуйся, Мария», как Мать Тереза громко воскликнула: «Смотрите, как добр Иисус!» («See, how good Jesus is!»). Господь вновь пришел на помощь ей и тем, кто с ней был. На сей раз Божья помощь воплотилась в виде милицеейской машины, чьи огни вдруг пронзили густой снежный сумрак.

По размерам автомобиля я заключил, что он предназначен либо для перевозки целого отряда, либо для транспортировки заключенных. Я не осудил бы стражей порядка, если б они схватили ночных бродяг, одетых в экзотические сари и сандалии (и стоящих при этом на заснеженном шоссе возле аэропорта!), и доставили их напрямиком в здание с крепкими решетками. Но вместо этого милиционеры отвезли нас в детскую больницу Еревана, где нам предстояло провести ближайшие месяцы.

Очевидно, по дороге наши спасители связались с руководством больницы, сообщили им, что, несмотря на непогоду, мы все же добрались. У дверей больницы нас ожидала приветственная делегация: женщина – главный врач, другие врачи, тоже по большей части женщины, две-три дамы, которые, как я понял, были подругами главврача, и охрана, которую я мысленно тут же причислил к КГБ. Все эти люди старались показать, что ждали нас и к нашему приезду все подготовили.

* * *

Как только нас провели в предназначенные нам помещения, Мать Тереза принялась, вроде бы дружески подшучивая, но очень деловито распределять комнаты. Нам отвели не так уж много места. Как я уже говорил, больница была рассчитана на сто двадцать коек, а после землетрясения в ней разместили более шестисот детей, многие из которых сильно пострадали. Пациенты лежали повсюду – в коридорах, на лестничных площадках. Четирем сестрам Матери Терезы предоставили две комнаты. В одной из них Мать Тереза без промедления начала обустраивать часовню: извлекла привезенное с собой распятие и портативную дарохранительницу. Через пару минут крест с надписью «Жажда!» уже висел на стене, стол был передвинут и превращен в алтарь, на полу расстелили циновки. И вот в этих стенах впервые зазвучала вечерняя благодарственная молитва.

В другом крыле того же этажа Мать Тереза выделила мне семиметровый чулан с маленьким слуховым окошком. Когда я туда заглянул, на моем лице, наверное, отразилась некоторая растерянность, а то и неудовольствие. Мать Тереза, успевшая уже проинспектировать эту темную дыру, решительно заявила мне:

– Отец, вот теперь ты – настоящий миссионер.

В голосе ее звучало подлинное ликование, перед ним не устоишь! С этими словами она вытащила из своей многократно залатанной сумки, этого рога изобилия, кулечек чернослива, выдала мне угощение – «Доброй ночи», – и я остался один с сухофруктами в руках посреди помещения, где стояла кровать – то бишь деревянные козлы с матрасом из мешка соломы.

Как обживать этот чулан? У меня с собой не было ничего, кроме одежды – той самой, что была на мне. Багаж мой потерялся еще по пути из Рима в Москву и так и не обнаружился. Я утешал себя мыслью, что проведу в чулане всего одну ночь.

Так начались мои армянские приключения.

В тот поразительный рождественский вечер в дальнем Ереване я ужинал черносливом, коим столь заботливо снабдила меня Мать Тереза. Съел сушеный плод, хотел было выбросить косточку, но призадумался: погоди, надо ведь все использовать, ничто не должно пропасть зря. Может быть, и косточка еще пригодится? И точно! В ближайшие две недели за неимением альтернативы я чистил косточками от слив зубы.

Усталый, я рухнул на кровать и крепко проспал немногие остававшиеся до утренней Мессы часы. Вряд ли мне удалось бы столь безмятежно заснуть, знай я заранее, что этот «гроб с оконцем в крышке» предназначен не для однократной ночевки, а что он станет моим домом на ближайшие полгода.

Приключения в Армении

Условия, в которых мне пришлось жить в следующие недели и месяцы, оказались самыми скромными из тех, в каких мне только доводилось прежде бывать. Электричества не было, и мой лишенный окон чулан всегда был погружен в темноту. Слуховое окно выходило в какие-то служебные помещения. Помыться у себя я не мог, а в общем душе горячая вода отсутствовала. И все же, оглядываясь назад, я с готовностью утверждаю: это были лучшие месяцы моей жизни. Лучшие, ибо на следующий же день после Мессы Мать Тереза выдала нам «инструкции»:

– Зачем мы сюда приехали? Мы приехали, чтобы возвестить Христа обездоленным, даря им смиренную любовь и служение («give humble love and service») и всегда с улыбкой («with a smile»).

В то же утро я стал свидетелем сцены, которая наглядно показала мне, что такое «смиренная любовь и служение». Я вышел из своего закутка и только успел завернуть за угол, чтобы попасть на лестницу, как увидел группу любопытствующих. Эти люди замерли на месте и, словно зачарованные, смотрели в одном и том же направлении. Прошло, наверное, минуты три, прежде чем они сдвинулись с места. И тогда, подойдя ближе, я понял, что привело их в изумление: согнувшись в три погибели, Мать Тереза вместе с двумя сестрами оттирала тряпками пол. Больница была введена в строй за три года до описываемых событий. Но уборные, длинные коридоры и лестницы еще ни разу – буквально ни разу – не видели генеральной уборки. В тот день сестры под руководством Матери Терезы и при ее непосредственном участии подали вполне конкретный пример, как должны выполняться ее «инструкции». Начав с верхнего этажа, они отмыли один за другим каждый коридор, каждый пролет лестницы и каждый туалет.

В промежутках между грязной работой они успевали погладить по головке раненого или напуганного ребенка, кого-то помыть, кому-то вручить чудотворный медальон. Сестры всеми силами помогали персоналу больницы, ободряли родственников пациентов. Их помощь была действительно необходима: врачи и медсестры сбивались с ног, принимая сотни пациентов, большинство из которых составляли тяжелораненые дети. Разразившееся перед самым Рождеством землетрясение унесло почти тридцать тысяч жизней, причем именно в том регионе, где проживало католическое армянское меньшинство. Более шестидесяти лет эти люди втайне, укрываясь от преследований, продолжали хранить веру. Теперь детская больница Еревана, столицы советской Армении, была переполнена пострадавшими из этого региона. Отчего так произошло, и в чем был Божий замысел? Это мы, должно быть, узнаем, лишь оказавшись в вечности.

* * *

Уже 28 декабря 1988 года Мать Тереза подписала соглашение с Советским комитетом защиты мира, организацией, которая курировала иностранцев, приглашенных по его линии. А еще Мать Тереза подписала поручительство за меня, и мне разрешили совершать литургию. Но только внутри больницы, для сестер. Я не имел права ни заниматься миссионерской работой, ни служить Мессе для

местного населения, ни участвовать в каких-либо публичных мероприятиях и конференциях за пределами больницы, ни, естественно, вести разговоры о политике. На деле соблюдать подобные ограничения едва ли было возможно: не мог же я окормлять одних только сестер, когда вокруг – такое... И у нас сложилась особая практика: если какой-то ребенок находился при смерти, молодые врачи из располагавшейся прямо у меня над головой реанимации трижды стучали каблучком в пол. Я бежал наверх, чтобы получить шифрованную информацию. К примеру: 18С. Это означало, что на третьей койке в восемнадцатом ряду лежит умирающий ребенок и я должен поспешить исполнить свои священнические обязанности.

Многих детей мне удалось окрестить в последние минуты их жизни. Видимо, риск в этом был. Мне известен пример польского священника, тоже приехавшего с гуманитарной миссией в Армению: один раз он поддался на просьбы родителей и окрестил ребенка. Это стало известно властям. На следующий же день его выслали из страны.

Любовь и забота сестер буквально творили чудеса с больными детьми. Мы не раз становились свидетелями невероятных, необъяснимых исцелений. Одна из сестер обладала, как мне кажется, особенно сильным даром целительницы. Когда она молилась за детей, возлагала на них руки и благославляла, мно-

гие быстро шли на поправку. Так произошло с девочкой, у которой был прогрессирующий паралич конечностей и дыхательных путей. Врачи сдались и полагали, что она умрет в ту же ночь. Повинуясь троекратному удару каблучка в пол, я поспешил наверх и окрестил дитя. Та сестра, о которой я рассказываю, находилась подле меня и молилась за девочку. Мы были уверены, что к утру нам предстоит дать бедняжке последнее Причастие.

Но к утру паралич отступил. Девочка снова смогла свободно дышать. Через три недели она пришла к сестрам в часовню, чтобы в знак благодарности за их молитвы исполнить перед ними небольшой танец. Исцеление было столь неожиданным, что врачи особо доложили о нем главврачу больницы, а та выступила с сообщением на конференции армянских медиков. В конце концов это необъяснимое событие было отражено в отчете больницы, направленном в Москву. Из Москвы в Ереван незамедлительно выехала делегация врачей, в том числе психиатров, с официальным поручением: выяснить, какие «методы исцеления» применяются сестрами Матери Терезы. Целый день нас допрашивали трое медиков. Среди них был один молоденький ассистент, наверное, ординатор. Сестры показали им чудотворный медальон, объяснили, как надо молиться. Удивительно, но комиссия этим объяснением удовлетворилась (при строго атеистической госу-

дарственной идеологии!). Медальон прикрепили к одной из страниц пухлого отчета и укатали обратно в Москву.

Через два года я стоял в Москве на перекрестке, и вдруг с противоположной стороны улицы меня окликнули:

– Отец Лео, отец Лео!

Я оглянулся и узнал того молоденького ассистента из медицинской комиссии.

– Батюшка, какое удивительное совпадение! Надо же было встретить вас именно сегодня, – бросился он ко мне. – Вчера я принял крещение в Православной Церкви! Это все чудотворный медальон, который вы тогда мне дали!

Советский комитет защиты мира представлял собой серьезную государственную структуру. У меня сложилось впечатление, что он целиком состоял из членов партии и работников КГБ. Прав ли я в этом или нет, не так уж важно. По крайней мере, все местные органы власти: от милиционера до главврача больницы, подчинялись указаниям из его республиканского отделения. Мать Тереза не вполне осознавала характер организации, которая должна была курировать ее сестер и меня, но тем не менее быстро наладила с ней связи и приобрела там друзей, по большей части женщин, чьи сердца она открывала немногими искренними словами и чудотворными медальонами. Простыми словами она сообщала им потрясающую истину: «Бог любит тебя! Он создал тебя! Ты – Его. Он создал тебя, чтобы любить и чтобы ты любила Его».

Эти женщины от души полюбили Мать Терезу. А она с сочувствием, порой даже с ужасом слушала рассказы об их судьбах, о распавшихся браках, о многочисленных абортках, которые в Советском Союзе считались нормой. «Бедное дитя» («Poor child»), – вздыхала она, не произнося ни слова упрека. Она глубоко сопереживала этим женщинам и всегда готова была посочувствовать. Но также и задать направление новой жизни, основанной на принципе «любить и быть любимой».

«Бог любит мир через нас» («God loves the world through us»), – утверждала Мать Тереза и первой осуществляла этот принцип на практике. Годы спустя, когда политическая обстановка в России изменилась и сестры уже не нуждались в покровительстве людей из каких-либо организаций, бывшие руководители и сотрудники республиканского отделения Советского комитета защиты мира по-прежнему получали от Матери Терезы то короткое письмо, то открытку с благословением. Эти послания приходили из разных уголков мира. Каждый получал от Матери Терезы несколько слов, адресованных ему лично и полных

искренней благодарности и любви. Мать Тереза не забывала никого, кто хоть раз ей помог. К счастью, она обладала фотографической памятью.

Подписание вышеупомянутого соглашения дало мне ясно понять: мое пребывание в прекрасной республике Армения не сведется к рождественским каникулам, как я предполагал изначально. Мать Тереза вознамерилась сделать из меня «a real missionary», «настоящего миссионера». Договор с Комитетом, как я уже сказал, предусматривал, что священник, чей приезд стал необходимой предпосылкой для появления в Армении сестер Матери Терезы, никоим образом не может широко общаться с местным населением и заниматься миссионерской деятельностью: он должен окормлять исключительно сестер. Однако сестры ежедневно получали сотни приглашений! Так проявлялось знаменитое армянское гостеприимство, действительно, чуть ли не самая яркая черта характера этого народа. Сестры по уставу не могли есть за пределами обители. Это правило Мать Тереза ввела в Калькутте, чтобы бедняки не делились с сестрами той малостью, какой располагали сами: законы гостеприимства в Индии требуют в первую очередь накормить гостя, даже если придется отдать ему последние крохи. Чтобы не выходило, что сестры одной рукой дают беднякам, а другой у них же отнимают, Мать Тереза установила всеобщее правило: за пределами обители сестры не могут вкушать никакой пищи. Поскольку и сама она неукоснительно придерживалась этого правила, бедняки в скором времени поняли: сестры ни за что не разделят их трапезы – не из неуважения, а потому что таков их закон.

В Армении это правило подверглось новым испытаниям. И вот Мать Тереза нашла способ решить проблему, не оскорбив армянского гостеприимства, но и не отступив от его же установленного принципа: принимать бесчисленные приглашения она поручила мне. Поскольку меня сестринский устав не сковывал, мне пришлось шесть месяцев подряд чуть ли не каждый день ужинать в гостях. Здоровье мое подвергалось суровому испытанию: армянский ритуал требовал, чтобы сначала произнес тост хозяин, затем гость, затем старший сын хозяина и так далее. Под каждый тост выпивали стаканчик великолепно-го армянского коньяка.

На ужин обычно приходили родные, друзья, знакомые и знакомые родных, друзей и знакомых. Порой за столом собиралось человек сорок или пятьдесят. И это становилось опасным. Мать Тереза написала расписку, что я не буду ни участвовать в публичных мероприятиях, ни проповедовать.

А эти ужины превращались порой в самую

настоящую катехизацию. Мне задавали множество вопросов о вере. Интерес к христианству явно был высок. Иногда кто-то заявлял мне: «Меня крестили в Католической Церкви». Чтобы не привлекать к нашим встречам внимания органов (этого не хотели ни наши гостеприимные хозяева, ни сестры), я стал просить, чтобы число гостей за ужином не превышало двадцати. А тут еще ввели комендантский час. После десяти вечера всем было запрещено выходить из дома. Припозднившихся путников задерживали и запирали на ночь на стадионе под открытым небом – очень неприятно при 20°C ниже нуля. На следующий день спозаранку арестованных судили. В десять часов вечера по главным улицам Еревана проезжали танки, улицы перегораживали тяжелыми металлическими цепями. Летом комендантский час сдвинули на 23:00.

Мне эти меры оказали, пусть косвенную, но помощь: появилась веская причина подняться из-за ломившегося от снеди и напитков стола до десяти вечера. В противном случае я был бы не в силах к пяти утра явиться с сестрами на утреннюю молитву и совершать литургию. К лету сестры надумали построить себе домик прямо в эпицентре землетрясения, чтобы заботиться о пострадавших там, на месте. Им обещала поспособствовать итальянская организация «Protezione Civile» («Гражданская опека»). Мне пришлось частенько навещать в Спитак, в 110 километрах к северу от столицы, и возвращаться оттуда поздно вечером. Однажды я мчался обратно на предоставленном мне «Protezione Civile» автомобиле. Опаздывал и жал на газ. На последнем отрезке шоссе перед городом действовало ограничение скорости до 30 километров в час, я же мчался со скоростью 130 километров в час, лишь бы успеть до комендантского часа.

Так, с изрядным превышением скорости, я вылетел на мост и увидел, что танки уже выступили в поход. Я понадеялся проскочить на большой скорости между танками и лишь в последний момент заметил, что мост уже перегорожен толстенной металлической цепью. Я с диким скрежетом затормозил и уткнулся передним бампером в цепь. Сердце упало: что сделают со мной военные? На моих часах минутная стрелка неотвратно приближалась к 23:00. Солдаты подбежали к автомобилю, увидели синюю мигалку наверху и мой воротничок священника. Я решил прибегнуть к методу Матери Терезы – приветливо улыбнулся и защебетал:

– У меня есть для вас подарки!

И принялся вкладывать каждому в ладонь по чудотворному медальону. Чудо или не чудо, но, во всяком случае, удача: солдаты сняли цепь и отпустили

меня домой. Ночевать на стадионе мне в ту ночь не пришлось.

Вечер в детской больнице Еревана... Сестры, как всегда, стоят на молитве. Возле больницы, да и везде в объявленном на военном положении городе – военные патрули. Мы преклоняем колени – сестры давно уже застлали пол в часовне ковром. Вдруг я слышу у входа грохот тяжелых сапог и с ужасом думаю: «Зачем военные поднялись к нам?» Шаги остановились возле открытой двери часовни. Я стою на коленях. Мне видны лишь полы чьей-то шинели. Откуда-то сверху человек в шинели протягивает мне записку. Читать кириллицу я не умею и знаком направляю солдата к той из сестер, которая понимает по-русски. Человек в шинели и тяжелых сапогах шагает дальше, подает свою записку сестре. Едва она успевает ее прочесть, как он рвет бумагу в мелкие клочки. Потом сестра объяснила мне, что там было написано:

«Я католик».

* * *

Величайшая гордость армян и величайшая их боль – гора Арарат, символ страны. Этот гигантский массив, имеющий классическую для гор вулканического происхождения форму, вознесся так высоко, что со смотровой площадки, расположенной в четырех километрах к югу от Еревана, уже можно, пусть и не очень отчетливо, разглядеть его пики. В сторону Арарата армяне глядят со скорбью: символ их страны находится не на армянской, а на турецкой территории. После Первой мировой войны граница отрезала Армению от ее национальной святыни.

На лестнице, ведущей к смотровой площадке, сидела старая женщина с искривленными ногами. Внимание сестер тут же перенеслось с красот пейзажа на старуху с растрепанными волосами, которую мы приняли за нищенку. Солнце едва пригревало. Женщина, одетая в какие-то грязные лохмотья, сидела на ледяных каменных ступенях. Казалось, она не могла сдвинуться с места. Но предложение Матери Терезы пойти с нами женщина отклонила. Кто-то приводил ее сюда побираться, а вечером провожал домой. Позднее мы выяснили, что «опекун» забирал две трети собранной милостыни. Советский закон приравнивал нищенство к уголовному преступлению, а потому «соучастник» заслуживал свою долю. Мать Тереза и наша переводчица Анахит договорились с Ирной (так звали старуху), что в ближайшее время мы наведаемся к ней домой.

Через пару дней мы приехали с одеялами, запасами еды и моющих средств. «Дом» Ирны мы опознали издалека: покосившийся, почти падающий под

натиском ветра и непогоды сарай на краю огромного поля. Вероятно, прежде там хранили сено или корм для скота. Внутри хижины стояла омерзительная вонь. Я даже обрадовался, когда меня вытурили за дверь: отправили за водой. Поскольку хозяйка не могла самостоятельно передвигаться, в доме годами не убрали. Страшная грязь, ноги липли к полу, некуда было деться от пыли и мусора. Все, что могло понадобиться Ирне, располагалось на расстоянии вытянутой руки от ее постели – то есть от мешков с соломой, брошенных на полуразвалившийся остов кровати. Маленькая газовая плитка служила и для готовки, и для обогрева. За ней стояли один в другом три грязных, треснутых стакана. В верхнем, более-менее целом, плескались остатки мутно-коричневой жидкости.

Сестры, переводчица и я работали весь день. Помимо всего прочего мы вывели из-под кровати Ирны два рыбьих скелета и мертвую крысу.

Наступил вечер, мы складывали мусор в пакеты и выносили их на помойку. И тут наша переводчица Анахит сообразила спросить Ирну, не хочет ли та, чтобы я ее исповедал. Я-то еще не превратился в настоящего миссионера («real missionary»), ибо видел множество причин, по которым Ирне отнюдь не следует у меня исповедаться: во-первых, она, конечно же, не католичка, а во-вторых, я не знаю языка! Но Анахит, не дрогнув, напомнила мне, что исповедь через переводчика считается вполне легитимной. Она готова была помочь. В ушах зазвучали слова Матери Терезы: «Отец, будь настоящим миссионером!» («Father, be a real missionary!»).

Я вернулся в дом, где все еще стояла невыносимая вонь.

– Да, я бы очень хотела исповедаться, – просияла Ирна, едва услышав вопрос. К моему изумлению, она осенила себя крестом и заговорила на ломаном английском. Первые же ее слова поразили меня, словно удар грома, словно подзатыльник от длани Божьей:

– Я католичка...

После исповеди, получив отпущение, Ирна рассказала мне о своей судьбе подробнее. Она была не просто католичкой – в юности она была монахиней! Родилась в Сирии, восемнадцати лет от роду ушла в монастырь. Родители были против и через несколько лет принудили ее покинуть монастырь и выйти замуж. Вместе с мужем Ирна переехала в Армению. Ее сыновья выросли, вместе с отцом вернулись в Сирию. Она осталась в Армении одна. Вот уже двадцать лет она не получала никаких вестей ни от мужа, ни от сыновей.

С тех пор жизнь ее проходила в молитве и нищен-

стве. Каждый день она молилась о том, чтобы Бог простил ей уход из монастыря и послал ей перед смертью благодать католической исповеди и Причастия.

Теперь я понял, отчего так сияли глаза бедной старухи, когда она получила от меня отпущение грехов. Печальная, запущенная хижина превратилась в маленький рай. Не было уже нищеты и страшной воню: в этот дом вошло таинство непостижимого Промысла Божьего и Его любви.

Через три недели я говорил по телефону с Матерью Терезой, и первым делом она спросила:

– Как Ирна?

– Господь призвал ее домой, – ответил я. – Она умерла с сияющей улыбкой на устах.

– Теперь ты понял, что значит «настоящий миссионер»? – спросила Мать Тереза, напомнив тем самым о моем призвании и о том, что все мы, как она любила говорить, «лишь карандашики в руках Господа» («small pencils in God's hand»).

Все месяцы работы в Армении мы общались с беднейшими из бедных очень близко. Мы не всегда могли помочь им материально, но пытались согреть их теплом наших сердец, утешить или просто быть рядом, когда они умирали. И по сей день помню, как я улетал из Еревана. Я ждал своего рейса в аэропорту, и из глаз у меня сами собой катились слезы. Самое трудное время в моей жизни – и самое прекрасное. Как часто я ощущал тогда близость с Иисусом! И сколько реальных возможностей мне тогда выпадало, чтобы утолить Его жажду.

Мать Тереза собственным примером и через своих сестер помогла мне познать эту близость со Христом. Полгода в Армении стали для меня самой настоящей школой христианства. Я много узнал о людях, об их способностях и склонностях, но самым важным для меня был урок благодати: я понял, как она действует. Под конец этого «семестра» я подвел итоги: сестры ни разу не поссорились ни между собой, ни со мной, а ведь все они были такие разные по характеру, иные весьма темпераментные. Мы жили в полном единстве и гармонии, несмотря на материальные невзгоды и психологические трудности. Везая, я чувствовал себя изгнанныком из рая. Мать Тереза, конечно, сказала бы: «Отец, чтобы найти Иисуса, можно было бы и не ездить так далеко». Как часто она повторяла: «Необязательно ехать в Калькутту, чтобы распознать Иисуса в беднейших из бедных. Бедные всегда рядом с вами. Зачастую в вашей собственной семье. Ищите их, находите и любите. Проявляйте свою любовь к Иисусу практическими делами, любовью деятельной». ☺

Удивительно современная история пророка Ионы

В Книге пророка Ионы всего четыре главы, но она вобрала в себя мотивы Книги Бытия, Откровения Иоанна Богослова и словно охватывает всю Библию, поскольку содержит изображение истории искупления. Иона символизирует избранный израильский народ, Ниневия – то, что идет к гибели. В каждом из нас есть то, что освящено Богом, и то, что еще сопротивляется Ему, и поэтому можно сказать, что поле действия Книги пророка Ионы – в нас самих. Эта книга выделяется из всех пророческих книг: все они написаны пророками от первого лица, а Книга пророка Ионы – от третьего лица, как будто записывал ее не сам Иона, а какой-то автор рассказал о нем.

Книга пророка Ионы – историческая, хотя кажется художественным вымыслом и содержит аллегория. Личность Ионы – тоже историческая, его

имя встречается и в других книгах Библии. В 4-й Книге Царств сказано, что Иона пророчествовал царю Израильскому о расширении границ Израильского царства. Пророк Иона упоминается также в Книге Товита, а Иисус Христос, свидетельствуя о Себе, приводит в пример Иону и говорит о нем как об исторической личности.

Так что, несмотря на аллегоричность, в центре Книги пророка Ионы – конкретный человек в историческом контексте.

Повеление Господа и бегство Ионы в Фарсис

Иона был родом из Гафхефера (это область Галилеи). Фарисеи слукавили, когда во время синедриона

спросили Никодима, бывает ли пророк из Галилеи. Чтобы лучше понять чувства Ионы, получившего повеление от Господа идти проповедовать ниневитянам, нужно знать, что Ниневия была столицей великого царства Ассирии, представлявшего постоянную угрозу для Израиля. Ассирия в те времена была известна своими безжалостными зверствами. Расправляясь с внутренними и внешними врагами, ее жители сдирали с живых людей кожу, вырезали языки, складывали в огромные кучи отрубленные головы... Если погрузиться в тот культурный контекст, можно обнаружить, что многие страны тогда славились жестокостью, но даже на этом фоне Ассирия выделялась.

Слыша призыв Господа, Иона противится ему. Проблема не надуманная, очень даже реальная. Если мы открываем свою совесть для явно слышимых повелений Господа, то нередко можем ощущать угрозу для самих себя. Например, угрозу нашим личным планам, которые мы уже построили.

Порой мы не очень внимательно слушаем Бога, потому что слушать Его оказывается нам не выгодно. В какой-то момент мы можем решить, что следовать за Богом невозможно, потому что Он требует от нас того, что больше наших сил, на что мы не способны. Для Ионы призыв Бога становится острой дилеммой: оказывается, что воля Бога не совпадает с его собственным настроением – ведь Бог хочет сохранить жизнь его врагу. То есть тому, кто доставляет много неприятностей. А тут оказывается, что воля Божия в том, чтобы идти и возвестить этим людям надежду на спасение.

Представьте себя в своей конкретной жизненной ситуации (социальное положение, семья, работа, круг друзей). Чувствуете ли вы, что исполняете волю Божию, или все-таки от нее убегаете?

Представьте себя в своей конкретной жизненной ситуации (социальное положение, семья, работа, круг друзей). Чувствуете ли вы, что исполняете волю Божию, или все-таки от нее убегаете?

Первое, о чем просит Бог Иону: «Встань!». А в каком состоянии находитесь вы? Это состояние готовности или аморфности, расслабленности, нежелания что-либо в жизни делать?

Положение стоя – это не только физическое состояние, когда мы готовы куда-то двигаться. Когда человек встает, он еще и видит свой рост. «Встань!» – это значит «посмотри на себя во всей своей полноте, со всеми достоинствами, теми дарами, которые Бог тебе дал». Что делает Иона? Сказано: «И встал Иона – но встал, чтобы бежать в Фарсис».

Ниневия, столица Сирийского государства, находилась к востоку от Палестины. Иона отправился в Иопию, город на берегу Средиземного моря, то есть направился в совершенно противоположную сторону. Ниневия расположена на берегу реки Тигр, на востоке от современного города Мосул (территория Ирака). Иопия – это первый ближайший порт Средиземного моря, а Фарсис – самый отдаленный, на территории Испании. Иона, как указано в тексте, не только нашел корабль и оплатил свою дорогу, он зафрахтовал весь корабль с экипажем (так считают библейские толкователи). Зачем он это делает? Он не хочет, чтобы корабль простаивал в порту или был перенаправлен в другой порт – он хочет сам все контролировать.

Зачастую мы тоже хотим держать все под своим контролем. И тратим на это много сил и средств. Интересно, что Ниневия и так находится далеко от местоположения Ионы, в трехстах километрах, то есть, в принципе, Иона мог бы оставаться на месте и просто проявить непослушание. Чаще всего мы так и поступаем. Слышим призыв Бога, который нам не нравится, и предпочитаем его как бы не слышать.

Но Иона все-таки бежит. Может, он считает, что за пределами Святой Земли, Земли обетованной, пророческий голос будет звучать не так настойчиво. Мы тоже стремимся занять свои мысли чем-то другим, сменить обстановку, даже «придумать» себе зависимость, чтобы не слышать глас Божий. Иона бежит, потому что чем дальше от храма и Божьего народа, тем меньше вероятность быть «втянутым» в дело Бога.

Как для вас звучат эти события с Ионой: что-то отзывается, вызывает переживания? Встаньте перед своим жизненным страхом и спросите: «Куда и от чего я бегу?» Мы можем просто топтаться на месте и не находить в себе сил и готовности ответить на призыв Бога, как богатый юноша, который в ответ на призыв Христа отошел с печалью.

Иногда мы ищем волю Бога не в том направлении. Жены-мироносицы пришли ко гробу и того, чего искали, не нашли. Ангел спрашивает их: «Зачем вы ищете живого среди мертвых? Вы ищете мертвое тело или воскресшего Христа?»

Иона чувствовал, что не может себя пересилить, и потому решил бежать. «Иона, Ионах» означает «быть угнетенным, некое угнетенное или стонущее существо». Но он также и сын Амофея – значит «сын истины», то есть все же человек, который слышит истину Божью в своем сердце.

Буря

Во время бегства Ионы на море начинается неистовый шторм. Присмотримся к тому, что является причиной шторма. Буря на Средиземном море – обыкновенное явление, но, как говорит Библия, «Господь воздвиг великий ветер, и сделалась великая буря», то есть причиной этой бури был сам Бог. Нет ничего странного в том, что человек представляет, будто природное явление совершается по воле Божией. Библейский автор убежден, что все совершается по допущению Божию, Его Провидению. Слово «воздвиг», «возбудил» употребляется в Ветхом Завете, когда речь идет о внутреннем движении в человеке. Например, в первой главе Книги Ездры говорится: «И возбудил Бог дух Кира царя». То есть, по действию Божию, дух царя «сподвигся», в нем что-то поднялось, чтобы принять решение о возвращении избранного народа в Иерусалим. В 13-й главе Книги пророка Даниила, в истории о несправедливом обвинении Сусанны старцами, говорится, что «возбудил Бог дух отрока...», то есть Даниила. Значит, все в нем возмутилось при виде этой несправедливости. В 1-й главе Книги пророка Аггея – то же самое: «возбудил Бог дух Зорававеля, возбудил Бог праведность».

Речь опять идет о внутреннем движении, которое начинает Бог.

«Возбудил Господь на море крепкий ветер», – говорится в Книге Ионы. «Ветер» имеет значение: «дух, дуновение, порыв, дыхание жизни». Иногда это слово даже обозначает вспышку бешенства. Интересно, что глагол, образованный от этого слова, «дуть», по-гречески звучит «рпей». Дух – «рпейша». Это некое побуждение, которое дает Господь.

Сказано, что в тот момент, когда поднялась великая буря и все зашаталось под ногами у путешественников на корабле, Иона сошел во внутренность корабля, лег и крепко заснул. Дословно – «спал и храпел». Капитан корабля спускается к Ионе и говорит: «Что ты спишь?» (дословно – «храпишь»). То есть – что ты бездействуешь, не молишься? Каждый из путешествующих обращался к своим богам, Иона же не молился.

Попробуйте погрузиться в эту ситуацию «дестабилизации» Ионы. Может, вспомнятся похожие ситуации в вашей жизни: когда все уходит из-под контроля, происходят неприятные события, начинается паника.

В Книге Деяний апостолов (27, 13-44) есть похожий отрывок. Подул южный ветер, и ученики поплыли к Криту, но поднялась буря. Корабль не мог ей противиться и носился по волнам. На острове Клавда (в переводе – «прискорбный, плачевный») апостолы едва смогли удержать лодку, но боясь сесть на мель, продолжали носиться по морю. На другой день начали выбрасывать груз, на третий – свои вещи. Исчезла всякая надежда на спасение. Апостол Павел говорит, что ангел сообщил ему ночью: ни одна душа не погибнет, а только корабль. Евангелист Лука, сам бывший участником этого путешествия, подробно и живо описывает это кораблекрушение.

Как мы обычно реагируем на трудные ситуации? Поведение кого из героев этого эпизода, когда корабль Ионы попадает в бурю, покажется вам наиболее близким?

Капитан корабля спрашивает, почему Иона не молится своему Богу. Кто твой Бог и какие у тебя отношения с Богом? Худшая вещь в подобной ситуации – бездействовать, специально отвлекаться на другие

занятия или мечты. Самое трудное в такой момент – подвигнуть себя «встать».

«Сошел» в трюм – здесь используется то же слово, когда говорится о сошествии Христа во ад. Возможно, в нашей жизни не было такого бегства от чего-то, как у Ионы. Но все мы переживали ситуацию повторяющегося греха. Стараясь спрятать грех как можно глубже, не отдавая его Богу, мы становимся все более апатичными и вялыми, безразличными к тому, что происходит вокруг нас, что кто-то может погибнуть.

Иона в ответ на вопрос капитана корабля произносит своего рода вероисповедание: «Я еврей, чту Господа Бога небес, сотворившего море и сушу». Подобное исповедание мы произносим каждое воскресенье в символе веры. Эти фразы для нас – просто формула, или действительно в подобной ситуации (когда спросят, в какого Бога я верую) я исповедую Бога Вседержителя, Который руководит всей моей жизнью и Которому я служу?

Спираль непослушания

На языке оригинала история бегства Ионы звучит особенно выразительно. Как мы уже говорили, Бог повелевает ему: «Встань, иди в Ниневию». Но вместо этого, если следовать буквальному значению оригинального текста, Иона «спускается» в Эопию, порт, где затем он «спускается» на корабль.

Далее он «спускается» еще ниже – во внутреннюю часть корабля. И «опускается» еще ниже, когда ложится спать. После того как рыба уносит его в пучины морские, он «опускается» еще ниже – и это уже образ некоего ада. В этот момент Иона молится, описывая свое состояние такими словами: «До основания гор нисшел, земля своими запорами навек заградил меня, но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада».

Эти события в жизни Ионы даны для нашего назидания, потому что в нашей жизни тоже бывают такие моменты. Особенно мы это ощущаем в ситуации греха. Один раз совершить грех бывает недостаточно. Мы гре-

шим снова и снова. Из-за того, что страдает чувство собственного достоинства, мы разочаровываемся в себе и не верим, что можем измениться. Но Бог показывает на примере Ионы, что никогда не поздно начать меняться.

Все это не просто «падения в пространстве», это ведущая Иону вниз спираль непослушания. Не пос-

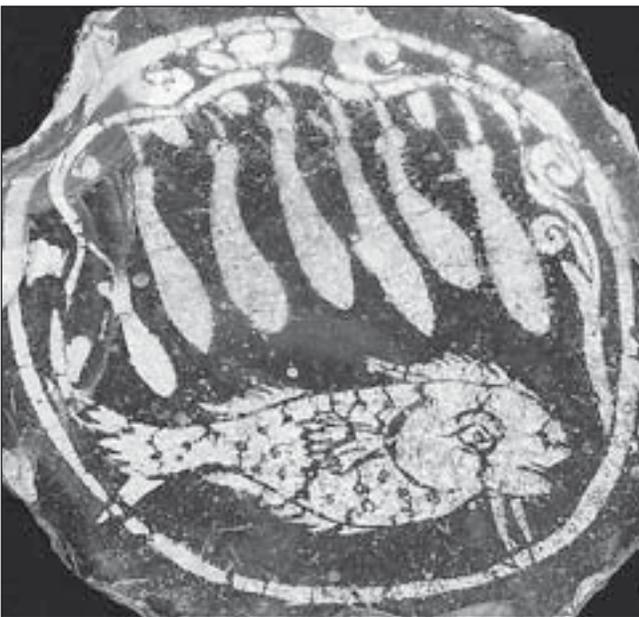
Это образ или реальные события? Может ли человек выжить в чреве кита? Такие случаи происходили в XVIII и XIX вв. – человеку удавалось остаться в живых, пробыв в чреве кашалота (финвала) целый день.

лушался раз – был шанс вернуться, но он упорствует в непослушании и опускается по спирали все глубже. Это единственное направление, в котором может двигаться человек, бегущий от Бога.

Как мы знаем из Библии, Благая весть состоит в том, что для Божьего народа за спуском всегда наступает подъем. В этот раз уже не Бог, а капитан корабля говорит Ионе: «Встань!». Матросы поднимают Иону вверх, чтобы бросить в море. Рыба позже извергает его на сушу – то есть выплевывает его тоже вверх.

Все шаги вниз были инициированы самим Ионой. Все шаги вверх были инициированы кем-то другим.

Это иллюстрация того, как Божья благодать действует в нас: она постоянно пытается нас поднять, вдохновить, укрепить, чтобы мы встали и начали двигаться в правильном направлении. Мы можем спастись, только если исповедуем свой грех Богу Милости и доверимся Ему в том, что Он даст нам новое начало.

Иона раскаивается и впервые берет на себя хоть какую-то ответственность. Он говорит: «Возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигло вас это великое бедствие». Его дух в этот момент был уже полностью сокрушен, и только тогда в нем появляется мотивация, чтобы исправить свое положение перед Богом.

Иона находится в ситуации человека, припертого к стене. Часто бывает, что все плохо, все угнетает, мы не находим в себе сил сопротивляться и окончательно погрязаем в своих грехах. Вину-то мы еще можем признать, но дальше наступает такой момент: «Лучше уж умереть». Это кажется нам трагическим, но счастливым исходом: закончатся все мучения и проблемы, не нужно исполнять никакую волю Божью, не нужно работать над собой, переносить боль и страдания.

Что же происходит с Ионой? Как раньше Бог «повелел ветру», так теперь Бог «повелел большому киту», то есть опять Бог производит некое действие, чтобы кит поглотил Иону. И вот тут Иона осознает одну очень важную вещь. Утонуть-то он был готов, это выглядело драматично, но героически, а вот умереть под воздействием пищеварительной системы кита – с этим он смириться не хотел.

Это образ или реальные события? Может ли человек выжить в чреве кита? Такие случаи происходили в XVIII и XIX вв. – человеку удавалось остаться в живых, пробыв в чреве кашалота (финвала) целый день. У финвала есть в голове воздушная подушка, и он сначала помещает пищу туда. Если пища слишком крупная, кашалот ее выплевывает. Возможно, подобное произошло и с Ионой. Бог всегда использует что-то естественное и одновременно совершает чудо. То, что Иона сумел пробыть столько времени в чреве кита и остаться в живых, – это чудо. Иона осознал чудесное участие Бога в тот момент, когда попал во внутренность рыбы и понял, что он еще живой. С этого момента начинается перемена в его сознании.

Иона понял, что Бог его спасает. Если в таком состоянии ада, погруженности в его пучину, человек приходит в себя и осознает, что Бог дает ему возможность продолжать жизнь, то он начинает осознавать и любовь Бога, и ценность собственной жизни. Правильность богословских убеждений не помогла Ионе избежать бунта против Бога. Все дело было в его сердце, которое отстояло далеко от сердца Бога. Для Бога нет чужих, и Он хочет, чтобы мы относились к людям

(в том числе, к своим обидчикам) так же. Именно таким взглядом Бог смотрел и на ниневитян.

Сказано, что рыба носила Иону в своем чреве три дня. Конечно, речь идет не о сутках, это символическое число. И потом она как бы родила Иону из своего чрева. В духовном смысле для Ионы это было новое рождение. Он вышел из чрева кита другим челове-

ком. Важно не намерение измениться, а конкретное решение. Когда Ной вошел в ковчег, он оставил весь грязный и падший мир позади себя, приняв решение отрезать себя от него. Лот, выйдя из города, принял решение покинуть грешный город. Это одновременно и символ, и конкретное решение, выражающееся в действии. Я предпринимаю что-то, чтобы обновиться, начать новую жизнь, оставив грех за спиной. Вспомните диалог Иисуса с Никодимом, когда Иисус говорит, что «нужно заново родиться», чтобы научиться мыслить по-Божьему. Так поступает и Иона, признав свою вину и прося бросить его в море. Наконец-то послушание начинает исправлять картину.

Вспомните подобный момент из своей жизни – когда Бог обновил вашу жизнь. Это стоит сделать, чтобы заново увидеть дела Божьи. И затем, осознав, какое решение мы приняли тогда, снова обрести энтузиазм, чтобы следовать за Богом.

Иона говорит: «Бросьте меня в море!». Слово «бросьте», употребленное здесь, используется также в книге Бытия (37, 22), когда братья встречают Иосифа, в них рождается зависть, и они решают бросить его в колодец. Иосиф должен был там умереть, подобно Ионе в пучине. Однако он не умер, так как этот колодец оказался для него спасением. Его подобрал караван, а затем Иосифа продали в Египет, где он достиг больших высот и стал вторым после фараона.

В Книге Бытия (39, 20) это слово употребляется по отношению к Иосифу, когда он не поддался уговорам жены Потифара, соблазнявшей его на сожительство. Иосиф остался верен Богу, сохранил целомудрие, тогда женщина оклеветала его, и он был брошен в темницу. Темница оказалась для Иосифа местом, откуда он попал во дворец фараона.

В Книге пророка Даниила (3, 46) есть хорошо известная история про трех отроков в печи огненной. За то, что они не захотели поклониться идолам и остались верными своему исповеданию Бога, их бросили – опять это слово «бросили» – в печь, но огонь не причинил им вреда, и Даниил сумел обратиться к вере самого государя.

«Броситься» во что-то, что кажется смертью, предание себя деснице Божьей, оказывается для этих героев Священного Писания спасением. В результате они становятся неуязвимыми, словно отталкиваются ото дна и спасаются, поднявшись вверх.

Иона проповедует в Ниневии

Иона идет проповедовать в Ниневию и говорит о ее грядущем разрушении. Бог жалеет ниневитян и не наводит на них бедствие.

Давайте представим Ниневию: как говорит Библия, город, «великий у Бога». Это означало, что Ниневия была велика в очах Божиих. Бог смотрит на Ниневию не так, как смотрит Иона. В глазах Бога Ниневия имела какую-то нравственную мощь и величие. Сказано, что пройти Ниневию можно было за три дня пути. Историческая Ниневия – всего 12 км в диаметре. Видимо, имелась в виду окружность города. Иона не просто пересек этот город: он ходил по нему, проповедуя жителям то, что повелел Бог.

«Было слово Господне к Ионе вторично». Слово Божие действенно: если оно изошло из уст Бога, то всегда достигает своей цели. В Писании говорится, что оно, как дождь, нисходит на землю и не возвращается, пока не принесет плод. В греческом тексте словосочетание «*сделалось слово*» (к Ионе) – это то же словосочетание, что употреблено в Евангелии от Иоанна: «И Слово стало плотью и обитало с нами».

«Встань, иди в город Ниневию», – говорит Бог Ионе. В первой главе уточнялось: «ибо злодеяния его дошли до меня». Формулировка была более четкая. Во второй раз Ионе требуется проявить больше веры: Бог не предупреждает заранее, что Он хочет возвестить через него.

Поделюсь примером из своего проповеднического опыта. Гораздо проще проповедовать, когда можешь подготовиться заранее. Конечно, знаешь, что Святой Дух поможет говорить, но и сам я читаю книги, ищу цитаты и т.д. Но бывают дни, когда просто физически нет времени подготовиться: и тогда требуется много веры в то, что Бог будет говорить через тебя, ведь Он обещал ученикам, что Дух Святой подскажет нужные слова в такой момент. И вот с такой ситуацией столкнулся Иона, Бог ему говорит: «Иди, и проповедай то, что Я буду тебе повелевать». Иона встал и пошел в Ниневию по слову Господню.

Что говорил Иона, ходя по городу? Его проповедь была очень коротка: «Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена». И тогда обратились ниневитяне. Слово «разрушить» в греческом языке имеет двойное значение: 1) «низвергнуть, опрокинуть» и 2) «перевернуть» (в смысле «обратить»). Таким образом, в тексте присутствует игра слов: еще сорок дней – и Ниневия будет или низвергнута, или обращена. Для ниневитян это двойное послание: Бог предупреждает, что все зависит от них. Иона, конечно, рассчитывает на первое значение слова. А то, что Бог хочет возвестить через Иону, – скорее, выражено вторым значением.

Иона возвещает: суд либо покаяние. Иона надеялся на наказание Ниневии. Он всегда остается просто человеком. Он понимает, что если ниневитяне обратятся, и Бог ничего с ними не сделает, то он окажется лжепророком. Иона переживает больше за себя, а

Бог – за ниневитян. Иону Бог уже спас от смерти, а теперь Он хочет спасти ниневитян. Важно, чтобы мы смотрели на развитие этих событий сквозь призму милосердия Божия, понимая, что Бог хочет всех привести к спасению.

В результате проповеди Ионы происходит покаяние ниневитян (обратились все, от народа до царя, снявшего корону и одевшегося во вретисце). Царь Ниневии провозглашает: «Кто знает, может быть, Бог еще умиосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем» (Ион 3, 9). В оригинале же употреблено слово «метанойя» (изменение образа мыслей). То есть: «не передумает ли Бог, не произойдет ли метанойя в Боге». Получается, что и Бог обращается от Своего гнева. По слову Ионы происходит полная перемена во всех.

Интересно, что говорится: Бог «увидел дела их», увидел, что обратились ниневитяне от путей своих, и тогда Бог отвел бедствие от Ниневии. Подчеркивается не просто, что ниневитяне сожалели о содеянном, но Бог обращает внимание именно на их дела. Изменился их способ поведения, возможно, отношения друг к другу, и это выразилось в конкретных поступках.

Для Ниневии словно наступает день Пятидесятницы: когда апостол Петр проповедовал на Пятидесятницу, то 3000 людей «умилились сердцем» и стали христианами. У иудеев есть праздник Йом-Киппур – Судный день. Это день поста, самоанализа и покаяния, он предзнаменует последний Страшный суд, когда Бог определит судьбу каждого. В этот день иудейский священник входил в Святое Святых, принося жертву Богу за грехи народа и испрашивая прощение. Также в этот день в пустыню отправляли козла отпущения, на которого символически возлагали все грехи. Интересно, что в этот день по традиции прочитывалась вся Книга пророка Ионы. Подчеркивалось главное послание этой книги: внимание к врагам и страдание Божие к каждому человеку.

Когда Христос говорит фарисеям: «Род сей лукавый и развращенный требует знамения, но не дастся ему знамения кроме Ионы пророка», – то имеет в виду всю жизнь Ионы. Иона взял на себя ответственность за то, что происходит (попросил выбросить его в море), и сам решает отдать жизнь за моряков, в результате все успокаивается и все спасены. Так и Христос принимает на Себя грехи мира и решает Сам погибнуть, чтобы другие были спасены, отдает Свою жизнь за других. Представьте, в каком состоянии вышел Иона на берег Ниневии из чрева кита. Вид у него точно был не очень привлекательный. В своей молитве он говорит об этом: «Морскою травой была обвита голова моя». Наверняка, Иона делился с ниневии-

тянами тем, что он пережил. Возможно, спасшиеся моряки тоже добавили свое свидетельство о происшедшем. Тяжелый опыт жизни, который мы переживаем, подталкивает к обращению других людей гораздо сильнее, чем слова. Именно поэтому проповедь Ионы имела силу.

Христос, пройдя через смерть и воскреснув, может этим утешить каждого из нас: так воскреснем и мы. Поэтому нет больше тупика отчаяния и безысходности: как в жизни Христа Бог произвел эти чудеса, так произведет и в нашей жизни.

Настоящая духовная победа заключается в обращении сердца, а не в покорении кого-либо. Плодов обращения Иона не замечал либо не верил в их истину, но зато всю глубину нравственного развращения язычников он видел. Порой и с нами так происходит: мы видим недостатки в людях четче, чем их способность к обращению и маленькие положительные изменения.

Иона, несмотря на свой бунт и непослушание, сделал много: обратил к вере моряков-язычников, целый город...

Посмотрите на плоды вашей жизни: что Бог уже сделал через вас, как ваше маленькое слово или дело принесло какой-то плод? Посмотрите, насколько вы больше замечаете недостатки других, чем положительные изменения. Насколько сомневаетесь в искренности чьего-то раскаяния и изменения, ставя крест на человеке. Иона стал своего рода «козлом отпущения». Конечно, согрешил и он сам. Но, попросив бросить себя в море, он спас моряков. Иисус Христос тоже явился таким «козлом отпущения», на которого были возложены наши грехи, Он пострадал без вины и принес нам спасение. Может, вы тоже в каких-то ситуациях ощущали себя «козлом отпущения». Вспомните это. В вас еще живо чувство обиды или есть радость от того, что вы смогли послужить в этой болезненной ситуации чьей-то пользе? Умеете ли вы найти радость и утешение в Боге, считая, что в таких ситуациях ваш опыт чем-то близок опыту Иисуса Христа?

Если видите, что в вашем страдании нет пользы, то отдайте его в молитве Богу. Он может использовать все. Наша задача – открыть значение и смысл своего страдания: оно не является волей Божией, но мы можем его преобразить. Любую боль, страдание не стоит держать для себя (чтобы печалиться или гордиться собой) – их нужно отдавать и посвящать Богу.

Забота Бога

Книга пророка Ионы словно обрывается в конце – неизвестно, что произошло с Ионой дальше. Это приглашение нам «допережить» эту историю. Мы говорили о козле отпущения в положительном, искупительном смысле этой метафоры. Есть у нее и негативный смысл: когда на кого-то спихивают неудобные дела, лишние обязанности и т.д.

Иона мог чувствовать себя в этой ситуации именно так, во втором смысле. Он возмущается: «Если ты, Бог, такой благой и добрый, то почему Ты не мог Сам обратить этих ниневитян, зачем потребовался я?»

Посмотрите, как деликатно Бог относится к каждому герою этой истории. С самого первого стиха видно, что Он очень внимателен к самому Ионе, потом – к морякам на корабле, затем – к жителям Ниневии, а потом Он снова начинает заниматься Ионой, которому нужна помощь. Иона сильно огорчился и был раздражен – в оригинале «был опечален печалью большой» и «был в смятении».

Интересна динамика его настроения. Когда Бог повелевает вырасти растению, «обрадовался Иона радостью большой». Когда дерево засохло – снова появилась «большая печаль».

Какая-то мелочь, а человека так бросает в противоположные эмоциональные состояния. До такой степени, что Иона просит смерти. Традиция говорит, что Иона был сыном сарептской вдовы, у которой гостил пророк Илия: той самой, сын которой умер, а затем был оживлен Илией. Хронологически все совпадает: и место, и время. Илия был уже пожилым человеком, а Иона – ребенком. Возможно, тот стремительный юноша, которого пророк Елисей послал помазать на царство Ииуя – это тот же самый Иона. То есть у Ионы есть своя жизненная история. Мы знали имя его отца – Амофей, знали, откуда он был родом, но эти новые факты тоже что-то приоткрывают. Если Иона был сыном сарептской вдовы, то, значит, воспитывался без отца. Жизнь в то время была очень суровой – засуха, голод. Получается, что Бог уже не первый раз спас Иону от смерти. Иона – человек искренний и очень впечатлительный, всецело отдающийся всякому чувству. Поэтому, ес-

**Если видите,
что в вашем страдании нет пользы,
то отдайте его в молитве Богу.
Он может использовать все.
Наша задача – открыть значение
и смысл своего страдания:
оно не является волей Божией,
но мы можем его преобразить.**

ли он чувствует печаль – то большую, радость – тоже большую. Очень вероятно, что он имел отношение к пророку Илии: может, общался с ним или в детстве учился у него, так как очень похожа их реакция на определенные ситуации. Пророк Илия тоже был послан обратить целый народ, народ Израильский, предавшийся идолопоклонству. На престоле уже царствовала Иезавель, принадлежавшая другому народу. Илия, «пророк как огонь», устраивает соревнование с языческими пророками на горе Кармил, ставшее духовной битвой. Илия доказал, что Яхве есть истинный Бог, молитвой сведя огонь с неба на выложенный им из камней жертвенник и жертвенного тельца. В результате народ обратился, царь Ахав – тоже, пророков-язычников уничтожили. Однако обращение Ахава не оказалось глубоким, и он, и народ спустя некоторое время вернулись к прежнему идолопоклонству. С Ниневией происходит то же самое. Спустя шестьдесят лет после проповеди Ионы Ниневия падает на Северное царство Израиля, а спустя двести лет она будет разрушена.

Что просит пророк Илия? Он бежит от гнева Иезавели и в расстроенных чувствах говорит: «Господи, лучше мне умереть». То же самое говорит и пророк Иона. Но Бог, как и в случае с Илией, решает иначе. Пророку Илии Бог дважды посылал ангела, чтобы подкрепить его пищей и водой, а затем дал ему новое откровение на горе Хорив. В случае с Ионой мы видим, как Бог тоже начинает о нем заботиться.

Чему научился Илия в момент откровения, когда Господь ответил ему «в тихом веянии ветра»? Он открывает для себя то же, что открылось Моисею (Исх 34, 6). Моисей просил Бога показать Его славу, но Бог – не стихийная сила, которая грозно карает и уничтожает, и закон, по которому Он действует в мире и по отношению к людям, – это Его любовь и милосердие. Это и есть «тихое веяние ветра». Бог хочет и наше сердце расширить до такой же полноты, чтобы мы тоже действовали по закону любви и милосердия.

Иона построил себе кущу за пределами города и стал там наблюдать, что будет с Ниневией. И сказано, что Бог произрастил растение, чтобы над головой Ионы была тень. Зачем Бог взрастил дерево для пророка Ионы, если у того уже была куща, то есть палатка? Это аллегория. Своими усилиями мы не можем решить проблему, поэтому необходимо вмешательство Божие.

Иона весьма обрадовался растению. Оригинальное название растения – «kikaion», оно имеет травяной стебель и широкие листья, около четырех метров в высоту, быстро растет и быстро увядает. В ботанике оно называется «palma Christi».

Но затем Бог сделал так, что червь подточил растение, и оно засохло. Иону начал палить зной. Он вновь просит себе смерти. Что Бог хочет показать через это?

Иона по-настоящему пережил обращение во чреве рыбы, старался искренне проповедовать ниневитянам, но отношения к ним так и не поменял: они по-прежнему для него были врагами, недостойными прощения. Бог пытается показать Ионе его сердце: «Если ты так жалеешь о растении, которое выросло и завяло, то мне ли не пожалеть этих людей?» И так же Бог любит и Иону, несмотря на ожесточение его сердца. Бог хочет сделать наше сердце похожим на Свое сердце, чтобы в нашей жизни мы являли любовь, милосердие и принятие.

«...Господь, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый, и истинный, сохраняющий правду и являющий милость в тысячи родов, прощающий вину и преступление, и грех...» – говорит Бог Моисею (Исх 34, 6).

«Милосердый» в оригинале имеет значение «милостивый к человеку в жалком состоянии», это милосердие – незаслуженный дар, без ожидания вознаграждения.

Усвоил ли Иона урок Божий, мы не знаем. Но знаем, что он удостоился быть знаменем жертвенной и милосердной любви Бога к людям. Всего четыре главы в Книге пророка Ионы, но она полна Божьего внимания и заботы о каждом участнике ее событий. Бог видит человека, а не толпу или безликое человечество, и для Него важны все Его дети, без исключения. Поэтому так современно звучит эта книга. ☺

Всемирный День Молодежи:

«Благословенны милосердные...»

Краков, июль 2016

Полина Молчанова:

В этом году Бог подарил мне замечательную поездку в Польшу на Всемирный День Молодежи. Все обстоятельства вокруг этой поездки складывались чудесным образом, поэтому я и подчеркнула, что именно Бог и именно подарил. Вспоминая о встрече в Кракове, хочется поделиться многими яркими эмоциями и моментами. Расскажу об одном из них.

Поле, разделенное белыми секторами, сосредоточенными вокруг огромной сцены. Правая сторона сцены сразу бросалась в глаза – там возвышалась колонна в форме креста, тоже белого цвета.

Вокруг меня было около двух миллионов человек со всех уголков земли. Каждая делегация имела флаг своей страны, эти флаги создавали яркое многоцветье. Европейцы и американцы, африканцы и азиаты, – все нации собрались здесь, все люди вместе молились... Шел теп-

лый июльский дождь. «Приветствуйте друг друга с миром», – пронеслось эхом во всех колонках, и люди повернулись друг к другу и стали, пожимая руки, с улыбкой повторять: «Мир тебе!».

В небе появилась радуга.

Эта незабываемая сцена единения людей, свободных на несколько мгновений от языковых, политических, социальных барьеров, стала для меня самым ярким моментом встречи.

Михаил Головки:

Самый запоминающийся момент Всемирного Дня Молодежи для меня – это когда я увидел Папу Франциска. Я испытал огромную радость от того, что встретился с ним! Раньше я видел Папу только на фотографиях и читал про него, конечно. Его проповедь о милосердии меня очень тронула, и не только меня: одна девушка рядом со мной даже заплакала.

Во время встречи в Кракове произошло еще одно самое настоящее чудо – я встретил друзей из моего родного прихода в Казахстане. Мы пошли в санктуарий Иоанна Павла II – и там я увидел нашего настоятеля прихода и одного из министрантов. Мы не виделись целый год и вот здесь, в Кракове, вдруг встретились – это было так здорово!

Катехизацию для нашей группы вел епископ Клеменс Пиккель. Мне запомнились его чувство юмора и советы молодежи.

В будущем я бы хотел сам проводить встречи для молодежи, чтобы вести молодых людей к Богу. У меня такое ощущение, что в России молодежь нужно все время как бы подталкивать к молитве, нужно с ними общаться и помогать в этом.

Еще мне, конечно, запомнилась атмосфера встречи: столько священников и сестер, молодежь из разных стран. Тут я увидел, какая Церковь большая...

о. Дарий Харасимович OFMConv.:

Я участвовал во Всемирном Дне Молодежи в качестве заместителя опекуна группы из Санкт-Петербурга. Первую неделю мы провели в Белостоке, моем родном городе. В эти дни меня не оставляло ощущение Божьего Провидения, проявления Бога в истории моей жизни. В этом городе я родился, воспитывался, встретил Бога и поверил в Него. И вот теперь, когда я монах и священник, я смог здесь пережить эту международную общецерковную встречу... Мой родной Белосток стал как бы

Каной Галилейской, куда Иисус приходит и совершает чудо. Мой город стал источником света: здесь собралось много верующей молодежи из разных стран, и они повезли радость, обретенную во время встречи, в свои дома и приходы...

В заключительной Мессе с Папой Франциском в Кракове участвовало два с половиной миллиона человек. Это было незабываемое ощущение Вселенской Церкви. Эти дни казались преддверием Царства Небесного: общая радостная и дружная молитва, кипящий жизнью энтузиазм молодых людей... Видно было, как молодежь ждала Папу, как внимательно его слушала. Это рождало надежду. Важна была не только эмоционально приподнятая атмосфера встречи, но и этот дух слушания.

В субботу вечером, перед заключительной Мессой, было поклонение Пресвятым Дарам. Более двух миллионов человек молились на поле в абсолютной тишине... В центре поля – огромная дарохранильница, которую мы видели на экранах. Эта молитва оставила сильное впечатление в моей душе.

Папа говорил о том, что милосердие имеет конкретное лицо: это не просто идея, оно проявляется в конкретных делах и поступках. Он призывал «встать с диван» и идти к другим, не впадать в конформизм, не закрываться в своем эгоизме. Если любишь Бога и ближнего, то нужно выходить с инициативой, стремиться помогать людям, стать светом и дать свидетельство о Христе тем, кто живет во мраке или унынии.

Когда мы возвращались после Мессы, началась гроза. Мы уже входили в город и спрятались от ливня в арке одного из домов. Жители дома заметили нас из окна, и маленькая девочка спустилась и пригласила всех на чай.

Ее родители тоже вышли, заговорили с нами. Этот жест доброжелательности стал знаком для нас. Ведь мы часто закрываем окна и двери, боимся выйти навстречу ближнему, а здесь – наоборот, нам широко открыли двери и предложили угощение...

Находясь в родном городе, я жил не у себя дома, а в гостях у семьи, принимавшей нашу группу. С родными я встретился позже. Это был образ того, что самое главное в жизни – Христос, а родные, хотя и очень важны, – не самое главное. Это помогло мне осознать слова Иисуса: «Кто слушает слова Мои и исполняет их, тот мне брат, и сестра, и мать...». ☺

Юлия Ермакович

В городе Милосердия

Прошедшим летом новостные ленты моих друзей в социальных сетях были полны восторженных рассказов и ярких фотографий, посвященных Всемирному Дню Молодёжи в Кракове. Возможно, я бы немного сожалела о том, что не смогла разделить с ними эту радость, если бы не моя поездка в Вильнюс, превратившаяся в настоящую встречу с милосердием Бога ко мне и к тем, кого я встретила во время этого маленького недельного отпуска, ставшего настоящим паломничеством сердца.

В силу разных причин я не планировала ехать куда-либо этим летом, но, как часто бывает, Бог оставляет наши замыслы или их отсутствие за кормой корабля, чтобы дать во сто крат больше. И началось всё с простого приглашения моей подруги Ани приехать к ней в гости, пообщаться и погулять по её любимым местам Вильнюса, отвлечься от повседневных забот и пережить какой-то новый опыт.

Каждый наш день складывался достаточно спонтанно, и о посещении хосписа блаж. Михаила Сопочко, в котором Аня помогает как волонтер, речь изначально не заходила. В один из дней её просто попросили помочь, потому что несколько постоянных помощников уехали на Всемирный День Молодёжи. Сотрудники обрадовались, что она придет не одна, а я сочла нехватку «волонтерских рук» за деликатное предложение Бога для меня тоже поучаствовать в служении тем, кто находится в состоянии особого страдания....

Я никогда не бывала в хосписах до этого, но могу сказать с уверенностью, что это особая милость Бога – дать возможность перешагнуть порог смерти в таком месте, в семейной атмосфере любви, молитвы и чуткой заботы – не только физической, но и психологической. Без заступничества блаженного отца Михаила Сопочко, духовника святой Фаустины Ковальской, здесь не обошлось. К тому же сначала это был дом, где жил он и художник Ежи Казимировский, который и писал образ Милосердного Иисуса, затем – сестры Конгрегации Милосердного Иисуса. Трудно себе представить, чтобы Бог не задумал что-то особенное для этого места, и в 2008 году руками основательницы хосписа, сестры Микаэлы Рак, Он начал воплощать Свой замысел. Сестра Микаэла уже имела опыт устройства хосписа в Польше и приехала в Литву по вызову епископа Юозаса Бачкиса. Придя в часовню монастыря, сестра достала все деньги, которые имела (а это было всего три злотых), и сказала

Господу: «Вот я, вот Ты, вот эти три злотых. Если есть на это Твоя воля, то хоспис будет». Постепенно находились жертвователи и добровольцы, начались работы по восстановлению полуразрушенного здания. В течение четырех лет его привели в пригодный для подобного учреждения вид.

В настоящее время хоспис блаженного отца Михаила Сопочко – первый и единственный хоспис в Литве, где оказывают помощь всем, кому она нужна, независимо от вероисповедания или национальности. Существует он на пожертвования, государство оплачивает лишь 30%. С пациентов и родственников денег не берут. Всего в хосписе 14 коек, и это даёт возможность персоналу больше времени проводить с больными и со здавать для них семейную обстановку.

Оказаться в год Милосердия в хосписе было, несомненно, для меня особым подарком, который открылся моему сердцу во встречах с пациентами, их судьбами и обновлённым осознанием ценности каждого мгновения. Когда сталкиваешься воочию с теми, кто уже приближается к вечной жизни, то приобретаешь намного больше, чем даже можешь сам им дать, ведь они уже выпустили из своих рук практически всё, а тебе ещё предстоит это сделать.

Об этом опыте молчать нельзя, тем более лишь то, что отдано, остаётся жить навсегда, поэтому после каждого посещения хосписа я писала заметки, чтобы возвращаться к ним в те моменты, когда забываешь о том, что действительно важно. И пусть они вдохновят ещё кого-то на жизнь в полноте каждой секунды.

День первый

Если в творце уже живёт мастерство, оно продолжает заявлять о себе даже тогда, когда кончается запас выразительных и формообразующих средств. Например, если ты оказался на больничной койке, лишился возможности двигаться и всё, что ты, казалось бы, можешь делать – это воспринимать.

Маэстро, так медсёстры хосписа блж. Михаила Сопочко называют заслуженного дирижёра мужского хора Йозаса Ванайгаса, сегодня дирижировал лично мне. В его арсенале были только брови и глаза! И знаете, даже если бы он мог встать с больничной койки хосписа, надеть фрак, снова обрести былую форму и полноценную свободу физического движения, возможно, я бы никогда не узнала, что для дирижирования может быть достаточно только таких проникновенных и всё передающих глаз.

Пожалуй, было ошибкой думать, что Йозас был дирижёром. Несмотря на свою болезнь, он им остаётся в немощи своего тела и в силе духа, взгляда и внутреннего переживания! Сегодня мы только познакомились, и я стала различать его литовско-польско-русские фрагменты речи, так что завтра можно будет смело переходить на русский репертуар и обязательно сказать медсестре, чтобы «бывшим дирижёром» его больше не называли, ведь, если человеку удалось вырастить из себя мастера, он останется им до последнего аккорда своей жизни.

День второй

«Утешать – это помогать страдать». Не помню, чьи слова, но пронзительность этой истины настигла меня сразу же, как только мы переступили порог хосписа. «Со-бытие», «со-действие», «со-переживание», «со-страдание»... Как часто из жизни уходит это самое «со-», оставляя голым, безжизненным, а скорее, бездыханным и одиноким любое, даже по человеческим меркам великое действие, совершённое без соучастия присутствия.

К слову, на себе я часто испытывала такое, что близкий человек очень хочет тебе помочь, какими-то внешними действиями избавить от физического или душевного недомогания, но выходит только хуже, ведь самое важное, что он на самом деле может сделать – это со-присутствовать, оставаясь при этом в себе самом, на своей глубине, не подстраиваясь под лишь слегка видимые ему проявления страдания другого. Брать полномочия Бога в свои руки – слишком рискованно, к тому же мы просто нужны друг другу такие, какие есть уже сейчас. Вопрос лишь в том, чтобы действительно **быть**. Этим мы и постарались заняться сегодня во время посещения хосписа, где продолжается своя жизнь, протекающая на грани между умиранием и попытками найти хотя бы что-то, ради чего стоит бороться. Жить в полноте «сей-час» вместе с ними – это всё, что мы могли, и сегодня гуляли под жарким солнцем, обливались импровизированным дождём из шланга, нюхали хвою, цветы, пили компот и даже пели с Маэстро Йозасом о волнах голубого Дуная... Только интеллигентный радиотехник Юрек, поглядывая почему-то с подозрением на свои ноги в шерстяных носках, попивая степенно компот и шмыгая носом, ответил отказом на

моё предложение – попасть под дождь. Пришлось искать иные способы окунуть его в красоту окружающей действительности и рассказать историю о том, как в глубоком детстве, не имея возможности дышать природой, я носила лепестки цветов, веточки и шишки в своих карманах, и так ароматы природы всегда были со мной. Дослушав рассказ, он насупил под жёлтой кепкой свои густые брови и добавил: «Вы меня, конечно, извините, но носить в карманах остатки природы и предлагать проверять степень заложенности носа по различимости их запаха не подбает нормальному человеку...». Я сочла это за комплимент, подглядывая, как он незаметно подносил веточку можжевельника к своему лицу и с выдохом возвращал обратно на колени. Перед нашим уходом, ровно дыша, он погрузился в сон. Кто бы мог подумать, что недельная непробиваемость его носа всевозможными лекарствами разрешилась простой и радостной прогулкой. Жаль только, что невероятного Леонарда не было на прогулке вместе с нами. Он бы разбавил нашу инженерно-художественно-музыкальную интеллигентность своей прямолинейной польской непосредственностью. Медсестры решили, что сегодня он слишком слаб для эмоциональной прогулки. И всё же, видимо, часик уединения пошёл на пользу и ему, ведь вчера он говорил только на польском, абсолютно ничего не понимая из моего русского, а сегодня вдруг вспомнил, что русский, оказывается, ему тоже не чужд, и во время ужина не проронил почти ни одного польского слова. Вот такие маленькие чудеса!

День третий

Напоследок у меня притаилась ещё одна история – про Ольгу. Когда я думаю о ней, меня охватывают чувства, подобные тем, что возникают, когда сидишь у камина в длинном, растянутом, но очень уютном тёплом свитере с чашкой горячего шоколада. Хотя нет, он уже выпит, а чашка стоит на полу. Ты сидишь, непременно, с книгой в руках и не можешь остановить своё чтение, пока не дойдёшь до финала. И неважно, что от камина печёт так, что его жар выходит уже из-под твоего свитера и доходит до щёк, ты продолжаешь терпеть этот накал внутри себя и страниц, вчитываться в сюжет, вскрывать историю за историей, ведь хочется дочитать до конца, закрыть книгу, чтобы, наконец, выдохнуть в изумлении – и осмелиться взглянуть в глаза главному герою. А в нашем случае – героине...

Наш третий день в хосписе был ознаменован знакомством с ней. С виду ничем не примечательная женщина, сидевшая на кровати с мотком шерстяных ниток, из которых в процессе наших разговоров рождался джемпер для её родственницы. Классический образ женщины преклонных лет, если не брать в расчёт, что за спиной тридцать лет непрерывной работы медсестрой, а с юных лет – деревенская жизнь во всей её полноте, глубине и, как может показаться с первого взгляда, незаурядности. Она с любовью открывала перед нами тайны воспитания ягнят, поросят и даже приручения диких зверей. Нам, абсолютным городским жителям, каждая история, рассказанная ею, казалась фантастикой. И вот одна из них.

Однажды вечером маленькой Ольге нужно было идти че-

рез лес к своей бабушке, чтобы отнести ей в корзине какую-то еду. Собрав посылку, мама отправила дочь в путь. Ольге путь был знаком, поэтому волноваться не было причин. Однако, не пройдя и середины пути, она вдруг заметила посреди леса словно два ярких фонарика, похожих на фары машин. Девочке хватило мгновения, чтобы понять, что метрах в пятидесяти от неё бродит волк. Не теряя самообладания, она, не останавливаясь, запустила пальцы в корзину и стала шуметь попавшимися под руку банками. Волк, сохраняя дистанцию, шёл параллельно с ней. Ольга продолжала путь и не теряла надежды, что всё, чему учили её в детстве, спасёт ей жизнь. До деревни оставалось ещё целое поле. Каждый шаг отзывался оцепенением, размеренные шаги лишь создавали иллюзию ровного дыхания. Как только на горизонте стали появляться первые деревенские крыши, волк увеличил дистанцию и вскоре окончательно скрылся из вида. Путь был преодолен. Маленькая Ольга скинула корзину у калитки – и в слезах побежала обнимать бабушку. Выслушав историю, та успокоила внучку заверением в том, что этот волк – страж близлежащего леса, и поэтому он и не собирался нападать, а сопровождал для того, чтобы защитить девочку от других волков.

Не знаю, поверила ли тогда маленькая Ольга в то, что сказала ей бабушка, но мне трудно было поначалу не сомневаться в том, что это не выдуманная история, сошедшая со страниц известной всем сказки. Пообщавшись с Ольгой ещё какое-то время, я всё больше и больше убеждалась в том, что все её истории – правдивые и настоящие, как тот самый шерстяной джемпер, который можно было потрогать руками в те моменты, когда от невероятности рассказов чувство реальности начинало покидать сознание.

Это была последняя встреча перед моим возвращением в Москву. Мы сидели на веранде хосписа под крышей, потому что шёл дождь. Йозас дремал, Ольга продолжала вязать. А мы читали им стихи и пели песни. Совсем уж на прощание она попросила записать несколько строк из её стихотворения в память о нашей встрече. Они не о сказочных событиях, удивляющих воображение, и не о том, как правильно приучать телят к сену, и не о Красной Шапочке и её встрече с хищным волком. Это слова простой женщины с затаённой надеждой в сердце:

Мои подбитые крылья
Силу новую обрели,
Никогда я не скучаю
И одинокой не бываю,
Теме любви стихи я посвящаю.

Зачем же Космос мне чужой?
Зачем Луна чужая?
В своих стихах я в Космосе брожу
И непременно по Луне шагаю,
И только там я одинокой не бываю. ☺

Конец XIX – первая половина XX века – время прогресса и отрицания Бога. Научная среда, в первую очередь, медицинская, способствовала развитию атеистических идей в обществе. Естественно-научные факультеты многих европейских университетов были своего рода рассадниками материализма. Врачи, создававшие новые препараты и методики для лечения человеческого тела, проповедовали убеждение, что вера в Бога нужна лишь для слабого, угнетенного разума. Поэтому удивительно, что в этой среде появляются не просто специалисты-медики, сохранившие веру в Бога, но врачи, стремящиеся к святости. Некоторые из них, следуя за Христом, избирали путь святого Франциска.

Хосе Грегорио Эрнандес был родом из Венесуэлы и большую часть жизни прожил в этой стране. Его современник, итальянец Джузеппе Москати – из Неаполя. А доктор-радиолог Такаси Нагаи, свидетель бомбардировки в Нагасаки, из Японии. Эти люди очень разные, но их объединяет верность Христу и неутомимое желание служить больным. Какие бы трудности ни встречались на их жизненном пути, они не переставали ощущать любовь Бога Отца и делиться радостью жизни с Ним.

Врач, христианин, терциарий

Хосе Грегорио Эрнандес

Слуга Божий Хосе Грегорио Эрнандес был третьим ребенком в многодетной семье торговца. Его отец посвящал большую часть времени ведению бизнеса, а мать занималась детьми. Родители Эрнандеса имели испанские корни и сохраняли в семье благочестие, характерное для родины их далеких предков.

Мать Эрнандеса умирает, когда ему исполняется всего восемь лет. Отец старается дать детям достойное образование. Способности мальчика быстро замечают его школьные учителя. Уже в тринадцать лет он получил степень бакалавра. Хосе Грегорио свободно владел пятью европейскими языками и отлично писал и читал на латыни. Сначала под влиянием педагогов он решил посвятить свою жизнь юриспруденции, но его отец видел, что у юноши есть настоящие способности в области естественных наук. Именно он настоял на том, чтобы Эрнандес занялся медициной.

Учеба увлекла Хосе Грегорио, и он отправился совершенствовать свое мастерство в Европу, в Париж, на кафедру гистологии, получив стипендию от правительства Венесуэлы. Атмосфера этого города сильно повлияла на молодого человека, приехавшего из южноамериканской провинции. Но не шумные бульвары и богемная жизнь занимали его, а библиотеки, музеи и, конечно же, ученое сообщество. Полученные здесь знания помогли Эрнандесу в последующем создать первую в Латинской Америке эпидемиологическую лабораторию. Из Парижа Эр-

нандес привозит на родину и свой микроскоп, который сейчас бережно хранится в музее его имени. Все исследования крови, которые принесли Хосе Грегорио мировую известность и стали новым словом в медицине рубежа XIX–XX веков были сделаны именно с его помощью.

Эрнандес предпринимает три попытки стать священником, но каждый раз его послушничество или учебу в семинарии прерывает тяжелая болезнь. Хосе Грегорио преследуют воспаления легких, но именно внезапные болезни приводят его к осознанию призвания: Бог хочет, чтобы он стал врачом и применил у себя на родине многочисленные знания, полученные в Европе. Хосе Грегорио Эрнандес присоединяется к Третьему ордену св. Франциска. Две вещи привлекают его в этом призвании: забота о бедняках и великая скромность. Он вполне реализует эти качества, свойственные идеальному францисканцу.

Молодой и очень талантливый врач мог бы зарабатывать большие деньги своим мастерством и знаниями, но он избирает путь скромного подвижничества. Заработанные деньги он направляет на создание клиник и лабораторий.

День Эрнандеса заполнен до предела. Он консультирует в разных больницах, занимается с учениками, проводит научные исследования, общается с властями, прося их открыть новые медицинские учреждения или закупить оборудование. При этом он живет очень скромно, довольно скудно питается и очень неприспособлен в одежде.

Сумасшедшие нагрузки совсем не отражаются на размеренном ритме молитвенной жизни Хосе Грегорио. Он никогда не пропускает «Ангелус», читает бревиарий,

подолгу молится утром и вечером. Молитва наполняет его сердце радостью и любовью к жизни, которые он и передает своим пациентам.

В день своей смерти он также светился радостью. К вечеру к нему привели пациентку, у которой не было денег на лекарства. Доктор сам отправился в аптеку, а на обратном пути его сбил автомобиль.

За рулем машины сидел Фернандо Бустаманте. Он возвращался с работы к своим двум дочерям и беременной жене. Объезжая трамвай, Фернандо не сразу заметил вышедшего из аптеки доктора и задел его крылом машины. Эрнандес отлетел в сторону и ударился о мостовую. «Пресвятая Дева!» – были его последние слова. Фернандо выскочил из машины и побежал к пострадавшему. Каков же был его ужас, когда он узнал доктора. Человека, спасшего от «испанки» его мать. Фернандо при помощи прохожих положил доктора в машину и помчался в больницу. Но спасти Эрнандеса не удалось.

За гробом шли все жители Каракаса, столицы Венесуэлы, богатые и бедные, прощаясь с великим доктором. До сих пор Хосе Грегорио остается национальным героем. Тем не менее, процесс его беатификации идет уже несколько десятков лет. Когда он завершится, Хосе Грегорио Эрнандес станет первым блаженным венесуэльского происхождения.

Джузеппе Москати

Современник Эрнандеса, Джузеппе Москати, родился 25 июля 1880 года в Беневенто (Италия). Он был седьмым ребенком в семье председателя местного суда. Карьера отца семейства быстро шла в гору, и Москати переехали в Неаполь.

Когда Джузеппе исполнилось двенадцать лет, его старший брат Альберто вынужден был оставить военную карьеру из-за неудачного падения с лошади. Его преследовали эпилептические припадки и судороги. Джузеппе самоотверженно ухаживал за ним и тогда принял решение посвятить свою жизнь медицине. Однако его мучают и сомнения: стать врачом или священником? А может, объединить эти два служения? Но в конечном итоге Джузеппе отдает предпочтение медицине.

В семнадцать лет, по окончании школы, он поступает на медицинский факультет Неаполитанского университета. Годы учебы сформировали Москати не только как выдающегося специалиста и ученого, но и как образованнейшего человека своего времени. Он много путешествовал. Круг его интересов был весьма обширен: живопись, архитектура, иностранные языки (он владел английским, немецким и французским), нарождающаяся психология и педагогика. В это время у него

складываются дружеские отношения с иезуитами. Он переписывается, а впоследствии и встречается с представителями Общества Иисуса, консультируясь у них по вопросам преподавания медицины и формирования врача как человека, способного не только исцелить тело, но и помочь душе пациента.

В это время молодой Москати встречает своего первого духовника, который будет сопровождать его в течение двадцати двух лет. Отец Эджидио Роккетти будет с Джузеппе в непростые годы его студенчества и становления на службе. Его советы будут укреплять и поддерживать молодого врача.

Эджидио Роккетти был францисканцем. Это был сознательный выбор Москати, который с детства тяготел к францисканской духовности. Вероятно, именно в это время он и присоединился к Третьему ордену св. Франциска.

В 1903 году Джузеппе Москати получил степень доктора и принял участие в конкурсе на замещение должности в больнице для неизлечимо больных. Эту больницу основала еще в начале XVII века испанская дворянка Мария Лоренца Лонга, которая была исцелена от тяжелой болезни по заступничеству Пресвятой Девы.

В 1906 году началось извержение Везувия. Под угрозой гибели оказались обитатели дома престарелых в Торре-дель-Греччо, городке у подножия вулкана. Этот госпиталь был отделением неаполитанской больницы. Москати направился туда и возглавил эвакуацию. Благодаря его самоотверженности и организаторским способностям удалось вывести всех людей до обрушения здания.

В 1908 году Москати снова сдает экзамены. На этот раз он становится доцентом в Институте физиологии инфекционной больницы Доменико Котуньо. Под руководством этого выдающегося ученого Джузеппе пишет ряд исследовательских работ, посвященных различным инфекционным заболеваниям. А в 1911 году ему представляется возможность проверить свои знания на практике. В Неаполе начинается эпидемия холеры. Тридцатилетний доктор подготовил доклад для Инспекции народного здравоохранения, в котором предложил целый ряд мероприятий по преодолению эпидемии и восстановлению города после нее. Ему было поручено возглавить борьбу с эпидемией, и он блестяще с этим справился.

Москати не перестает учиться и проводить научные исследования. Он снова выигрывает конкурс и начинает активную преподавательскую деятельность. Талантливый врач и ученый, он активно участвует в международных конгрессах и использует новинки медицины для лечения больных. Так, одним из первых в Италии Москати начинает использовать инсулин для лечения сахарного диабета.

Рабочий день этого врача казался бесконечным: больница, работа со студентами, лекции в университете, научные исследования в лаборатории, частные пациенты и, наконец, вечерние бесплатные приемы, на которые приходили бедняки со всего Неаполя и окрестностей. Москати был выдающимся диагностом. Был у него и свой секрет: он лечил не только тело, но и душу человека. Осматривая пациента, доктор мог спросить, давно ли тот приступал к таинству исповеди и часто ли участвует в Мессе. Прописывая лекарства, он мог настоятельно рекомендовать посещение храма.

Обучая своих студентов, Москати всегда отмечал: «Соприкасаясь с пациентами, вы должны обращаться не только к их телам, но и к душам, касаться их умов и сердец, исцелять, а не отправлять их с «холодными» рецептами к фармацевту».

В отличие от своих современников, профессор Москати не видел противоречия между верой и наукой. В письме другу он как-то заметил: «Наука постоянно изменяется, новое основывается на критике старого. И только одна наука неизменна – наука о вечной жизни».

Джузеппе Москати снискал огромную любовь среди неаполитанцев. Его ценили и уважали не только бедняки, приходившие к нему за помощью, но и коллеги, и студенты, представители самых разных слоев общества. Он никогда не пытался превратить медицинскую практику в средство обогащения. Хотя с его способностями выдающегося диагноста легко мог это сделать. Для него медицина стала служением, реализацией его призвания как ответа Богу. Он жил очень скромно, почти в нищете, никогда не брал за консультацию и лечение больших денег. Известны случаи, когда он посылал назад деньги богатым дамам, сочтя, что они заплатили ему слишком много. В то же время бедняков он принимал бесплатно. Они могли оставить в коробке у входа в его кабинет столько, сколько могли. Бывали случаи, когда в рецепт доктор вкладывал деньги, необходимые для покупки лекарства.

Последний день «святого доктора из Неаполя», как его называли уже при жизни, прошел как обычно. Утренняя Месса, обход в больнице, лаборатория, прием пациентов. К вечеру он сильно устал и прилег отдохнуть. Его нашли в кресле со спокойным выражением лица и скрещенными на груди руками. Причина смерти так и не была установлена. Это могло быть и переутомление, годами истощавшее организм, и кровоизлияние в мозг, от которого умирали многие представители семьи Москати. Великому врачу было всего сорок семь лет, и его смерть стала большой неожиданностью для родственников и коллег.

Провожать доктора в последний путь вышел весь Неаполь. И практически сразу начались разговоры о причислении его к лику святых. Довольно быстро появились свидетельства об исцелениях по его заступничеству.

Папа Иоанн Павел II на Мессе его канонизации сказал: «Профессиональное мастерство сочеталось в нем с человеческим теплом и ярким свидетельством веры». И эти слова как нельзя лучше характеризуют доктора и объясняют народную любовь к нему.

Такаси Нагаи

Японский врач Такаси Нагаи намного младше своих европейских коллег, но с учетом особенностей проникновения европейской медицины в Японию их вполне можно назвать современниками.

Такаси Нагаи родился в 1908 году в семье японских врачей. Его отец практиковал европейскую медицину, а дед – японскую. Мать происходила из древнего самурайского рода, поэтому она и дала одному из своих пятерых детей имя Такаси, что значит «знатный».

Будучи ребенком, Такаси жил в доме, где царили традиции синтоизма. Став подростком, он окупился в мир, насквозь пронизанный атеистическими настроениями. Когда молодой человек поступил в медицинский колледж Нагасаки, находящийся совсем недалеко от католического собора, он был уже сложившимся атеистом. Но интересно, что именно в годы учебы Такаси впервые услышал о Христе.

Одним из первых религиозных переживаний Такаси становится смерть матери. Этот новый опыт ложится на только что прочитанные отрывки из «Мыслей» Блеза Паскаля. Такаси задается вопросом, что же такое молитва, которую так рекомендует не оставлять французский философ. Ему хочется поближе познакомиться с католиками и перенять их веру. Для этого он находит семью, готовую сдавать жилье студенту-медику. Такой семьей становится семейство Морияма, потомки тех, кто некогда принял веру от св. Франциска Ксаверия.

24 декабря 1932 года семья Мориями приглашает его вместе отправится в храм на Рождественскую Мессу и разделить с ними трапезу в Сочельник. Нагаи удивлен, ведь он не католик, и сомневается, пустят ли его, но его убеждают, что община ему будет только рада. Так Такаси впервые оказывается в католическом храме. И здесь он чувствует присутствие Кого-то, Кого раньше не встречал.

Сочельник 1932 года подарил Такаси не только встречу с Богом, но и встречу с будущей женой. За праздничным столом он впервые увидел дочь своего хозяина, Мидори. Она работала учительницей в другом городе и приехала к родителям на несколько дней.

Через два года Нагаи примет крещение и женится на Мидори. К тому времени он уже работал врачом-ра-

диологом. Его специализация очень опасна, потому что практически нет средств защиты от облучения.

Поддерживаемый женой, Нагаи начинает заниматься благотворительностью. Он находит деньги и меценатов, которые могут поддержать людей, нуждающихся в лечении, но не имеющих средств, чтобы лечь в больницу.

В это время он знакомится с францисканцем Максимилианом Кольбе, приехавшим в Нагасаки возводить новый монастырь. Вот как Нагаи описывает эту встречу: «Когда я впервые пожал его руку, то почувствовал, что его одолевает лихорадка. Я спросил: «Вы больны?» «Ехамппеме!» – ответил он с улыбкой. Я осмотрел его и не на шутку встревожился: «Отец, ведь это серьезно! Оба ваши легкие поражены туберкулезом». «Спасибо, доктор, – ответил он. – Вы хороший врач. И в Риме, и в Польше отличные врачи говорили мне тоже самое в течение последних десяти лет». «Как? Десяти лет?» – изумился я. Рыцарь Непорочной Девы путешествовал по всему миру, страдая вот уже более десяти лет тяжелейшим заболеванием! Как врач я столкнулся с научной загадкой. А о Максимилиане продолжал общаться так же легко, со спокойной улыбкой. Мы говорили о молитве Розария. «Все в ней! И все от нее!» – повторял он. После этой встречи молитва Розария стала любимой в семье Нагаи.

Под влиянием Максимилиана Кольбе Нагаи начинает интересоваться сначала личностью святого Франциска, а потом становится членом Третьего ордена. Тогда для этого не требовалось принадлежать к определенной общине, а только разделить францисканскую духовность. А Такаси всегда привлекала бедность, которую он понимал, в первую очередь, как величайшее смирение его как ученого перед загадкой природы, созданной Богом. Простота в быту и помощь бедным – таким был его жизненный принцип.

В это непростое время в семье Нагаи родилась еще одна девочка, которую назвали Каяно.

В 1941 году Япония объявляет войну США. 8 декабря, в торжество Непорочного Зачатия, во время молитвы профессор Нагаи ощутил, что его любимый Нагасаки ждет страшная судьба. Но это никак не повлияло на его работу. Всегда в хорошем настроении, внимательный и увлеченный своей работой, он был любим пациентами и коллегами. Много времени он уделял благотворительности, помогал в приходе.

В 1944 году Такаси Нагаи защитил докторскую диссертацию. И в этом же году стал плохо себя чувствовать. Вялость и усталость волнами накатывали на него. Иногда доктор даже закрывался в своем кабинете, чтобы немного побыть одному и восстановить силы. В такие минуты он обычно читал Розарий или же, если был совсем измучен, повторял нараспев слова псалмов. Например: «За Тебя нас умерщвляют ежедневно; нас считают овцами, обречёнными на заклание» (Пс 43, 23).

В июне 1945 года коллега предлагает ему пройти обследование. Выясняется, что у Нагаи лейкемия.

9 августа в 11:02 на высоте пятисот метров над католическим собором Нагасаки произошёл взрыв ядерной бомбы. Нагаи был в это время в больнице в нескольких километрах от эпицентра взрыва. Он оказался в самой защищенной ее части. Отдел радиологии был специальным образом оборудован, чтобы не было утечки радиации. Но взрывная волна была такой силы, что здание стало рушиться. Вместе с другими врачами Нагаи стал эвакуировать больных и раненых. При этом сам получил ранение в висок. Но, несмотря на это, доктор продолжал работать.

Нагаи собрал врачей и медперсонал, который еще мог держаться на ногах и сделал своего рода мобильный госпиталь. На вершине небольшой горы, куда были эвакуированы раненые, он водрузил японский флаг, чтобы все, кто нуждается в помощи, понимали, куда нужно идти. Флаг доктор сделал из простыни, нарисовав красный круг по центру кровью своей раны.

Только через два дня Нагаи удалось добраться к собственному дому. В груди пепла он нашел обгоревшие кости жены. Он стал собирать их в найденное рядом чудом сохранившееся ведро. Вдруг среди костей что-то блеснуло. Это были четки Мидори. «Спасибо Тебе, Господи, – прошептал Нагаи, – что позволил моей жене умереть во время молитвы. Мать скорбящих, спасибо за то, что Мидори была верна Тебе до самой смерти...»

Профессор Нагаи принес физическое и нравственное облегчение множеству людей, но сам был сильно измучен. Однажды он потерял сознание прямо на перроне по дороге на работу. Ему казалось, что он умирает. Когда доктор впал в кому, из францисканского монастыря, основанного Максимилианом Кольбе, принесли воду из чудотворного источника. К удивлению коллег, Нагаи пришел в сознание. Позже доктор рассказывал, что внезапно услышал голос, который говорил, что нужно просить о Максимилиана Кольбе о молитвенном заступничестве. Нагаи так и сделал, а потом обратился к Иисусу, говоря: «В руки Твои, Господи, предаю себя».

Он прожил еще шесть лет. У Нагаи не было возможности работать по специальности, болезнь приковала его к постели. Но он писал книги, осмысляя – как врач-радиолог и как верующий человек – произошедшую трагедию. Его книги помогли многим японцам и американцам принять свою боль, простить и попросить прощения.

1 мая 1951 года он умер в больнице Нагасаки. Его последними словами были «Иисус, Мария, Иосиф, в ваши руки предаю дух свой». До последней минуты он пребывал в радости.

В день похорон слуги Божьего Такаси Нагаи звонили все колокола Нагасаки. Проводить его в последний путь пришли более 20 000 человек. ☺

По материалам блога «ТАУ»

В. Пашкевич

астроном,
кандидат физико-математических наук

Загадка

Вифлеемской звезды

Существует множество различных мнений и гипотез о том, какое природное явление скрывалось за Вифлеемской звездой. Считается, что это могла быть комета, сверхновая звезда, суммарный свет от нескольких планет или звёзд (так называемый «парад планет») или же метеор, планета и т.п. Многие ученые пытаются сопоставлять с Вифлеемской звездой то или иное астрономическое явление, чтобы установить точную дату Рождества Христова.

На основе Библии и современных астрономических знаний попробуем поразмышлять о том, чем же могла быть чудесная Вифлеемская звезда. Все известные в настоящее время астрономические и природные явления, которые можно сопоставить с Вифлеемской звездой, для удобства разделим на три категории.

1. Далёкий объект вне Солнечной системы

Концентрация звёзд во Вселенной в основном происходит в звёздных скоплениях и галактиках. Эти скопления могли бы сыграть роль путеводной Вифлеемской звезды, также подходят для этого отдельные яркие звезды, такие как Сириус, Вега или Альтаир.

В конце жизни обычной звезды происходит взрыв и вспыхивает «сверхновая звезда». Ее светимость в момент возникновения многократно выше по сравнению с обычной, и на нашем небосклоне мы можем наблюдать такие звезды даже при дневном свете.

Однако все эти объекты находятся очень далеко от места Рождения Христа, поэтому возникает вопрос, каким образом они могли стать небесным ориентиром.

2. Явление или объект Солнечной системы

Яркие планеты Венера, Марс и Юпитер тоже могли бы претендовать на роль Вифлеемской звезды. Но обычно, рассуждая о Вифлеемской звезде, в средствах массовой информации упоминают либо о редком астрономиче-

ском явлении под названием «парад планет» (когда планеты располагаются по одну сторону от Солнца), либо о более частом астрономическом явлении – так называемом соединении планет друг с другом или с яркими звёздами. При сильном сближении на небе двух или нескольких планет или звезд их свет суммируется.

Кометы обращаются вокруг Солнца с разными периодами. Хвост кометы обычно направлен в сторону от Солнца. Некоторые из них, достаточные яркие, можно сравнить с Вифлеемской звездой. Астероид, сильно приблизившийся к Земле, который светит отражённым светом Солнца, тоже подходит для этого.

3. Явления в атмосфере Земли

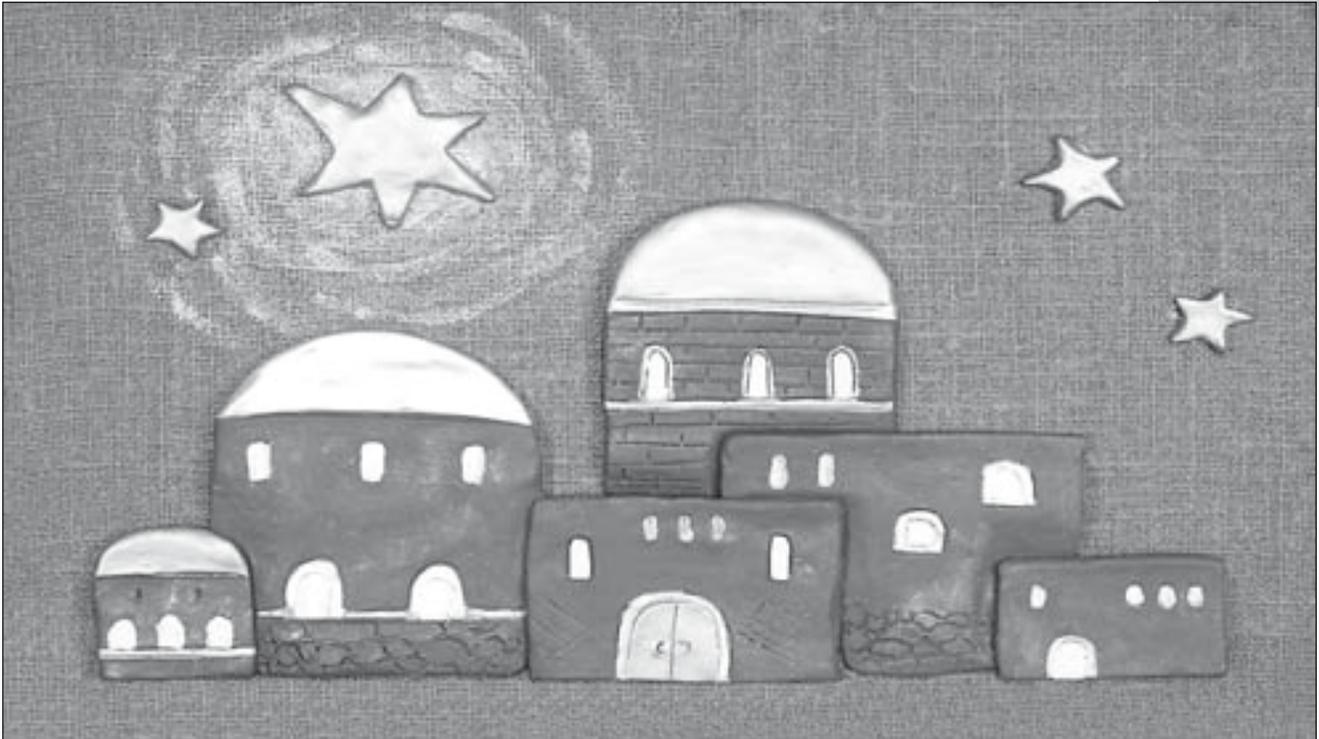
Метеор («падающая звезда») – это явление полного сгорания мелкого небесного объекта (например, осколка от астероида или кометы), вошедшего в плотные слои атмосферы Земли. Свет крупных метеоров – болидов – очень яркое. Зарницы – это мгновенные вспышки света на горизонте при отдаленной грозе. Зарницы и прочие подобные явления могут кратковременно озарять окрестности в ночное время.

В Ветхом Завете есть пророчества, предсказывающие появление Вифлеемской звезды (Числ 24, 17) и поклонение волхвов (Ис 60, 6.14), а в Новом Завете мы находим рассказ о поклонении волхвов, которых привела к Младенцу Иисусу Вифлеемская звезда (Мф 2, 1–12).

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока...» (Мф 2, 1). Волхвы шли в Иерусалим с востока из Персии – значит, шли они в юго-западном направлении. Вифлеем находится на юге от Иерусалима.

«Множество верблюдов покроев тебя – дромадеры из Мадиана и Ефы; все они из Савы придут, принесут золото и ладан и возвестят славу Господа» (Ис 60, 6).

«И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя, и падут к стопам ног твоих все, презиравшие тебя, и назовут тебя городом Господа, Сионом Святаго Израилева» (Ис 60, 14). Таким образом, если некоторые из волхвов двигались в Иерусалим из Савы, то они ехали в северо-

ро-западном направлении. («Сава – богатая страна на юге Аравии. Возможно, она занимала юго-западную плодородную часть Аравийского полуострова». См. «Библейский словарь» В.П. Вихлянцева)

«...И говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» (Мф 2, 1–2). Следовательно, волхвы, используя для ориентира Вифлеемскую звезду, могли идти пешком или ехать на верблюдах по направлению к Вифлеему разными дорогами и с разных сторон света (из Персии и/или Аравии) продолжительное время.

Астрономический объект, ставший Вифлеемской звездой, должен удовлетворять этим условиям. На востоке мог появиться объект, находящийся как вне Солнечной системы, так и в Солнечной системе. Волхвы путешествовали очень долго. Становится очевидным, что краткосрочные явления в атмосфере Земли – метеоры, вспышки, зарницы – из-за своей краткосрочности не могут претендовать на роль Вифлеемской звезды.

Почему волхвы обратили внимание на Вифлеемскую звезду? Что в ней было особенного, чем она выделялась на фоне других небесных светил?

Во-первых, она могла быть новой звездой, появление которой волхвы, будучи астрологами, вычислили заранее и теперь ожидали ее увидеть. («Звёздное пророчество» **Валаама**: «Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых», – Числ 24, 17).

Во-вторых, она двигалась по необычной для небесно-го светила траектории (на юго-запад или северо-запад),

указывая направление на Иерусалим – Вифлеем: это также могло привлечь их внимание.

В-третьих, она, вероятно, могла быть достаточно яркой, чтобы быть видимой при дневном свете, и это позволяло волхвам ориентироваться по ней днём. Этот третий пункт является предположением, которое не подтверждается Священным Писанием. Впрочем, двух первых пунктов достаточно, чтобы волхвы обратили на звезду внимание и пошли в указанном ею направлении.

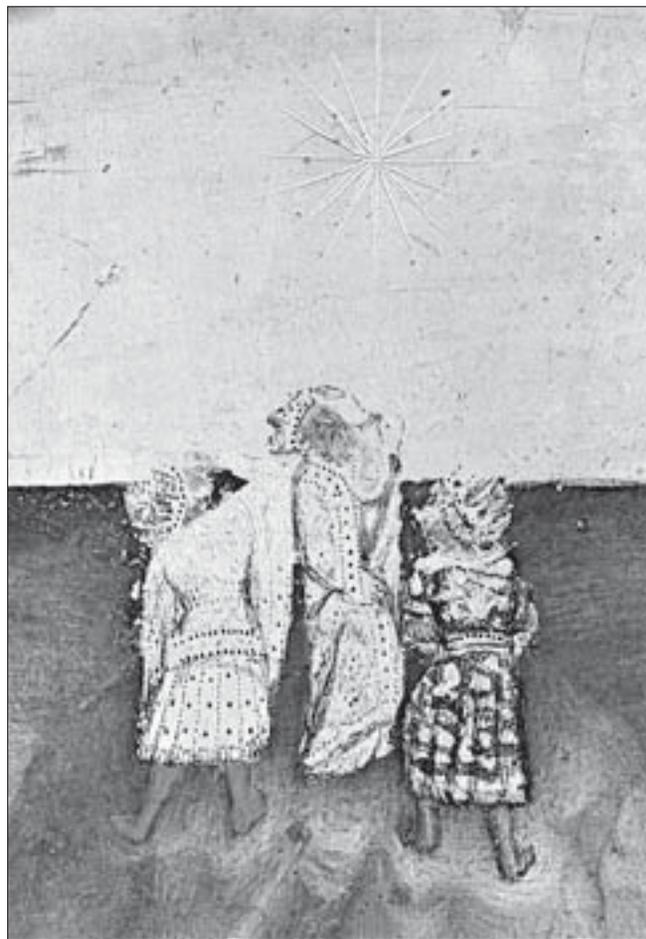
Святой Иоанн Златоуст и блаженный Феофилакт Болгарский считали, что в образе звезды явилась Божественная разумная сила.

Вот что пишет Феофилакт Болгарский в своем толковании Священного Писания: «Слыша о звезде, не думай, что она была одна из видимых нами: нет, то была Божественная и ангельская сила, явившаяся в образе звезды. Поскольку волхвы занимались наукою о звёздах, то Господь и привел их этим, для них знакомым, знаком, подобно как Петра рыбака, изумив множеством рыб, привлек ко Христу. А что звезда была сила ангельская, видно из того, что она ярко светила днем, шла, когда шли волхвы, стояла, когда не шли они: особенно же из того, что она шла с севера, где Персия, на юг, где Иерусалим: но звезды никогда не ходят от севера к югу».

Звёзды обычно восходят на востоке и заходят на западе, благодаря суточному вращению Земли (см. Рис. 1).

В Евангелии от Матфея (Мф 2, 9) мы читаем: «Они, выслушав царя, пошли: и се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец». Вифлеемская

звезда шла перед волхвами, приближаясь к ним. Если они останавливались, то и звезда останавливалась. Следовательно, Вифлеемская звезда должна была всем одновременно указывать на Вифлеем. Иными словами, Вифлеемская звезда должна была служить универсальным указателем на место рождения Мессии, не зависящим от направлений и расстояний. Это возможно только в одном случае: когда звезда, зависнув над Вифлеемом, всё время неподвижно находится над ним. Таким образом, все её видимые перемещения по небу происходили бы из-за движения к ней волхвов или на фоне суточного вращения других небесных светил. Несмотря на то что волхвы могли продвигаться к Вифлеему разными путями, они могли бы воспользоваться этим универсальным указателем, светящим над Вифлеемом. Если бы, наоборот, звезда двигалась в определённом направлении, то для одних она служила бы указателем, а для других – нет. Если же звезда всегда находится над Вифлеемом, то с какой бы стороны к ней ни шли волхвы, она всегда будет к ним приближаться, поднимаясь всё выше над горизонтом в направлении зенита на небе. Она будет останавливаться естественным образом, когда останавливаются волхвы, и будет в зените над ними (у них над головой), когда они придут на место, где родился Спаситель.

Это условие исключает астрономические явления и объекты, участвующие в суточном движении Земли, то есть в течение суток перемещающиеся по небу с востока на запад. К таким относятся любые объекты как вне Солнечной системы (сверхновые звёзды, звёздные скопления, галактики, звёзды и пр.), так и в пределах Солнечной системы (планеты, «парад планет», соединение планет, кометы, астероиды и пр.), не являющиеся спутниками на околоземной орбите. Из-за суточного вращения Земли Вифлеемская звезда не могла бы находиться постоянно перед волхвами. Она вращалась бы вместе с небосводом с востока на запад. Таким образом, универсальный указатель должен достаточно продолжительное время находиться в нужном месте, то есть указывать на место, где родился Христос. Следовательно, чтобы исключить суточное движение Вифлеемской звезды, она должна была бы синхронно вращаться с Землёй вокруг её оси, став её спутником.

Спутник на околоземной орбите можно увидеть ночью, он выглядит как движущаяся по небу яркая звёздочка, и его можно видеть невооружённым глазом. Из-за явления в атмосфере Земли его блеск имеет разную интенсивность: он светит то ярче, то тусклее. Действительно, даже движение по небу международной космической станции, высота орбиты которой от поверхности Земли может простирается от 200 до 500 километров, хорошо видно на звёздном небе. Она светит отражённым светом Солнца.

Вифлеемская звезда могла приблизиться к планете Земля из космоса как свободно летящий (посланный) объект. В этом случае она, как и все небесные светила, в результате суточного вращения Земли возшла бы в восточной части неба. В этот момент волхвы, в какой бы стране они ни находились, впервые увидели бы её на востоке (более того, для всех людей на Земле она тоже возшла бы на востоке вместе с другими светилами).

Когда Вифлеемская звезда приблизилась достаточно близко к Земле, произошёл её гравитационный захват планетой Земля, и, перейдя на околоземную орбиту, она стала спутником Земли. В это время волхвы, где бы они ни находились, могли наблюдать, как звезда, взойдя на востоке, стала перемещаться по небу, в результате гравитационного захвата, в направлении Иерусалима. Её орбита до гравитационного захвата была направлена таким образом, чтобы после него Вифлеемская звезда могла переместиться к Вифлеему и зависнуть над ним, указывая на место, где родился Спаситель.

Расположившись неподвижно над Вифлеемом, Вифлеемская звезда стала перемещаться только на фоне суточного вращения небесных светил, перейдя на околоземную орбиту и синхронно вращаясь вместе с Землёй. В этот момент Вифлеемская звезда могла исчезнуть из поля зрения волхвов, предварительно указав направление их пути, вплоть до их пришествия в Иерусалим, а могла, пройдя перед ними по небу и зависнув над Вифлеемом, постоянно указывать им путь (нет точных сведений, по которым можно было установить, как это происходило).

ВИФЛЕЕМ ($31^{\circ} 42' 16''$ с.ш. $35^{\circ} 12' 22''$ в.д.) находится не на экваторе, где могут существовать геостационарные спутники с периодом обращения вокруг Земли, равным периоду обращения Земли вокруг своей оси.

Все вращающиеся вокруг Земли спутники движутся, подчиняясь перефразированному для них первому закону Кеплера: «Каждый спутник (точки С, С') обращается вокруг Земли по эллипсу, в одном из фокусов которого находится располагающийся близко к центру Земли (точка М) центр масс системы Земля–спутник». Если спутник (точки С, С') с суточным периодом обращения вокруг Земли, в какой-то момент времени (точка С) находится над Вифлеемом, тогда его орбита, следуя первому закону Кеплера, будет смещаться относительно орбиты Вифлеемской звезды (точка В') к югу (точка С'), а потом, достигнув дальней точки своей орбиты, возвращаться назад. Наблюдатель в Вифлееме мог видеть этот спутник в зените раз в сутки (в точке В(С)). Для него спутник в течение суток двигался бы от зенита к югу, а потом назад к зениту.

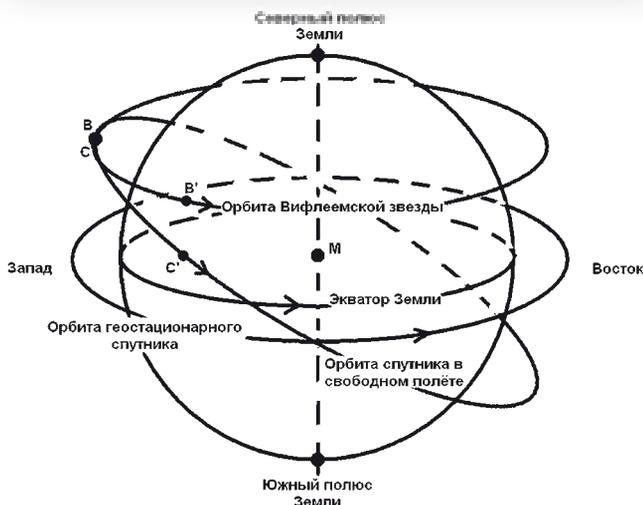

Рис. 1. Орбиты спутников и суточное вращение Земли (Рисунок автора)

Итак, после гравитационного захвата Вифлеемская звезда, как спутник Земли, переместилась к Вифлеему и «зависла» над ним. Если бы Вифлеем находился на экваторе, то она могла бы быть подобна неуправляемому геостационарному спутнику. Орбиты геостационарных спутников (ими являются спутники связи, телетрансляционные спутники и т.п.) расположены над экватором Земли. Они постоянно находятся в зените над определенной территорией, расположенной на экваторе, и никуда относительно неё не перемещаются. Период их обращения вокруг Земли равен суточному периоду вращения Земли вокруг своей оси.

Вифлеем располагается от экватора на $31^{\circ} 42' 16''$ севернее по широте. Следовательно, чтобы вращаться синхронно с Землёй вокруг её оси вращения, спутник должен, «включая двигатели», постоянно корректировать своё положение на орбите. Таким образом, Вифлеемская звезда не могла представлять собой свободно летящий вокруг Земли спутник (Рис. 1), но этот спутник должен был бы быть управляемым объектом, который под действием Божественной силы сохранял своё положение, находясь всегда в зените над Вифлеемом. Возможно, Вифлеемская звезда удерживалась каким-нибудь полем, направленным с Земли в её сторону. В любом случае, это подтверждает Божественную природу данного явления.

«Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою. И, войдя в дом, увидели Младенца с Марию, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф 2, 10–11). Вифлеемская звезда «остановилась» над головами волхвов в зените, когда они подошли к месту, где находился Младенец!

Церковь считает, что Вифлеемская звезда обязательно была естественным астрономическим телом, а скорее, чудесным явлением: исполнив свое назначение, она затем исчезла с неба, а когда волхвы пришли в Иерусалим, она скрылась, чтобы её не мог увидеть Ирод, потом же снова вернулась.

Вифлеемская звезда, этот источник света на околоземной орбите, синхронно вращавшийся с Землёй, остаётся Божественной тайной. Она могла светить отражённым солнечным светом или излучать свой собственный свет. Это тайна потому, что мы не знаем ее физической природы. Она необязательно была твёрдым телом, а могла, например, быть сгустком плазмы. Что произошло с Вифлеемской звездой потом? Это тоже остаётся тайной. Например, она могла, истратив энергию, погаснуть или, «включив двигатели», улететь в космические дали...

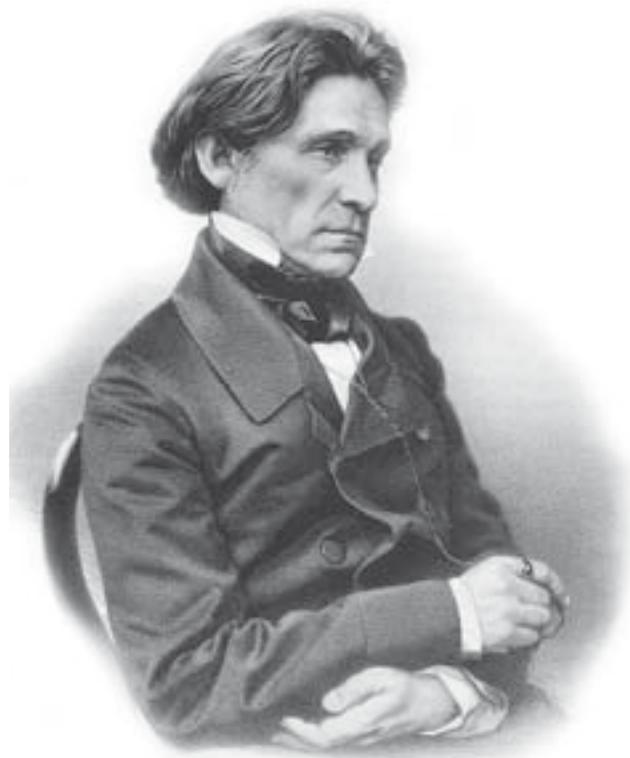
Вифлеемская звезда – это чудо, созданное Богом!

Я благодарен о. Дарию Харасимовичу OFMConv. за то, что он обратил моё внимание на данное явление. До этого у меня никогда не возникало намерения приступить к размышлению над этой темой. ☺

Медный Змий

Федор Антонович Бруни (Фиделио Джованни Барофффио) родился 15 декабря 1801 года в Милане. Он был отпрыском славного рода, предки его служили консулами и даже советниками Швейцарской Республики. Был консулом и отец художника, Антонио. Однако начало XIX века было временем смутным и беспокойным. Антонио Бруни поступил на военную службу в армию Суворова, чтобы защитить свою родину от «общего врага человечества» – Наполеона. В 1808 году, спасаясь от французов, семья оказалась в России, где Бруни-старший получил должность «живописца и скульптурного дела мастера».

Фиделе, довольно быстро ставший Федором, поступил в Академию Художеств. Хорошим поведением он не отличался, зато его усидчивость и несомненные успехи в учебе обращали на себя внимание педагогов. К концу обучения он получил серебряную медаль и право на участие в конкурсе на золотую. Но завоевать ее Бруни не удалось. Медаль досталась некоему Даниле Савину, художнику, которого в наши дни никто и не знает. При баллотировке Савин получил 40 голосов, а будущий ректор Академии – всего 22. Тем не менее Федор Бруни получил возможность отправиться для продолжения обучения в Италию. В этой солнечной стране он и сформировался как художник. Здесь же родилась идея создания монументального полотна «Поклонение Медному Змию». Этой картине и посвящен рассказ, основанный на воспоминаниях и письмах того времени.

Федор Антонович стоял на пристани и напряженно вглядывался вдаль. Вокруг шумел народ. Грузчики тащили тюки с товаром и складывали их на подводы. Матросы спешили покинуть свои суда, чтобы прогуляться по улицам загадочной Северной Пальмиры. Казалось, никто в этой суতোлке не замечал скромно одетого человека, уже изрядно продругошего на осеннем невском ветру. Впрочем, Федору Антоновичу было и не важно, что думают о нем окружающие. Он смотрел на серые волны, плавно переходящие в низкое небо, молился и думал о Змие, о своем Змие. О полотне, которому он посвятил двенадцать лет жизни. В нем было все: и юношеское желание побеждать, и часы сомнений, и поиски веры, и уже взрослые мысли о судьбе дочерей, об учениках, среди которых было столько талантливых юношей.

Неделю назад по императорской столице пронесся ужасный слух о том, что «Нептун», прекрасный английский корабль, в трюмах которого в Россию плыли ткани, заморские вина, книги и разнообразные почтовые грузы, потерпел крушение. В это страшно было поверить! Ведь там, среди всех этих свертков, были и его картины. Все, что хранилось в его римской мастерской! И главное – его Змий. Медный Змий!

Как же мучительно искал он сюжет для своего произведения. Ему хотелось написать величественное полотно об обретении веры, о силе человеческого духа. И в результате он обратился к библейской истории: к тому моменту, когда странствующие по пустыне евреи начинают поклоняться Золотому тельцу и Бог в наказание посылает на них змей. Нет спасения от их укусов. И только Медный Змий, вознесенный на столб Моисеем, может принести исцеление, если к нему прикоснуться или взглянуть с верой. Федор Антонович хотел изобразить Змия как знак, указующий согрешившему народу путь к Богу. Сначала он даже изобразил его так, словно он ведет за собой толпу отчаявшихся людей, ищущих защиты. Но однажды внезапное озарение снизошло на него, и художник повернул Змия к людям. Этот Змий должен был напомнить о Христе, дающем спасение и исцеление всем, кто обращается к Нему с верой и надеждой.

Федор Антонович снова и снова вспоминал изображенных на полотне людей. Все они давно перестали быть для него просто персонажами, пятнами красок, бликами и тенями. Это тогда, когда он вместе с несколькими помощниками натягивал гигантское полотно, тщательно его грунтовал и переносил с картонов наброски, ему казалось, что каждая линия должна быть четкой и правильной, события, словно театральное действие, должны быть видны и доступны зрителю. А что теперь? Он вспоминал написанные им лица так, будто это были живые люди, из плоти и крови, некогда встреченные им и поведавшие свои истории.

Маленькая испуганная девочка, облокотившаяся о камень, встала перед глазами. Элоиза, его дочурка, когда увидела еще набросок этого несчастного ребенка, даже вскрикнула. В ней были черты знакомых ей итальянских детей. Федор Антонович даже не думал об этом сходстве. Он вспоминал долгую дорогу в Россию. Как он с матерью и братьями трясется в карете, и этой дороге нет конца. Впереди снежная неизвестность, которая с каждой ночью, проведенной в гостинице или на постоялом дворе, становится все более ужасающей. В какой-то момент малыша охватило отчаяние. Ему казалось, что все забыли о нем, его просто перевозят, как багаж, и никому нет дела до его страхов.

Академик смахнул слезу. «От этого ветра так сильно слезятся глаза», – пробормотал он вслух. И перед его взором встали улочки Мендризио и поля его родного кантона Тичино.

Федор Антонович по происхождению был итальянцем. Его отец приехал в Россию, когда Фиделе Джованни, как тогда звали мальчика, было всего восемь лет. Он смутно помнил жизнь в доме деда и своих кузин и кузенов. Зато природа его родного швейцарско-

го кантона осталась в его памяти навсегда. Как и разговоры о России и с детства прививаемые любовь и уважение к ней.

Да-да, Федор Антонович родился в Швейцарии, в удивительном месте. Кантон Тичино населен в основном итальянцами. И не какими-нибудь самыми обыкновенными. Это родина великих архитекторов. Причем таковые есть практически в каждой семье. Вот, например, Доменико Трезини. Его семья жила совсем неподалеку. И все знали, что он уехал служить русскому царю. По прибытии в Санкт-Петербург отец повел детей смотреть на одно из величайших творений их земляка, Петропавловский собор. Фиделе стоял, запрокинув голову, и смотрел на уходящий в серое небо шпиль. Мальчику казалось, что в этом желтом храме спрятана частичка яркого солнца Тичино.

Федор Антонович моргнул – и новое видение встало перед ним. Русские солдаты! В соседнем поместье останавливался отдыхать сам Суворов! Отец говорил, что этот великий полководец не проиграл ни одного сражения и может победить даже Наполеона. Потомок древнего рода Бруни считал Наполеона дьявольским порождением Французской революции. Желая противостоять этому наглому корсиканцу, Антонио, отец Федора Антоновича, вступил в ряды швейцарского отряда Суворова. Здесь он осваивал азы русской речи и знакомился с русской культурой.

Прибывших в кантон Тичино русских солдат приняли с распростертыми объятиями. Говорившие по-французски офицеры легко находили общий язык с местной аристократией. Они рассказывали о своей далекой родине, о величественном Петербурге. А простые солдаты грелись у костров и пели свои песни на непонятном языке. Маленький Фиделе очень гордился тем, что его отец уже может переводить содержание некоторых из них.

Прошло всего несколько лет, и Антонио принял решение покинуть Швейцарию. Федор Антонович уже не помнил, что послужило причиной их переезда. То ли политическая ситуация, то ли какие-то финансовые дела отца. Детей просто посадили в карету, и семейство тронулось в путь.

Антонио, который в России стал Антоном Осиповичем, был совсем не военным, как думал сначала маленький Фиделе. Он был архитектором и художником, прекрасным реставратором и педагогом. Не зря же некогда римская Академия Святого Духа присудила ему звание академика. Приехав на новую родину, Антон Осипович сразу же получил от императора хорошие заказы. Он расписывал потолки и реставрировал картины. А потом семья осела в Царском Селе, и Бруни стал преподавать в лицее.

С этого момента жизнь Фиделе, быстро ставшего

Федором, наполнилась новыми друзьями, с которыми он сначала общался по-французски, а потом и по-русски.

Федор Антонович тяжело вздохнул. Перед его взором всплыло лицо кудрявого мальчика, лицеиста. Кто бы мог подумать, что по прошествии множества лет придется писать его посмертный портрет!

Федор Антонович и Александр Сергеевич Пушкин не были близкими друзьями. Поступив в Академию Художеств, Бруни-младший все свободное время посвящал живописи. У Пушкина были свои интересы. Хотя Антон Осипович не уставал говорить о художественных талантах этого юноши.

А потом была поездка в Италию. Новые впечатления, знакомства и, конечно же, картины. И Анжелика Серни, его прекрасная Анжелика, которая, став его женой, не побоялась ехать в далекую Россию!

Анжелика тоже есть на его картине. Она льнет к своему мужу, прося защиты и поддержки. Федору Антоновичу нередко приходилось видеть испуг и недоумение на лице жены в первые месяцы пребывания на новой родине.

Когда Бруни вернулся из Италии, они снова встретились с Пушкиным. Пушкин уже тоже был женат и тоже на красавице. Нежная Наталья Гончарова очень

понравилась художнику... Федор Антонович вспомнил их последнюю встречу. Тогда он пришел, чтобы написать последний портрет великого поэта.

Воспоминания были слишком грустными, и Федор Антонович вновь вернулся мыслями к своей картине. Девочка у камня... Сколько в ней отчаяния! А рядом маленький братик, которого ужалила змея. Кто поможет этому ребенку? Как холодно! Как страшно!

Кто-то коснулся Федора Антоновича. Он вздрогнул и словно вынырнул из омута своих мыслей. Рядом стоял его верный слуга. Он исколесил со своим хозяином пол-Европы. Сейчас он тоже продрог. Ему хотелось поскорее вернуться в Академию, выпить на кухне чаю и поболтать с другими слугами о петербургских новостях. Но Федор Антонович только отмахнулся от слуги. Он помнил, что обещал сегодня вернуться в Академию. Его ждали ученики с новыми работами, которые он хотел непременно посмотреть. Но серая вода приковывала его взор, и снова и снова он возвращался мыслями к своему величественному полотну.

Вчера он получил весточку, что «Нептун» не разбился о скалы и не утонул, что это лишь пугающие слухи. Федор Бруни хотел увидеть, как его аккуратно свернутое полотно спустят с корабля и доставят на

берег. Он хотел сразу же увезти к себе в мастерскую сундуки с картонами и маленькие свертки с другими своими итальянскими полотнами.

Италия, Рим... Там неподалеку от фонтана Треви живет Зинаида Волконская, его друг и наставница. Сколько вечеров он провел в ее салоне! И кто, как не она, помог ему вернуться в Вечный город и завершить «Медного Змия»! Образ этой удивительной женщины встал перед его глазами. Вот она в театральной ложе, внимательно слушает исполнение написанной ею оперы. А вот она же в костюме Танкреда позирует для его картины. Как же был польщён Бруни, когда увидел список с этой картины у Пушкина. А потом, во второй приезд художника в Рим, она снова позировала ему для «Медного Змия». Зинаида Александровна, стараясь сидеть неподвижно, спрашивала его: «В чем смысл сюжета?» И Федор Антонович отвечал, что все дело в грехе, который пронзил наши сердца, как зубы змеи, и спасение от него только в Иисусе Христе. Зинаида Александровна согласно кивала и задавала все новые и новые вопросы, сама того не осознавая, меняя композицию картины и даже ее первоначальный замысел.

Бруни изобразил ее на руках у мужа, вознесенной над толпой. Она прекрасна, ее волосы развеваются на ветру. Кажется, что, поднятая сильными руками мужа над головами других людей, она видит что-то, что не подвластно земному зрению. А что же муж? В лице мужчины читаются сила и решимость. Это грозный воин, готовый спасти свою возлюбленную из любой опасной ситуации. Моделью для него послужил один итальянский натурщик. Хотя... Перед мысленным взором Федора Антоновича встал образ князя Никиты Волконского, сильного и умного мужчины. Таланты жены, казалось, затмили его. Впрочем, он не жаловался. Все хорошо помнили случай с кольцом, произошедший с ним при дворе Наполеона, и не сомневались в мужестве и проницательности этого человека.

Эту историю Федору Антоновичу, который в свой первый приезд в Италию снова стал Фиделе, поведал один из завсегдатаев салона Волконской. Никита Григорьевич Волконский был послан императором Александром к Наполеону с письмом. На прощание Наполеон через одного из своих гофмаршалов передал русскому посланнику небольшой презент. Когда

Никита Григорьевич раскрыл футляр, в нем оказался перстень с маленьким бриллиантом. Представитель древнего княжеского рода счел такой подарок недостойным русского посла и офицера. В те времена такие колечки дарили юным девицам, но никак не посланникам Российской империи. Волконский передал колечко одному из французских жандармов, сопровождавших его. Наполеон узнал об этом, обиделся и обещал пожаловаться императору Александру. А вот российский император хорошо понял мотивы поведения своего посланника. Взошедшему на престол на волне революции корсиканцу тяжело давалось общение с представителями европейской аристократии, а уж русские князья всегда были для него загадкой...

Очередной порыв холодного ветра чуть не сбил художника с ног. Пора возвращаться в Академию. Федор Антонович побрел к карете. Неужели сегодня «Нептун» не придет?

Было далеко за полночь, когда в дом Бруни постучался английский матрос. Картины были выгружены и ехали на подводах в мастерскую академика. Гигантское полотно с «Медным Змием» направлялось в Зимний дворец.

Через несколько дней Федор Антонович стоял в зале и наблюдал за реакцией зрителей на его картину. В целом он был доволен. Люди пугались! Многие не могли сдержать слез! Не этого ли он добивался? Ужас потери веры – разве не об этом он хотел создать полотно?

Фигуры первого плана Бруни специально написал больше человеческого роста. Они должны были подавлять зрителя. Лежащий в центре картины мужчина, укушенный змеями, корчился в муках. И только вознесенный на колонну Медный Змий, да группа, окружающая Моисея, спокой-

но взирали на народное бедствие. Но поймут ли зрители, в чем основная мысль картины? Поймут ли они, что только Бог может принести спасение и исцеление? Поймут ли что Змий – это древний символ Христа, вознесенного на крестном древе?

Федор Антонович мучительно вслушивался в тихий шепот зрителей, раздававшийся в зале. Говорили о политике, искали сходство образов. Но были и те, кто сразу отмечал религиозную составляющую картины. А как же может быть по-другому? Ведь у многих, пришедших посмотреть на «Змия», в особняках висели картины кисти Бруни на религиозные сюжеты.

К нему зачастую специально обращались, чтобы он написал нечто одухотворенное.

В целом Бруни был доволен произведенным на русскую публику впечатлением. Это было даже больше, чем он ожидал. Ведь он опоздал на семь лет! Карл Брюллов привез на родину свой «Последний день Помпеи», полотно столь же большое и столь же пугающее, именно семь лет назад. И после него стало трудно поразить столичную публику.

Федор Антонович возвратился домой в приподнятом настроении. Анжелика встретила его, загадочно улыбаясь. Его явно ждал какой-то сюрприз, о котором домашние сговорились молчать до поры до времени. Нельзя сказать, что Федор Антонович был любопытен, но, как всяких художник, он был внимателен к мелочам. За обедом он не удержался и спросил, в чем причина столь радостного возбуждения, царящего в доме. Дочери захихикали, но ответа он так и не получил. И только вечером, войдя в мастерскую, чтобы продолжить работу над очередным картоном, он заметил Ее. Среди набросков и эскизов фресок Исаакиевского собора Федор Антонович увидел «Тайную вечерю». В эту картину он вложил частичку своей души и очень страдал, когда она бесследно исчезла. Судно, перевозившее «Тайную вечерю», трижды переживало крушения, часть груза утонула в морской пучине. Художнику казалось, что и его полотно, тщательно упакованное и перевязанное веревкой, истлевет где-то среди водорослей и рыб. И вот оно стоит перед ним,

заботливо натянутое на подрамник. Как же написанные им несколько лет назад апостолы напоминают сегодняшнюю столичную публику, пришедшую посмотреть на его картину! Одни, как Петр, всматриваются в детали, не замечая главного. Другие, как Иуда, удаляются. А смысл картины – ровно посередине. Он же виден и понятен, как Христос в «Тайной вечере». Вот Он, в Нем спасение, в Нем исцеление, в Нем ответ!

Чувствуя на себе взгляд Христа с картины «Тайная вечеря», Федор Антонович приступил к новой работе. Подготовка картонов для росписей Исаакиевского собора занимала все его время и мысли. Следовало написать прошение императору и снова отправиться в Италию за вдохновением. Бруни намеревался создать образы, не уступающие творениям Микеланджело в Сикстинской капелле...

Федор Антонович Бруни создал 25 картонов для росписей Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Он был хранителем картинной галереи Эрмитажа и до конца своих дней служил в Академии Художеств, в том числе шестнадцать лет – в качестве ее ректора. К концу жизни Бруни был почетным членом Миланской и Болонской Академий, почетным профессором Флорентийской Академии и Римской Академии Святого Духа. Но он завещал, чтобы его похоронили в Санкт-Петербурге, ставшем ему второй родиной. В столице великой империи, которой он служил своей кистью верой и правдой всю жизнь. ☺

В Издательстве Францисканцев вышел первый русский перевод с латыни «Золотой легенды» Иакова Ворагинского

В середине XIII века доминиканский богослов Иаков Ворагинский (Якопо да Варацце) создал книгу «Легенда о святых», собрав в ней сказания о мучениках, подвижниках веры и великих христианских праздниках. Его сочинение стало одной из самых популярных книг Средневековья и получило название «Золотая легенда» (Legenda Aurea).

Уже в XIV веке латинский текст «Золотой легенды» был переведен на основные языки средневековой Европы – итальянский, немецкий, старофранцузский, провансальский, каталанский, чешский.

Полный русский перевод фундаментального труда Иакова Ворагинского с латинского языка осуществлен впервые преподавателями кафедры древних языков Исторического факультета МГУ И.В. Кувшинской и И.И. Аникьевым.

Первое издание этого перевода выходит в двух томах. Выход второго тома ожидается в первой половине 2017 года.

О святом Сильвестре

(отрывок из «Золотой легенды» Иакова Ворагинского)

Сильвестр, рожденный матерью, праведной именем и делами, был воспитан епископом Кирином. Сильвестр отличался щедрым гостеприимством. Он принял под свой кров христианнейшего Тимофея, которому из-за гонений все отказывали в радушном приеме. Тимофей проповедовал год и три месяца, а затем удостоился мученического венца, ибо твердо настаивал в вере Христовой. Префект Тарквиний решил, что Тимофей обладал многими богатствами, и потребовал их у Сильвестра, угрожая ему смертью. Удостоверившись, что Тимофей не имел никаких сокровищ, Тарквиний велел Сильвестру принести жертвы идолам и в случае отказа грозил на другой день подвергнуть его разного рода пыткам. Сильвестр ответил ему: «Глупец, ты умрешь сегодня ночью, и будешь подвергнут вечным пыткам, и, хочешь того или нет, познаешь истинного Бога, Которого мы почитаем». Сильвестра заключили в темницу, а Тарквиний отправился на пир. За обедом рыба кость так повернулась в его горле, что префект не мог ни выплюнуть ее, ни проглотить. Посреди ночи Тарквиний умер, и тело его с плачем отнесли в гробницу. Сильвестра же с радостью выпустили из темницы, ибо он пользовался удивительной любовью не только христиан, но и язычников. Сильвестр обладал ангельской внешностью, был блистателен речами, целомудрен телом,

свят деяниями, велик в совете, праведен в вере, терпелив в надежде и неиссякаем в любви.

По смерти Мельхиада, епископа города Рима, Сильвестр, хотя и против своего желания, был всенародно избран верховным понтификом. Он заносил в списки имена всех сирот, вдов и нищих и снабжал их всем необходимым. Сильвестр объявил среду, пятницу и субботу постными днями, четверг же повелел соблюдать, как и воскресенье. Греки из числа христиан стали говорить, что субботу следует почитать больше, чем четверг. Сильвестр отвечал им, что не следует так поступать: почитать четверг велит апостольская традиция, ибо погребению Господню необходимо сострадать. Греки сказали: «Есть одна суббота погребения Господнего, в которую раз в году должно поститься». Сильвестр ответил: «Как всякий воскресный день отмечен славой Воскресения Господня, так и всякую субботу следует вспоминать о Его погребении». Греки согласились в отношении суб-

боты, но продолжали упорствовать относительно четверга, говоря, что христианам не следует праздновать этот день. Сильвестр привел три причины и указал грекам на особое достоинство четверга: в этот день Господь вознесся на небо и установил таинство Своего тела и крови, Церковь же в этот день обрела помазание. И тогда все согласились с его доводами.

В то время Константин начал гонения на христиан. Поэтому Сильвестр покинул город и вместе с клиром удалился на некую гору. Самого же Константина в наказание за жестокие гонения поразила проказа. Тогда по совету языческих жрецов к нему привели три тысячи отроков, дабы после их убиения Константин омылся в свежей и еще теплой крови. Когда император выехал к тому месту, где готовилась купель, матери отроков обступили его, распустив волосы и горестно стеная. Константин, пролив слезы, велел вознице остановиться и, поднявшись, произнес: «Выслушайте меня, спутники мои и соратники, и весь народ, что собрался здесь! Достоинство римского народа рождается из источника милосердия. Милосердие дало закон, присуждающий к смертной казни всякого, кто на войне убьет ребенка. Сколь велика наша жестокость, если мы поступим со своими сыновьям так, как наш закон запрещает поступать с детьми врагов! К чему нам побеждать варваров, если мы сами будем побеждены жестокостью? Ибо доблесть воинственных народов состоит в том, чтобы силой смирять чужеземные племена, но доблесть нравов – побеждать пороки и грехи. Итак, на войне мы стремимся стать сильнее неприятеля, в этих же поединках мы превосходим самих себя. Тот, кто побежден в подобном сражении, будучи побежденным, одерживает победу. Но если благочестие побеждено нечестием, то победитель терпит поражение. Пусть же в нашем сражении победит благочестие. Ведь мы сможем победить любого врага, если будем побеждать одним лишь благочестием. И только тот, кто явит себя рабом благочестия, докажет, что он – господин всех. Так пусть я умру, но сохраню жизнь невинным, нежели в их гибели обрету жизнь, полную жестокости. Ибо еще не ясно, обрету ли я жизнь, но очевидно, что, обретенная таким путем, она станет жестокой».

Император приказал, чтобы дети были возвращены матерям. Он подарил им многие богатства и бесконечное число повозок, так что матери, пришедшие с плачем, в радости возвратились домой. Сам же император вернулся во дворец. На следующую ночь Константину явились Петр и Павел. Апостолы сказали ему: «Поскольку ты утратил невинную кровь, Господь Иисус Христос послал нас к тебе, чтобы дать совет, как обрести здравие. Призови епископа Сильвестра, который скрывается на горе Сираптис. Он покажет тебе купель: трижды погрузившись в нее, ты полностью излечишься от проказы. В свой черед, ты воздашь Христу тем, что разрушишь храмы идолов, восстановишь христианские церкви и сам станешь почитать Христа». Пробудившись, Константин тотчас послал воинов к Сильвестру.

Увидев воинов, Сильвестр решил, что ныне призван

обрести пальмовую ветвь мученичества. Препоручив себя Богу и ободряя соратников, Сильвестр бестрепетно предстал перед Константином. Император сказал ему: «Мы приветствуем тебя и рады, что ты прибыл к нам». Сильвестр также приветствовал его. Тогда Константин по порядку рассказал о видении, данном ему во сне. Затем Константин спросил у Сильвестра, какие два бога явились ему в том видении. Сильвестр ответил, что то были апостолы Христовы, а не боги, и по просьбе императора велел принести изображения апостолов. Увидев их, император воскликнул, что именно они явились ему. Сильвестр объявил Константина оглашенным, велел ему соблюдать пост в течение недели и убедил открыть двери тюрем. Когда Константин вошел в воду, чтобы принять крещение, ярчайшее дивное сияние озарило все вокруг. Император вышел из воды очищенным и объявил, что узрел Христа.

В первый день после крещения император издал указ, чтобы Христа почитали в городе Риме как истинного Бога. На второй день – чтобы всякого хулителя Христа предавали наказанию. На третий день – чтобы всякий, кто оскорбил христианина, лишался половины своего имущества. На четвертый день император постановил, чтобы, подобно римскому императору, римский понтифик стал главою всех епископов. На пятый день он постановил: если какой-либо человек найдет убежище в церкви, он обретет неприкосновенность и будет огражден от всякой несправедливости. На шестой день император объявил, что никто не может построить церковь в черте города без ведома предстоятеля той общины. На седьмой день он постановил, что десятина всех императорских доходов выделяется на строительство церковей. На восьмой день император пришел в церковь Святого Петра и со слезами покаялся в своих грехах. Затем Константин взял кирку и первым стал копать землю, дабы заложить основание новой базилики, и на своих плечах вынес за пределы здания двенадцать корзин с землей.

Елена, мать Константина Августа, пребывала в то время в Вифании. Услышав о крещении Константина, она отравила сыну письмо и похвалила за то, что Константин перестал почитать идолов. Она, тем не менее, сурово порицала императора, ибо тот, оставив иудейского Бога, стал поклоняться распятому Богу-Человеку. В ответном письме Август попросил Елену привезти с собой наставников иудейских. Сам он также обещал представить двенадцать ученых мужей из христиан, чтобы диспут между ними показал, какая вера истинна. Вместе со святой Еленой прибыли иудейские мужи, отмеченные глубокой ученостью: их было сто шестьдесят один человек, и среди них двенадцать мудрецов превосходили прочих зна-

нием и красноречием. Блаженный Сильвестр со своим клиром и упомянутые иудеи собрались перед лицом императора, чтобы вести между собой диспут. По взаимному согласию из числа язычников решено было избрать двух судей, Кратона и Зенофила, мужей мудрейших и достойнейших, которые должны были выносить решение о победителях в споре. Судьи, хотя и язычники, были справедливыми и благочестивыми людьми. Прежде всего они объявили, что пока один из участников спора стоит, излагая свое мнение, другой не должен его пребывать.

Первый из двенадцати мудрецов по имени Авиафар начал диспут, говоря: «Когда христиане утверждают, что существуют три Бога – Отец, Сын и Святой Дух, очевидно, что они противоречат Закону, ибо сказано: *Я Господь, и нет иного; нет Бога, кроме Меня* (Ис 45, 5). Наконец, если они полагают, что Христос есть Бог, поскольку Он явил много знамений, то и в нашем Законе были многие, творившие различные чудеса. Однако никто из них не осмелился присвоить себе Божественное достоинство, как сделал Тот, Кого почитают эти люди». Сильвестр ответил ему: «Мы чтим Единого Бога, но не думаем, что Бог пребывает в таком одиночестве, что не может радоваться Сыну. Мы можем доказать вам Троичность Божества, приводя примеры из ваших книг. Ведь мы зовем Отцом Того, о Котором пророк сказал: *Он будет звать Меня: Ты отец мой, Бог мой* (Пс 89 (88), 27), называем Сыном – о Котором пророк говорит: *Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя* (Пс 2, 7), и Святым Духом – о Котором он сказал: *И духом уст Его – все воинство их* (Пс 33 (32), 6). В словах: *Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему* (Быт 1, 26) с очевидностью отмечена и множественность лиц, и единство Божественной природы. Хотя существуют три лица, Бог един, и мы желаем показать это с помощью очевидного примера». Взяв императорскую порфиру, Сильвестр сделал на ней три складки, говоря: «Вот, взгляните на эти три складки», – и продолжил объяснение: «Посмотрите, подобно тому как три складки составляют одну ткань, так и три Лица суть единый Бог. (...)

Авиафар отошел, и его место занял второй иудей, которого звали Иона. Он сказал: «Авраам, получив завет от Бога совершать обрезание, был оправдан. Все сыны Авраамовы в знак своей праведности соблюдали этот завет, и потому всякий, кто не совершил обрезание, не может быть праведным». Сильвестр ответил ему: «Мы знаем, что Авраам был угоден Богу и до того, как совершил обрезание, и был назван другом Его. Следовательно, Авраама освятило не обрезание, но Богу была угодна его вера и праведность. Авраам совершил обрезание не ради освящения, но в знак отличия».

Иона был побежден. Тогда вышел третий участник спора по имени Годолия. Он сказал: «Как мог ваш Христос быть Богом, если вы утверждаете, что Он был рожден, искушаем, предан, обнажен, напоен желчью, пригвожден ко Кресту – ведь подобное не может случиться с Богом». Сильвестр ответил: «Мы утверждаем, что все это предречено о Христе в ваших книгах. О Его Рождестве говорил Исайя: *Се, Дева во чреве примет... и проч.* (Ис 7, 14). О его искушении пророчествует Захария: *И показал он мне Иисуса, великого иерея, стоящего перед Ангелом Господним, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему... и проч.* (Зах 3, 1). О том, как предали Его, говорит Псалмопевец: *Который ел хлеб мой, поднял на меня пяту... и проч.* (Пс 41 (40), 10). Он же говорит о наготе Его: *Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий... и проч.* (Пс 22 (21), 19). О том, как Его напоили желчью, сказано: *И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей... и проч.* (Пс 69 (68), 22). О том, как был Он пригвожден ко Кресту, говорит Ездра: «Вы заключили Меня в оковы не как Отца, Который освободил вас из земли Египта, вы, кричащие перед собранием судей, отдали Меня на поругание, вы повесили Меня на древе и предали Меня». О Его погребении говорит Иеремия: «В Его погребении воскреснут мертвые». Годолия не мог возразить Сильвестру и удалился, когда судьи вынесли решение.

Пятым вышел Анна и сказал: «Этот Сильвестр утверждает, что пророчества, говорящие о других, свидетельствуют о его Христе. Но ему еще следует доказать, что это были пророчества о Христе». Сильвестр ответил ему: «Укажи мне на кого-либо другого, кто был зачат девой, напоен желчью, коронован тернием, распят, умер и был погребен, кто воскрес из мертвых и вознесся на небо». Тогда Константин сказал: «Если он не укажет нам на кого-либо другого, пусть считает себя побежденным». (...)

Одиннадцатый мудрец, по имени Силеон, сказал: «Если пророки возвестили о твоём Христе, то как могли произойти Его поругание, страдание и смерть?». Сильвестр ответил: «Христос претерпевал голод, чтобы придать нам сил, Он жаждал, чтобы утолить нашу жажду животворной чашей. Христос был искушаем, дабы избавить нас от искушений, Он был схвачен, дабы выпустить нас из бесовского плена, Он был осмеян, чтобы освободить нас от насмешек демонов. Христос был связан, чтобы разрешить нас от оков проклятия, Он смирился, чтобы возвысить нас, был обнажен, чтобы прикрыть Своим искуплением наготу первоначального греха. Он принял терновый венец, дабы вернуть погибшие цветы Рая. Христос был повешен на древе, чтобы осудить вождество, от древа произошедшее, Он испил

желчь и уксус, чтобы привести человека к той земле, где течет млеко и мед и отворить для нас медоносные источники. Христос принял смерть, чтобы даровать нам Свое бессмертие, Он был погребен, чтобы благословить могилы святых, воскрес, чтобы вернуть жизнь умершим, вознесся на небо, чтобы отворить врата небесные, Он сидит одесную Отца, чтобы внимать молитвам верных». (...)

Тогда разгневанный двенадцатый мудрец, по имени Замбри, сказал: «Я удивлен, что вы, мудрейшие судьи, поверили туманным речам и выносите заключение о могуществе Бога, следуя доводам разума. Завершим же разговоры и перейдем к делам. Воистину, величайшими из глупцов являются те, которые почитают Распятого Бога. Мне же известно имя Всемогущего Бога, перед силой которого не устоят скалы, и никакое живое существо не перенесет звук Его имени. Если хотите удостовериться, что я говорю правду, пусть приведут ко мне свирепейшего быка: я шепну ему на ухо это имя, и бык тотчас падет замертво». Сильвестр возразил ему: «Как же ты сам не пал замертво, услышав это имя?». Замбри ответил: «Не тебе постигать подобную тайну, ибо ты враг иудеев».

Тогда привели свирепого быка, которого с трудом удерживали сто сильнейших мужей. Замбри шепнул ему на ухо слово, и бык, ревя и вращая глазами, немедленно испустил дух. Все иудеи стали громко кричать и бранить Сильвестра. Он же сказал им: «Тот человек не произнес имя Божие, но призвал имя злейшего из демонов. Мой же Бог, Иисус Христос, не только поражает смертью живущих, но воскрешает мертвых. Убить и не вернуть жизнь достойно львов, змей и диких хищников. Полагаю, Замбри захочет доказать, что он не произносил имени демона. Пусть назовет это имя снова и оживит убитого быка. Ведь от Бога написано: «Я поражу смертью, и Я дам жизнь». Если Замбри не сможет это сделать, без сомнения, он назвал имя демона, который может поразить живого, но не в силах воскресить мертвого. Судьи стали призывать иудея воскресить быка, но тот ответил: «Пусть лучше Сильвестр воскресит его во имя Иисуса Христа, и тогда мы все уверуем в Него. Но даже если Сильвестр обретет крылья и научится летать, ему все равно его не воскресить». Все иудеи обещали уверовать, если Сильвестр воскресит мертвого быка.

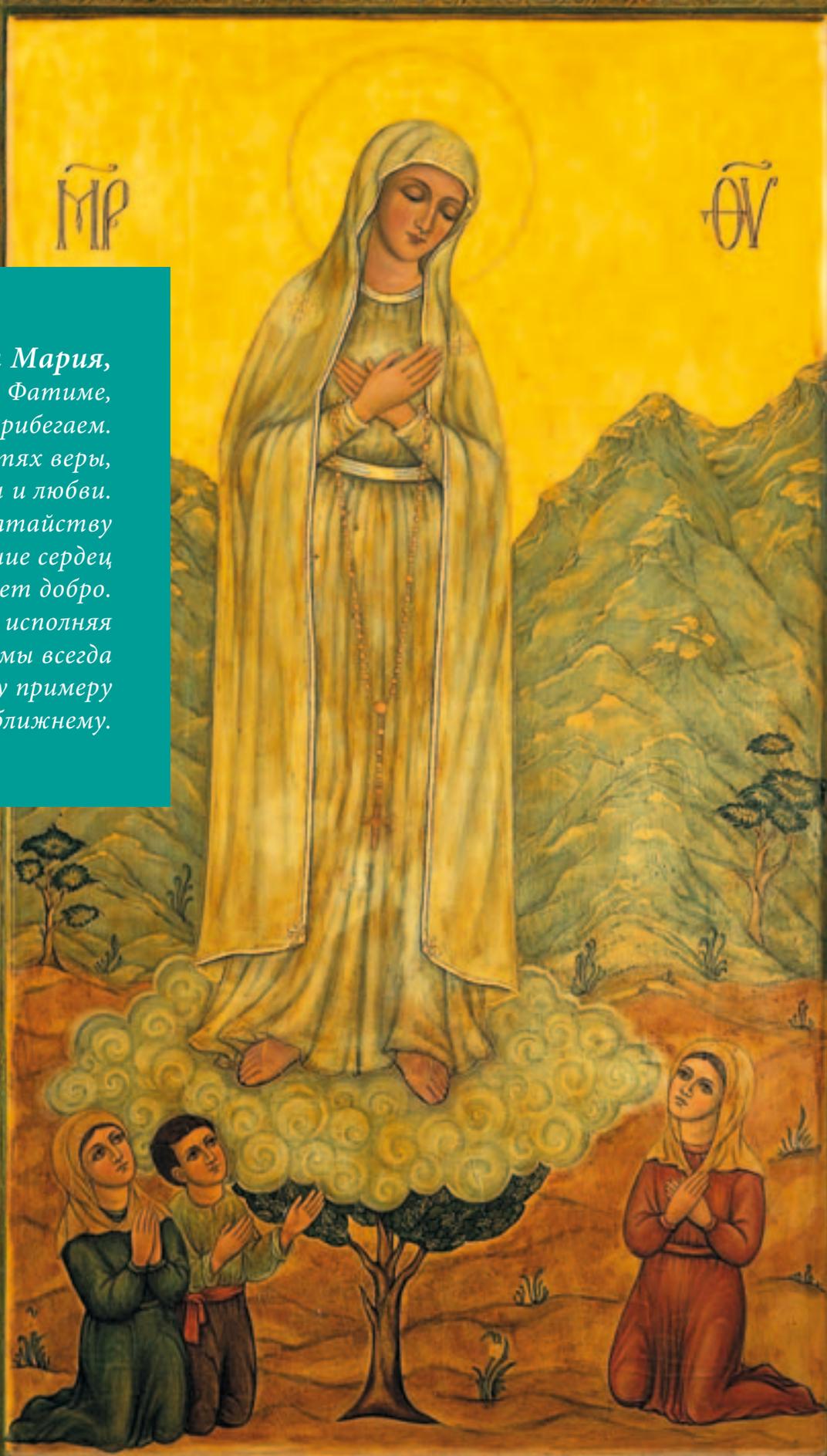
Тогда Сильвестр, сотворив молитву, склонился к уху быка и сказал: «О имя, колдовское и смертоносное, волею Господа Нашего Иисуса Христа, изыди! Именем Его приказываю тебе, бык, поднимись и покорно возвращаясь к стаду своему!» Бык немедленно поднялся и смиренно покинул то место. И тогда царица, иудеи, и судьи, и все прочие обратились к вере.

Через несколько дней жрецы идолов пришли к императору и сказали: «Святейший император, после того как вы приняли веру Христову, дракон, что обитает во рву, стал ежедневно убивать более трехсот человек своим зловонным дыханием». Константин обратился за советом к Сильвестру, и тот ответил ему: «Силою Христа я заставляю дракона прекратить сеять пагубу среди людей». Тогда жрецы обещали, что уверуют, если ему удастся это сделать. Сильвестр вознес молитву, и Святой Дух явился ему, говоря: «Возьми двоих священников и вместе с ними спокойно сойди к дракону. Подойдя к нему, произнеси такие слова: «Господь наш Иисус Христос, рожденный от Девы, распятый и погребенный, Который воскрес и сидит одесную Отца, грядет судить живых и мертвых. Ты же, сатана, ожидай Его прихода здесь, в этом рву!». Затем обвяжи нитью пасть дракона и запечатай ее своим кольцом с изображением креста. После того вы вернетесь ко Мне невредимыми и вкусите хлеб, который Я приурочиваю для вас».

Сильвестр вместе с двумя священниками, державшими светильники, спустился в ров на сорок ступеней. Он сказал дракону те слова и, как было приказано, запечатал его уста, издававшие свист и шипение. Поднимаясь наверх, Сильвестр увидел двух магов, которые последовали за ним, чтобы удостовериться, действительно ли он спустился вниз к дракону. Маги едва не умерли от зловония дракона. Он вывел их из рва, живых и здоровых, и маги тотчас обратились к вере вместе с бесчисленным множеством народа. Так римляне были спасены от двойной гибели – от поклонения демонам и яда дракона.

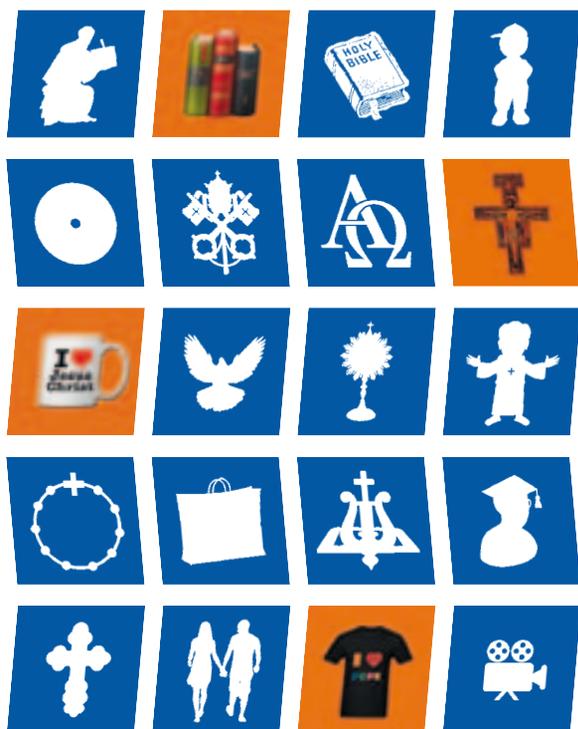
Наконец, почувствовав приближение смерти, блаженный Сильвестр обратился к клиру с тремя наставлениями: любить друг друга, заботливо управлять своими церквями и тщательно оберегать паству от хищных волков. После чего он счастливо упокоился во Господе в лето Господне 320-е. ☉

*Пресвятая Дева Мария,
явившаяся в Фатиме,
под Твою защиту прибегаем.
Будь с нами на путях веры,
надежды и любви.
По Твоему ходатайству
да наступит обращение сердец
и да восторжествует добро.
Молись о нас, чтобы, исполняя
волю Всевышнего, мы всегда
уподоблялись Твоему примеру
служения Богу и ближнему.*

К STORE

онлайн-магазин
не только для католиков

Мы предлагаем:

Более 650 товаров
в 45 рубриках

Наши товары можно читать, смотреть,
слушать, носить и дарить друг другу.

Самые выгодные
цены от издателей

Книги более 25 издательств-партнёров
представлены в нашем ассортименте.

- К католическая и общехристианская литература
- К документальные фильмы на DVD
- К CD-диски с духовной музыкой
- К религиозная атрибутика
- К эксклюзивные сувениры
- К христианские открытки

Множество
вариантов доставки
и оплаты

В любую точку России, Белоруссии
и Казахстана. Платите так, как удобно вам.

store.icatholic.ru

К STORE